

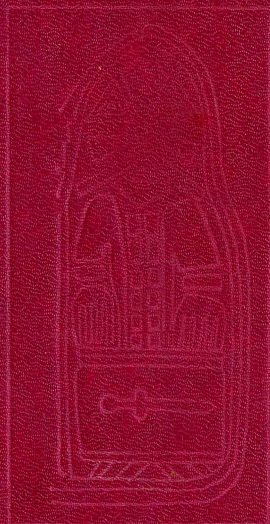
А. И. СОЛОВЬЕВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО

коренного населения

Западной СИБИРИ

*Эпоха
средневековья*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

А. И. СОЛОВЬЕВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО
КОРЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Эпоха средневековья

Ответственный редактор
д-р ист. наук *В. И. Молодин*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья.— Новосибирск: Наука, 1987.

Монография посвящена малоисследованным, актуальным для средневековой археологии Северной Азии проблемам вооружения и военного искусства коренных народов Западно-Сибирской равнины. В книге впервые систематизированы и обобщены данные по средневековому вооружению и военному делу предков современных хантов, манси, селькупов, полученные в результате анализа вещественных, изобразительных, письменных и фольклорных материалов.

Для археологов, этнографов, историков.

Рецензенты В. И. Соболев, Ю. С. Худяков

ПРЕДИСЛОВИЕ

В археологической науке большой интерес всегда вызывали вопросы оружейноведения и военного искусства. Им посвящено много различных исследований. Достаточно упомянуть ставшие классическими труды А. Н. Кирпичникова, Н. Я. Мерперта, Е. В. Черненко¹. Однако на сибирском материале, как, впрочем, и центральноазиатском, эти вопросы изучены пока недостаточно. Поэтому особенно важно появление как серии статей, в которых рассматривается типология отдельных видов вооружения, так и монографических работ, посвященных военному делу некоторых народов. В этой связи необходимо упомянуть исследования Ю. С. Худякова и В. А. Иванова². К ним следует отнести и предлагаемую читателям монографию молодого археолога А. И. Соловьева.

Средневековые таежной и предтаежной зон Западной Сибири — один из интереснейших, но, к сожалению, слабоизученных периодов истории региона. Ключевые вопросы этнической истории аборигенного населения уходят своими корнями в глубь этого времени.

Эпоха средневековья таежной части Западной Сибири характеризуется существенными изменениями в социально-экономических отношениях, в частности усилением связей коренного населения с кочевым миром степей. В лесное Обь-Иртышье начинает поступать много изделий ремесленников с юга (металлическая посуда, ткани, предметы роскоши и военного снаряжения). Рост обмена имел далеко идущие социальные последствия. В руках выделившейся родоплеменной верхушки таежных аборигенов накапливаются сокровища. Общество вступает в тот период, когда, по словам Ф. Энгельса, «богатство соседей возбуждает жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей... Грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»³.

У таежного населения складываются военно-потестарные организации. Военные конфликты в значительной степени определяют социальный облик эпохи. Поэтому едва ли будет ошибкой считать, что история запад-

но-сибирского средневековья не может быть освещена вне проблем, касающихся военной стороны жизни общества.

Несмотря на обилие накопленного материала и несомненный интерес к военной проблематике, можно констатировать отсутствие монографических разработок этих вопросов в масштабах региона. Этот существенный пробел мешает целостной реконструкции исторических процессов в Западной Сибири и правильной оценке явлений, происходивших на соседних территориях. Все это и определяет актуальность данного исследования.

*
* * *

Понятие «военное дело» отражает практически все стороны функционирования древних обществ. Многоплановость объекта исследования требует к себе многопланового подхода, что создает порой очень серьезные трудности при интерпретации источников. В настоящей монографии сделана попытка комплексно осветить материал, используя для этого весь доступный круг источников и методов (традиционно археологических, естественных и смежных наук). При интерпретации данных автор по мере возможности привлекает письменные источники, героический фольклор, что в конечном итоге обеспечивает полноту и конкретность исследования. При этом исследователь, используя экологический и палеоэтнографический подходы, создает своего рода археолого-этнографическую модель, которая, как и всякая модель, не лишена недостатков.

Сознавая сложность и многогранность стоящей перед ним проблемы А. И. Соловьев не замыкается на создании формально типологической схемы предметов вооружения, а пытается подойти к решению собственно общеполитических аспектов (природно-географические, социально-политические и экономические, способы ведения войны, особенности в развитии военного дела, военного воспитания и культовой атрибутики у коренного населения западносибирской тайги и севера лесостепной полосы на протяжении значительного исторического периода). Естественно-географическая среда рассматривается как театр военных действий и как естественная экологическая ниша, в которой формируется хозяйственно-культурный тип. На его основе и рассматривается военное дело, исследуются основные направления социально-экономического развития, потестарные структуры древних обществ, роль и место военных предводителей, принципы воинских организаций, определяется облик военных формирований, которые, по мнению А. И. Соловьева, носили милиционный характер, причины военных конфликтов, принципы и способы физической подготовки, особенности сферы психологического воздействия, ее культово-церемониальной стороны, тактические особенности ведения войны. Конеч-

но, далеко не все эти вопросы освещены однозначно и аргументированно. Многие положения дискуссионны или нуждаются в дополнительной разработке. Справедливости ради следует отметить, что далеко не всегда соблюден необходимый баланс источников.

Особенности источниковой базы часто ставили автора перед необходимостью заполнять имеющиеся лакуны материалами с лесостепной территории, что не всегда корректно. Специфика лесостепной зоны накладывала заметный отпечаток не только на развитие экономики ⁴, но и на социальные отношения, в том числе и черты военного искусства.

Небесспорно выглядит и отнесение автором к разряду оружия некоторых изделий, которые, по нашему мнению, правильнее считать предметами быта: они многофункциональные по сути. Вообще, по нашему мнению, для рассматриваемого региона, в силу его специфики, большинство из рассматриваемых видов вооружения (исключая защитное) являлось многофункциональным.

Перед нами серьезное и, как нам представляется, удачное сочинение, где автору удалось выйти за рамки описания и формальной типизации и создать подлинно историческую концепцию (на уровне интерпретации) развития военного искусства в эпоху средневековья в таежной зоне Западной Сибири.

В. И. Молодин

ВВЕДЕНИЕ

История становления и развития военного дела населения Западной Сибири эпохи средневековья, особенно ее лесной и степной зон, — непрочитанная страничка в истории страны. В ходе общественно-экономического развития и вызванной им имущественной и социальной дифференциации древние общества оказывались ввергнутыми в многочисленные военные столкновения. «Накопление богатств, сплошное освоение территорий, пригодных для практических способов получения пищи, переводят потенциальную враждебность и отчужденность первобытных племен на уровень вооруженных столкновений, приобретающих порой регулярный характер»¹. «Война, — отмечал Ф. Энгельс, — так же стара, как и одновременное существование по соседству друг с другом нескольких общинных групп»². Именно она, с одной стороны, служит испытанным средством временного примирения внутренних противоречий, а с другой — доставляет избыточные, свободные рабочие руки. По замечанию К. Маркса, «война есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее»³. При этом на ранних этапах «война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования...»⁴.

Эпоха средневековья в Западной Сибири характеризовалась бурным взаимодействием различных групп древнего населения, активным развитием явлений этнокультурного и этносоциального плана. Лесные племена проникали в степь, и, наоборот, степное население устремлялось в таежную зону. При этом тесно переплетались их судьбы. Шел диалектический процесс интеграции и дифференциации древних культур, отмеченный М. П. Грязновым еще для скифского времени⁵. Сложение и падение во второй половине I тыс. могущественных объединений в степях Центральной Азии вызвали массовое передвижение тюркоязычного населения, которое захлестнуло и Западно-Сибирскую равнину. Начался процесс так называемой тюркизации лесостепных районов.

К этому времени война и организация для ее ведения стали регулярными функциями общественной жизни⁶. Их роль неизмеримо возрастает, они во многом определяют конкретный ход истории. Материальными основами военных отношений выступают, в широком смысле слова, экономи-

ческий потенциал общества, зависящий от уровня его социально-экономического развития, в узком — оружии. Находясь в тесной и непосредственной связи с производственной базой, воплощая новейшие технические достижения, будучи предметом заимствования и обмена, отражая в конструктивных особенностях способ тактического применения, оружие является элементом культуры, несущим информацию об уровне и степени развития производства, характере и направленности исторических контактов, об общественно-политических отношениях. Анализ оружия несет в себе и техническую информацию о секретах древних ремесленников. В известном смысле оно выступает в качестве материальной основы, на которой возникает такое явление, как собственно военное дело, включающее целую совокупность различных сторон общественной жизни, неизбежно накладывающих отпечаток на бытовой уклад и сознание. Таким образом, без учета вопросов, связанных с военной сферой, становится невозможным адекватное понимание исторического процесса.

Несмотря на объем накопленного материала по военной проблематике, до сих пор исследователи не интерпретировали его комплексно в масштабах западносибирского региона. Вышеуказанное объясняет причины выбора темы исследования. Избранная тема многопланова. «Военное дело» — чрезвычайно емкое понятие, включающее стратегию (теорию и практику подготовки вооруженных сил); планирование и ведение войны (которые обусловлены коренными интересами общества, политикой государства (при наличии такового) и подчиняются им); тактику (совокупность конкретных действий, направленных на достижение непосредственной цели); фортификацию — искусство сделать местность пригодной к обороне. Кроме того, оно подразумевает целую систему физической и идеологической подготовки массы населения, которая основывается и прямо зависит от материальной базы — вооружения, производного, в свою очередь, от социально-экономической структуры общества. Несмотря на эту устойчивую взаимосвязь, археологические источники в интерпретации собственно военной проблематики имеют ограниченные возможности.

Малочисленность письменных данных, иконографических материалов резко снижает возможности исследования. Военное дело одной конкретно взятой, пусть даже обширной, области или этнической группы (народа) нельзя рассматривать изолированно. Оценить его особенности и уровень развития можно только на широком историческом фоне, что на современном уровне разработки проблематики представляется достаточно трудной, но необходимой задачей. Поэтому, приступая к рассмотрению этой сложной и многогранной темы, мы вынуждены ограничить круг задач характеристикой вооружения, изучением его тактико-технических возможностей, разработкой на основе его функционального назначения формально-типологической схемы, выяснением общих черт и особенностей развития военного дела таежной и северной лесостепной зон Западной Сибири на уровне хозяйственно-культурного типа; реконструкцией тактических приемов ведения боя и созданием своего рода его микромоделей.

Хронологически исследование охватывает эпоху средневековья — эпоху выхода на сцену масс кочевого тюркоязычного населения и начала активного сложения этнокультурных групп. Конечный рубеж определяется временем, предшествовавшим вхождению Сибири в состав Русского государства и постепенного, а затем и полного прекращения военной напряженности в регионе.

Географически работа включает северную лесостепную и лесную зоны в естественных границах Западно-Сибирской равнины. Этот выбор не случаен. Он обусловлен не только общей неизученностью, он определяется отсутствием специального монографического исследования по военной проблематике данного региона, но и еще большим сходством естественно-географической среды, которая, являясь театром военных действий, во многом влияла на особенности военных действий и комплекса вооружения. Кроме этого, экологический фактор для племен, населявших таежную зону, определял облик сложившихся хозяйственных структур и способствовал «чрезвычайно малой изменчивости форм материальной культуры» в I тыс. н. э.⁷, сохранению старых, присваивающих форм хозяйства, бытового уклада, верований⁸. Именно это обстоятельство — «преемственность от неолита до средневековья — позволяет здесь с большим успехом, чем где-либо в другом районе, использовать ретроспективный метод»⁹, привлекать данные этнографии и фольклора, тем самым возместить пробелы в источниках, в какой-то мере компенсировать узость источниковой базы.

При изучении названных проблем мы руководствовались теоретическими положениями классиков марксизма-ленинизма о различии военных конфликтов доклассового и классового обществ¹⁰; о зависимости вооружения, организации, тактики и стратегии от уровня социально-экономического развития¹¹; о материальных факторах тактики и их взаимосвязи с качеством и количеством населения, театром военных действий и средствами сообщения¹². Раскрывая эти методологические положения, классики марксизма-ленинизма отмечали, что родовой строй не имеет экономической базы для систематических продолжительных войн. На следующей, средней, ступени в результате роста производительных сил и вызванного этим увеличения народонаселения усиливаются завоевательные тенденции общества, образуются конфедерации племен; возникает необходимость в постоянной должности военачальника¹³. На высшей ступени родового строя происходит «вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел»¹⁴. Складывается строй военной демократии. «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся регулярными функциями общественной жизни»¹⁵.

С появлением государства содержание войны определяется тем, «какой классовый характер войны носит... из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»¹⁶. Создается регулярная армия. Ее история «всею нагляднее подтверждает, — писал К. Маркс, — правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. ...В истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»¹⁷.

Материальные основы военного дела, его особенности и степень развития определяются уровнем производства, экономической базой общества. Ф. Энгельс отмечал по этому поводу, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в

данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹⁸. В более узком смысле материальной основой военного дела являются вооружение, плотность населения, особенности ландшафтной обстановки. Рассматривая материальные основы военных действий, К. Маркс подчеркивал, что с изобретением нового орудия войны, в частности огнестрельного оружия, неизбежно изменилась и внутренняя организация армии, изменились и отношения, при которых индивиды образуют армию и действуют как армия, равно как и отношение различных армий друг к другу¹⁹. Ф. Энгельс при этом подчеркивал, что «вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники»²⁰. При этом средства вооруженной борьбы аккумулируют в себе новейшие достижения технического прогресса.

*
* *

Серьезные затруднения в изучении избранной темы порождает ее источниковая база. Это обусловлено, с одной стороны, спецификой археологического источника, с другой — сохранностью и «чистотой» ряда коллекций из дореволюционных раскопок, частичной утерей документации. Осложняет дело и пестрота древних культур в исследуемой зоне в эпоху средневековья. Однако эти трудности не препятствуют изучению военного дела для региона в целом. Правомерность такого подхода убедительно доказана А. Н. Кирпичниковым, отметившим, что, «имея дело с „мозаикой“ разноплеменных культур... сталкиваясь с обилием военных древностей в одних районах и отсутствием их в других», можно судить о развитии оружия в целом²¹. На материалах Восточной Европы, характеризовавшейся в эпоху средневековья не меньшим, если не большим, смешением языков и нравов, им показано, что в это время «оружие все более утрачивает свою этническую определенность» и поэтому «разделение более или менее одновременных вещей, происходящих из одного... района, по этническому признаку не оправдывает себя»²². Однако сходство форм оружия, конечно, не исключает его локальных особенностей, которые достаточно четко улавливаются на больших территориях.

Основным методом исследования вещественного материала был сравнительно-типологический. При составлении типологических схем на основе физико-математических расчетов и металлографических анализов выяснились механические параметры и технологические особенности оружия. При построении эволюционных рядов проводилась корреляция с результатами расчетов. В настоящее время подготовлена серия тематических статей, посвященных конкретному применению вышеперечисленных методов. Поэтому в данной работе используются только выводы, описание же самой процедуры исследования, методики и результаты анализов опускаются.

Представляется необходимым сделать замечание по поводу материалов, надежно датированных и «чистых» комплексов, полученных в последнее время, не введенных в научный оборот и не опубликованных. По

объективным причинам эти данные, хотя в основном учитывались при составлении общей сводки, в настоящую работу не включены. В нескольких случаях, когда во избежание выпадения типологических блоков апелляция к таким находкам была необходима, в тексте даны краткое описание типа, информация о раскопках (иллюстративная часть опущена). За пределами анализа остались также типы костяных наконечников стрел, поясной набор. Детально не рассматриваются оборонительные системы. Изучить их подробно не позволяет состояние источников, поскольку, например, еще предстоит уточнить хронологию большей части ныне известных городищ и провести хотя бы предварительные раскопки укреплений. Положение усложняется и тем, что это в большинстве своем многослойные и неопубликованные памятники. Однако, несмотря на это, материалы городищ привлекаются в той мере, в какой позволяет состояние источника, ибо без них целостность исследования была бы нарушена. В работе использованы опубликованные материалы из раскопок автора и других исследователей; коллекции из раскопок, произведенных до революции и в первые годы Советской власти, которые хранятся в Государственном Историческом музее; Музее антропологии и этнографии МГУ, Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ, Свердловском, Омском, Томском, Колпашевском краеведческих музеях, Музее истории культуры народов Сибири ИИФиФ СО АН СССР, на кафедрах археологии и в проблемных лабораториях Свердловского, Тюменского, Омского университетов, Новосибирского и Омского пединституты.

В работе использованы материалы более 110 памятников, в том числе 59 могильников, 5 кладов с оружием, 45 городищ и поселений. Привлекались также письменные данные: документы русской администрации, записки путешественников, героические сказания и былины.

Первая группа источников включает в основном материалы Сибирского приказа, отписки воевод о произведенных расследованиях попыток восстаний, заявления и жалобы различных групп населения о набегах соседей, прошения о разрешении и указы о запрещении продажи определенных видов изделий, в том числе оружия, сибирские летописи. Эти документы содержат косвенные сведения о тактике, масштабах операций, характере применяемого оружия, целях нападения. Несмотря на определенную тенденциозность, выборочность, эти данные позволяют провести определенную верификацию археологического материала.

Вторую группу составляют путевые заметки. В различное время Сибирь посещали Н. Г. Спафарий, П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, В. Ф. Зуев, М. А. Кастрен, Д. Г. Мессершмидт, Г. Н. Новицкий, И. Е. Фишер, И. Идес, А. Брандт, И. Георги, П. И. Инфантьев, В. Шавров и др. Ими зафиксированы сведения о нравах, обычаях, культах, столкновениях «инородцев», описание их быта, оружия, обрядов, в том числе танцев с мечами, фольклор. Данный круг источников содержит информацию о расселении, социальной организации, культовой атрибуции военных действий, а также о тактике и конкретных походах. Следует отметить субъективизм ряда оценок, нечеткость и тенденциозность отдельных сведений, однако они являются порой единственным источником по ряду вопросов исследуемой проблемы. Вышеречисленные недостатки устраняются при перекрестном анализе с другими группами.

Третья группа — фольклорные материалы: героический эпос и бытовые сказания, несущие информацию о тактических приемах, целях и

задачах военных операций, характере их выполнения, облике вождей, укрепленных пунктов, бытовых занятиях, передают общую атмосферу. К сожалению, их большая часть еще не издана и не систематизирована. Исключение составляют серия фольклорных материалов, опубликованная В. М. Кулемзиным и Н. В. Лукиной, сводки С. К. Патканова, В. Н. Чернецова²³. Многие фольклорные материалы труднодоступны. Такое положение дел осложняет вовлечение в научный оборот этого ценнейшего синкретичного источника, донесшего до нас пусть в опoэтизированной, трансформированной форме живые отзвуки далекой героической эпохи — эпохи великих шаманов и могучих богатырей.

*

* *

Автор искренне признателен И. Н. Гемуеву, В. А. Дремову, В. И. Соболеву, Л. М. Тереховой, Т. Н. Троицкой, Н. В. Федоровой, Л. А. Чиндиной за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами. Он глубоко признателен А. П. Окладникову, Р. С. Васильевскому, И. Н. Гемуеву, А. П. Деревянко, В. И. Молодину, А. М. Сагалаеву, В. И. Соболеву, оказавшим неоценимую помощь в подготовке книги. Автор выражает благодарность Г. И. Теребило, П. М. Меднису, О. В. Софeyкову, Ю. А. Плотникову, С. А. Комиссарову, А. В. Варенову, Ю. С. Худякову, а также всем сотрудникам отдела археологии и этнографии ИИФиФ СО АН СССР, без дружеской помощи и поддержки которых работа была бы крайне затруднена. Иллюстрации выполнены О. В. Софeyковым и В. Б. Малиновским.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ

Трудно перечислить все работы, в которых рассматриваются оружие и связанные с ним вопросы. Однако их можно попытаться квалифицировать по уровню исследования: публикация совокупности находок; тематические публикации оружия; проблемные исследования, затрагивающие отдельные аспекты военного дела, а также специальные обобщающие.

В последнее время возрастает интерес к историкографической тематике. Появились обобщающие работы, в которых рассматриваются история открытий, становление и развитие идей, общеисторических концепций, выделяются этапы развития археологической науки¹. Аналогичные исследования написаны и на материалах Западной Сибири. Так, Л. А. Чиндиной дан анализ основных проблем средневековой археологии Приобья², история этнографического изучения аборигенного населения этой же зоны отражена З. Д. Титовой³.

Первые сведения о Сибири поступали от землепроходцев, воевод, послов. В 1882 г. вышла в свет книга «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.». В этом подробном путевом дневнике были описаны городища и укрепления, содержались сведения о расселении сибирских аборигенов, их занятиях. Немногочисленность и распыленность в густых таежных массивах небольших групп коренного населения связывалась им с последствиями опустошительных военных конфликтов в далеком прошлом⁴. А. Кастрен, отмечая вслед за Н. Спафарием наличие жестоких междоусобных столкновений, считал их, однако, основной причиной образования объединений племенного типа и племенных консолидаций⁵.

С деятельностью Академии наук и Русского археологического общества связано начало археологического изучения края. В 30—40-е гг. XVIII в. в Сибири работает академическая экспедиция Г. Ф. Миллера, которая обследует «татарские, остяцкие и вогульские городища, упоминаемые в источниках»⁶; проводит раскопки курганов Обь-Иртышья; знакомится с местами, с которыми традиция связывает конкретные события; собирает сведения о походе Ермака, описывает старинные городища. Г. Ф. Миллер впервые отметил роль археологических источников в исследовании древней истории Сибири, жители которой «с древнейших времен больше старались прославить себя оружием, нежели описанием своих деяний»⁷. Им же собраны материалы, рисующие сложную картину взаимоотношений остяков и вогулов в XVII в.⁸

Со второй половины XIX в. археологическое изучение Сибири расширяется. В 1863—1866 гг. В. В. Радловым проводились исследования

памятников на реках Кис и Чердате (притоках Чулыма), в Барабинской лесостепи, к северу от Каинска, на правом берегу Оми близ деревень Идигюль, Кызыр, Осинцево⁹. К этому периоду относятся раскопки В. М. Флоринского, С. М. Чугунова, С. К. Патканова, Ж. де Бая, А. В. Андрианова, Л. Р. Шульца, Б. Н. Городкова, В. Н. Пигнатти, Ф. Маргина, Гр. Дмитриева-Садовникова, А. А. Дунина-Горкавича, Д. Т. Яновича, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. И. Руденко, А. И. Дмитриева-Мамонтова, М. С. Знаменского. Они исследованы могильники у Архирейской Заимки, Черныльковский, Тохтамышевский, Тоянов Городок, Барсов Городок, Ленк-Понк, Чувашский Мыс, Томский, Халас-Погор, городище Искер, культовое место на Лысой Горе¹⁰. На этом этапе составляются первые археологические карты, разрабатываются первые типологии вещей¹¹. В результате этих работ был накоплен материал, расширились музейные фонды, появились публикации паходок. При составлении музейных каталогов создаются первичные классификации для такого массового материала, как наконечники стрел. Среди них выделялись плоские (лопатки, копейца) и трехкрылые. Однако твердых критериев для такого и группового членения выделено не было. Практически вопросы типологии оружия, проблемы военной организации, не изучались.

В рамках рассматриваемой темы ряд принципиальных наблюдений был сделан «по живым следам» в работах этнографического плана. В. Шавровым, М. Кастреном собран материал по «танцам с оружием»¹². В свет вышла специальная работа Б. Ф. Адлера о луках народов Северной Азии. Автор отмечал южное происхождение сибирских луков и разделял их на «простые», «усиленные» и «сложные». Вопросы генетических связей и культурных традиций им не рассматривались. По мнению Б. Ф. Адлера, прекращение с приходом русских межплеменных столкновений способствовало быстрой деградации лука в охотничий атрибут¹³. Гр. Дмитриевым-Садовниковым-детально описан процесс изготовления этого оружия и некоторых особенностей его применения¹⁴. Эти материалы необходимо дополнить героическим фольклором иртышских хантов, собранным С. К. Паткановым. В нем отчетливо запечатлелись многие черты национальной истории и культуры, народного мироощущения, характера и художественного вкуса. На основе этих данных С. К. Патканов пытался составить характеристику остяцкого общества периода былинных богатырей¹⁵. Им отмечены социальные прослойки, выделено военное сословие («князья»), сделан вывод о значительной дифференциации обско-угорской среды. Особый интерес представляет раздел его книги, в котором говорится о способах ведения войны и вооружении остяцких богатырей. Несмотря на некоторую гиперболизацию и специфичность изложения, порожденную особенностями источника, это первая и, пожалуй, единственная работа, не потерявшая значения и по сей день, в которой с полнотой и живостью отражена сложная проблематика военного дела.

Таким образом, в дореволюционный период развития западносибирской археологии шло накопление материалов. Обследования зачастую не носили целостного, планомерного характера, результатом чего являлась крайняя неравномерность изученности территории. Внимание археологов привлекали наиболее яркие и выразительные памятники, на раскопки

которых в первую очередь и направлялись усилия. Осмысление отставало от накопления, да и само накопление оставалось еще избирательным.

В 20—30-е гг. продолжены сбор и первичная обработка материала. Это период энергичной деятельности краеведов, которые проводили раскопки и сплошное обследование памятников. По материалам разведок составляются археологические карты, комплектуются фонды музеев. Параллельно изучаются уже раскопанные комплексы; анализируются, вводятся в научный оборот новые данные; расширяется географическая зона работ. Этот период связан с деятельностью Р. Кольса, С. П. Боча, И. М. Мягкова, А. Н. Иванова, Н. А. Чернышева, Р. А. Ураева, И. Н. Шухова, А. В. Ваганова, А. Ф. Палапенкова, П. И. Кутафьева, В. П. Левашовой и др.

В середине 20-х гг. Л. Р. Шульцем по топографии расположения было выделено два типа городищ: «Одни из них обычно занимают высокие прибрежные мысы на больших реках и озерах, господствующие над окрестностью, такие городища укреплены одним или несколькими рвами и валом сильных профилей, другие в большинстве случаев небольших размеров, расположены среди болот или озер в глуши и в стороне от главных водных путей»¹⁶.

В этот же период под руководством В. А. Желиговского, В. П. Левашовой проводятся исследования механических свойств древних ударных орудий¹⁷. И хотя изучались в основном проушные топоры, общие методические положения созданной В. П. Горячкиным и В. А. Желиговским теории ручных ударных орудий¹⁸ можно было использовать и при анализе других видов оружия: мечей, палашей, сабель и втульчатых топоров-кельтов.

В 40-е гг. работы по исследованию средневековых памятников Томского Приобья начинает комплексная экспедиция ТГУ под руководством А. П. Дульзона и Э. Гриневича. В это время внимание исследователей акцентируется на этнокультурной привязке археологических комплексов. Расширяется количество публикаций предметов вооружения. Однако военная проблематика по-прежнему разрабатывается слабо.

Последующие исследования, особенно начавшиеся с середины 50-х гг., были направлены на углубленное изучение процессов конкретного культурно- и этногенеза, создание культурно-хронологических схем (их корреляция и уточнение, наложение на этническую карту региона), практическую реализацию принципов историзма. В этот период ведущая роль в изучении средневековья принадлежит В. Н. Чернецову, А. П. Дульзону, В. М. Мошинской. В 60-е гг. особенно широкий размах принимает археологическое изучение лесных и лесостепных районов Прииртышья и Приобья. Это время отмечено расширением сети академических и высших учебных заведений, на базе которых создаются новые экспедиции и проблемные лаборатории. Активизируются экспедиции Томского университета, расширяют диапазон работ уральские ученые, начинают вести раскопки отряды Новосибирского и Омского пединститутов, Омского университета, Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР, археологи Тюмени. Резкое увеличение масштабов способствовало накоплению археологических данных.

В последнее десятилетие усиливается интерес к изучению памятников позднего средневековья, особенно относящихся к периоду, предшествую-

вашему проникновению русских в Сибирь, и имеющих прямой выход в этнографию. Плодотворные исследования в этой области ведут сотрудники Томского и Уральского университетов, Новосибирского и Омского пединститутов. Среди них следует отметить работы Б. А. Коникова, В. И. Магющенко, А. С. Чагаевой в Прииртышье, В. И. Молодина, В. И. Соболева в Северной Барабе, Т. Н. Троицкой в Новосибирском Приобье, В. Д. Викторовой, Н. В. Федоровой, В. М. Морозова, С. Г. Пархимовича в Нижнем Приобье, Л. А. Чиндиной, Л. М. Плетневой, А. И. Бобровой, Г. И. Гребневой в Томском Приобье. Полученные материалы, в том числе и предметы вооружения, нашли отражение в литературе. Фактически только сейчас появляются тематические публикации оружейных комплексов, относящихся главным образом к конкретным археологическим культурам, и работы, затрагивающие отдельные аспекты военного дела.

В. А. Могильниковым частично опубликована Елыкаевская коллекция, включающая оружие ближнего боя, наконечники стрел и предметы бронзового литья. Комплекс, как считает исследователь, происходит с культового места, его верхняя хронологическая граница справедливо отнесена к VIII—IX вв. В. А. Могильниковым составлена типология оружия. В основу классификации рубяще-колющего оружия им положены различия в оформлении рукояти. Выделены два типа «мечей» — с кольцевым навершием и без него — и лишь попутно упоминается форма (изгиб) лезвия и положение рукояти относительно его оси¹⁹. Технологическое исследование коллекции было проведено Н. М. Зиняковым, который при рассмотрении материала следует в общих чертах схеме В. А. Могильникова, но выделяет еще один тип — двулезвийные мечи. Автор предлагает технологическую схему изготовления каждого типа вооружения, отмечает высокий уровень производства, дифференцированный подход мастеров к материалу и тенденцию к упрощению технологии, вызванную возрастающим спросом на оружие²⁰.

Комплекс вооружения, характерный для протоселькупской релкинской культуры, описан Л. А. Чиндиной²¹. На основании анализа немногочисленных, но весьма выразительных изображений воинов, особенностей погребального обряда ему поставлен вопрос о выделении особой дружинной прослойки в обществе VI—VIII вв. н. э. По мнению исследователя, различия в составе вооружения могут свидетельствовать не только об углубляющейся имущественной дифференциации, тем более что в настоящее время, исходя из палички материала и разработки общего фона социально-экономического развития, «преувеличивать четкость градации на типы войск вряд ли возможно»²². Не заостряя внимания на тактических особенностях использования оружия и ведения военных действий, Л. А. Чиндина прослеживает сходство анализируемого комплекса с вооружением из соседних, прежде всего южных, районов, отмечая при этом его специфические черты, например отсутствие свистящих стрел, использование на охоте копья в качестве рогатины²³.

Аналогичная работа проделана Б. А. Кониковым на материалах потчевашской и выделенной им усть-нишимской культур Прииртышья. Рассматривая основные категории вооружения и отмечая изменения в его составе, исследователь справедливо относит к средствам вооруженной борьбы ножи и топоры. Б. А. Кониковым введен в научный оборот обшир-

ный материал, который существенно расширяет и дополняет представления о развитии военного дела населения лесной полосы. Достаточно сказать, что ранее В. А. Могильниковым для данной зоны Обь-Иртышья было выделено всего четыре типа наконечников стрел²⁴, теперь же, по данным Б. А. Коникова, — 19 групп²⁵. По мнению исследователя, комплекс средств вооруженной борьбы включал саблю. На примере наконечников стрел констатируется, что развитие форм оружия на среднем Иртыше подчинялось тем же закономерностям, что и в Евразии, а по качеству и разнообразию оружие местного населения не уступало вооружению соседей на юге и юго-востоке Сибири. Совершенствование же и расширение его набора «в VI—X вв. н. э. происходило главным образом под влиянием тюркских и тюркоязычных народов Южной Сибири»²⁶, с возрастающей экспансией которых, видимо, следует связывать и распространение некоторых типов защитного вооружения. Б. А. Кониковым проведен анализ укреплений. Им показано, что фортификационные системы в IX—XIII вв. усложнялись благодаря созданию нескольких секторов и линий обороны²⁷.

По топографическим особенностям и характеру укреплений В. А. Могильниковым выделено три типа городищ: на высоких мысах и стрелках с валами с напольной стороны, на краю коренного берега с кольцевым и подпрямоугольным валом, на отдельно стоящих сопках и возвышенностях, укрепленных со всех сторон²⁸. В. М. Морозов предложил систему кодификации городищ как исторического явления и типологическую схему (включающую четыре группы), в основе которой — форма, площадь и характер застройки. На основе данных о системе укреплений, ее мерных характеристик выделены типы и подтипы. Топографические особенности определяют отдел. Исследователем, однако, отмечено, что эти признаки «особых сочетаний» между собой и отмеченными группами не обнаруживают. Внимания заслуживает попытка хронологической привязки выделенных групп. Автором сделан вывод о том, что истоки фортификационной техники Нижнего Приобья следует искать на юге²⁹. К сожалению, отсутствие количественных данных не позволяет представить конкретную картину развития фортификации, но дает возможность увидеть общую тенденцию градостроительства.

В настоящее время ведутся разработки типологии отдельных категорий вооружения. В. И. Молодиным на материалах позднесредневекового могильника Кыштовка-2 с учетом данных о расположении памятника в древней контактной зоне угорского, самодийского и тюркоязычного населения и их взаимовлияний создана классификация наконечников стрел, ножей, проушных топоров³⁰.

В статье Б. А. Коникова и Ю. С. Худякова, посвященной небольшой серии наконечников стрел из Искера, сделан вывод о завершении эволюции комплекса вооружения азиатских кочевников в войнах монгольской эпохи и достижении последними на этой базе предельного уровня развития военного искусства³¹. Этот тезис следует в общих чертах признать правильным и для населения лесной полосы, хотя совершенствование у них отдельных видов вооружения, в частности наконечников стрел, продолжалось вплоть до этнографической современности, что объяснялось историческими особенностями региона и нуждами господствующего охотничье-промыслового хозяйства. Поэтому правильнее говорить не о создании качественно иных форм, а о модификации внутри типа.

Интерес вызывает попытка Ю. А. Плотникова построить на материалах Парабельской и Елыкаевской культовых коллекций и других общесибирских материалов схему эволюции меча в саблю³². Исследователь провел сравнительный анализ вещей Елыкаевского, Парабельского, Ишимского кладов и достаточно убедительно увязал их с культовыми местами, посвященными одному из наиболее популярных и почитаемых божеств «угро-самодийского пантеона — Мир-Сусне-Хуму», чей первоначально солярный культ в определенном этапе общественного развития трансформировался в ярко выраженный дружинный³³. По справедливому мнению исследователя, данные комплексы могут быть связаны с обрядом военных плясок.

К анализу этого обряда обращался и М. Ф. Косарев. Рассматривая в рамках выделенных им природно-хозяйственных ареалов социально-экономическое развитие коренного населения Западной Сибири, он пришел к выводу о неровном, «волнообразном» характере последнего в западносибирской тайге. Периоды активной социальной консолидации, увеличения числа городищ, плотности населения, усиления роли военного предводителя, сложения военно-потестарных организаций исследователь рассматривал как результат милитаризации общества в условиях долговременной военной опасности, связанной с перемещением населения в южных районах и проникновением его в тайгу. М. Ф. Косарев также касается вопроса о месте шамана в институте родовых вождей и военных предводителей³⁴.

Значительный интерес представляют работы, в которых затрагиваются вопросы военной проблематики для периодов, выходящих за хронологические рамки нашей темы. В. Н. Чернецовым проведен анализ многочисленных кладов эпохи раннего железа с территории Нижнего Приобья, содержащих предметы вооружения и его изображения, которые связываются с культовыми местами, функционировавшими вплоть до этнографической современности. «Наличие роскошного оружия, часть которого, возможно, была обрядово-церемониальной, — пишет исследователь, — появление уже в то время изображений воинов с мечами (например, гравированные изображения на нагрудной костяной пластине из Усть-Полуя), пожалуй, еще в большей степени, чем городища, свидетельствуют об усложненности военных отношений и, вероятно, о значительном возвышении роли военачальника»³⁵. Особое значение для разработки темы имеет определение им специфики хозяйства — общего по характеру, но различного по специализации, направлению исторических и культурных связей. Л. А. Чиндина, занимаясь историей Среднего Приобья эпохи раннего железного времени, разработала классификационную схему вооружения кулайцев. Ею показано своеобразие раннекулайских средств вооруженной борьбы, которые, однако, в процессе совершенствования на поздних этапах теряют самобытность. Л. А. Чиндиной отмечено возрастание роли военного фактора в жизни кулайцев, о чем свидетельствуют усиление фортификационных систем; изменение характеристик вооружения (оно становится объектом жертвоприношения и почитания), качественное расширение набора его лучших образцов в культовых местах; появление изображений военно-сакрального характера; зарождение культа героя-богатыря. Военные действия, по справедливому мнению исследователя, вели рассыпными малыми группами³⁶.

Сфера военных отношений была тесно связана с социально-экономической и духовной жизнью коренных народов Сибири. Это побуждало этнографов и историко-сибиреведов поднимать и в какой-то мере освещать отдельные вопросы, связанные с военной проблематикой, прежде всего социального характера. С. В. Иванов, анализируя элементы защитного доспеха в шаманском костюме, ставит вопрос о роли шамана в военной сфере. Исследователь подчеркивает, что эти служители культа не только боролись с воображаемыми духами, но и выступали организаторами военных походов, выполняли функции военного вождя. «Представления о шаманских средствах нападения и защиты являлись идеологическим отражением реальных событий прошлого, необходимости вести борьбу с врагами рода, вооружаться и иметь защитный доспех»³⁷. Автор реконструирует схему военизированного похода эвенкийского шамана, которая в известной степени позволяет представить организационную структуру военных подразделений эпохи средневековья. Ряд замечаний по вопросам оружия и роли последнего при вооруженных родоплеменных столкновениях сделан В. Н. Басиловым³⁸.

Г. И. Пелих на примере истории селькупов осветила ряд важнейших вопросов, непосредственно относящихся к военной проблематике. Ею выявлена специфика экономического развития селькупского общества, которое, «сохраняя охотничье-промысловую направленность, приобрело черты товарного хозяйства... с точки зрения конечных целей производственного процесса»³⁹ и обусловило появление частной собственности и имущественного неравенства; рассмотрена система поземельных и социальных отношений; выделены шесть социальных прослоек, отражающих активный процесс стратификации общества, и, наконец, возникновение на базе этого потестарной организации ярко выраженной военной направленности. Ряд наблюдений, богатый этнографический и фольклорный материалы, дающие возможность сопоставления с археологическими данными, делают работу ценным источником по военному делу.

Отдельные сведения относительно численности, состава, вооружения остяцких отрядов, почерпнутые из русских писцовых книг, приводит С. В. Бахрушин. Война, по его мнению, выступала главным источником патриархального рабства и играла большую роль «в хозяйственном быту феодализирующейся верхушки приобских хантов и манси». С. В. Бахрушин отмечал довольно высокое развитие у них «военной техники», наличие панцирей и шлемов. «Доля в военной добыче была одной из важных доходных статей... князей, которые ссужали своих „служилых остяков“ вооружением и всем необходимым для похода и требовали за то часть добычи»⁴⁰. Не рассматривая здесь в целом концепцию исследователя относительно степени и уровня развития социально-экономических отношений угро-самодийских княжеств в XVI—XVII вв., разбору которой посвящена серия публикаций, отметим, что характеристика С. В. Бахрушиным основной массы военных операций как набегов, видимо, соответствует действительности. Кроме того, многочисленные сведения русской администрации дополняют приводимые им представления о тактике и позволяют точнее определить характер военных действий.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить растущий интерес историков к военной проблематике. Однако ее изучение ведется не систематически и не целенаправленно, ограничено в основном оружиеведчески-

ми вопросами, кратким определением аналогов при публикации материала. Намечающиеся в последнее время попытки комплексного решения ряда вопросов не реализованы в специализированном исследовании.

Говоря о степени изученности и разработанности военной проблематики в целом, следует отметить, что серия проблем, стоящих перед нами, уже нашла принципиальное разрешение на материалах соседних регионов. Исключительную важность в теоретическом плане имеют работы В. В. Антроповой, А. А. Гавриловой, А. Н. Кирпичникова, И. Л. Кызласова, А. Ф. Медведева, Н. Я. Мерпета, Д. Г. Савинова, Ю. С. Худякова⁴¹. В них обобщен и систематизирован громадный материал по Восточной Европе, Циркумполярному поясу, Южной Сибири и Центральной Азии; разработана подробная классификационная схема оружия ближнего и дальнего боя; вычленены основные типологические признаки их функциональной направленности; в русле военной истории выявлены основные тенденции в развитии как военного дела, так и эволюции средств вооруженной борьбы; реконструированы родовой состав войск, тактическое использование вооружения в бою, характер операций; сделан принципиальный вывод об отражении географических особенностей в распределении боевых средств, разницы способов борьбы. Таким образом, работы этих исследователей, охватившие огромный регион европейской и азиатской части страны, замыкают круг, в центре которого остается обширная, слабо изученная на сегодняшний день область — северная лесостепная и лесная полоса Западной Сибири. Все вышесказанное позволяет с достаточным основанием считать, что советскими учеными создана опорная база для изучения развития военного дела средневекового населения этой зоны.

Глава II

ОРУЖИЕ ДАЛЬНОГО БОЯ

При систематизации совокупности артефактов весь арсенал боевых средств рассматривается в рамках единой категории — «оружие». Оно подразделяется по родам — оружие дальнего (ОДБ) и ближнего (ОББ) боя. ОДБ делится на стрелковое (в основе действия механизм) и метательное (мускульная энергия). ОББ включает средства активного (нападения — ОНП) и пассивного (защиты — ОЗ) действия. ОНП распадается на два разряда — рубяще-колющие (РКО) и ударные (УО). Разряды членятся на древковое, клинковое, бойковое. Древковое РКО — топор, пальма, копьё; клинковое РКО — меч, палаш, сабля; бойковое УО — кистень; древковое УО — булава, пестопер. В рамках конкретных форм выделяются типы.

Для оружия эпохи средневековья зачастую на огромных территориях характерен целый ряд поразительно сходных черт. При этом основные средства вооруженной борьбы и их набор демонстрируют орга-

ничное сочетание активного поиска новых форм с творческим переосмыслением старых, стремлением максимально приблизить их к требованиям конкретной обстановки. В процессе военного противостояния всегда сталкиваются как минимум две армии. И зачастую традиции их военного оснащения, тесно переплетаясь причудливым образом, дают совершенно неожиданные комбинации форм, которые требуют к себе строго индивидуального подхода. Даже наиболее массовые «серийные» категории вещей, в условиях мелкого разбросанного ремесленного производства, при общих морфологических чертах данного вида демонстрируют большой разброс параметров. Эти обстоятельства лишают возможности провести типологическое деление всех вещей по одному жесткому принципу: неизбежно появлялись подтипы и варианты. При дальнейшем построении типологических рядов, характеризующихся разной степенью сочетаемых морфологических признаков, осуществлялась следующая иерархия подразделений: категория, род, класс, группа, отдел, тип, подтип, вариант. Однако при этом мы стремились избежать излишней дробности.

Согласно принятой схеме начнем рассмотрение средств вооруженной борьбы с оружия дальнего боя. Лук и стрелы — одни из древнейших и широко распространенных его видов — занимают особое место среди всего оружейного комплекса. Лук — универсальное и полифункциональное орудие, в равной степени применялось в бою и на охоте. Несмотря на то, что в археологической и этнографической литературе довольно полно изучены его история, генезис на сопредельных территориях, многие вопросы, связанные с западносибирскими луками, особенно лесной полосы, освещены недостаточно.

Вероятнее всего, в основе формирования средневековых образцов метательного оружия лежали луки «гуинского типа», характеризующиеся в классическом виде определенным сочетанием костяных накладок¹. Такие детали хорошо известны среди материалов памятников южной части лесной полосы Западной Сибири скифо-сарматского времени². По мнению В. А. Могильникова, лук «хуннского типа» употреблялся здесь уже в III—I вв. до н. э., т. е. несколько раньше, чем у сарматов³. Данное оружие было достаточно широко распространено и, вероятно, послужило основой для создания средневековых моделей, тем более что в степном мире этот лук с его конструктивными особенностями сохранял свое значение на протяжении всего I тыс. н. э.⁴

Костяные детали сложных луков в исследуемой зоне находят не столь уж часто. Как правило, они происходят из памятников, в той или иной степени подвергшихся ограблению, что значительно затрудняет реконструкцию. Однако материал позволяет наметить ряд общих моментов и направление эволюции. Широкое распространение типологически однообразных костяных накладок (концевых и средних) вместе с характерной серией наконечников стрел, которые находят в лесостепной, южной лесной и отчасти северной зонах западносибирской тайги, а также на обширной территории Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине I — начале II тыс. н. э., дает основание предполагать бытование здесь сходных форм лука.

Все западносибирские сложносоставные луки, восстанавливаемые по археологическим материалам, подразделяются по наличию и взаиморасположению костяных накладок на типы (рис. 1).

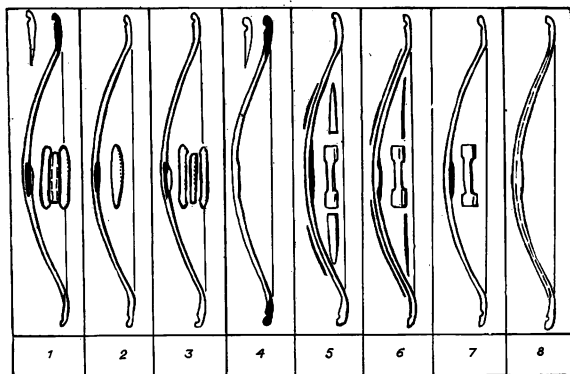

Рис. 1. Классификационная схема западно-сибирских сложных луков.

Тип 1. С концевыми и срединными боковыми и фронтальной накладкой.

Тип 2. Со срединными боковыми накладками.

Тип 3. Со срединными боковыми и фронтальной прямоугольной (трапециевидной или сегментовидной в сечении) накладками.

Тип 4. С концевыми накладками.

Тип 5. Со срединной веслообразной и крупными (полуэллипсоидными) плечевыми накладками.

Тип 6. Со срединной веслообразной накладкой, армированной по плечам узкими костяными планками.

Тип 7. С одной срединной веслообразной накладкой.

Тип 8. Составной цельнодеревянный клееный лук с усиливающей деревянной фронтальной накладкой и вклеенными концами.

К сожалению, не все из предложенных реконструкций созданы по материалам, найденным в комплексах *in situ*. Это прежде всего лук типа 1, а также типов 2—4, хотя относительно последних есть более достоверные данные.

Отмечаемая еще с хуннского периода тенденция к сокращению количества костяных накладок⁵ рельефно прослеживается и по западносибирским материалам. Начиная с VII—VIII вв., по А. А. Гавриловой, наибольшее распространение получили луки только с двумя срединными накладками⁶. Они бытовали до IX—X вв.⁷ Археологически целые боковые накладки лука подобной конструкции обнаружены Е. А. Сидоровым в кургане № 28 могильника Чулым-2, датируемого примерно этим же временем. Это тонкие костяные пластинки трапециевидной формы с косыми насечками на внутренней стороне. Аналоги (данном экземплярам)

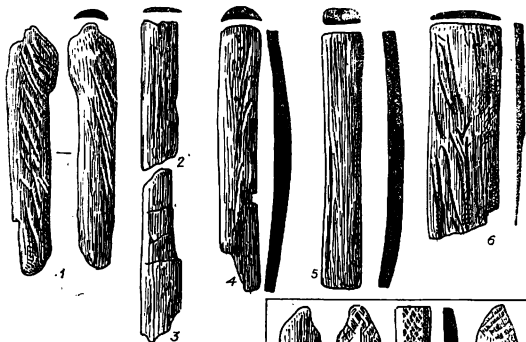

Рис. 2. Накладки луков.

1, 6 — Кино-Куларское поселение; 2, 3 — Пльчинбага; 4 — Киш; 5 — Кино-Куларское городище (раскопки Б. А. Коникова); 7 — Базово (раскопки В. С. Елагина).

известны на обширной территории Монголии, Миусинской котловины, Восточного Казахстана, Верхнего Приобья, Алтая⁸.

По материалам могильника Узунтал (VIII—IX вв.) Д. Г. Савинов относит такие пластины к лукам с парой срединных боковых накладок⁹. Ю. С. Худяков также определяет принадлежность таких находок к луку данного типа (тип 2 по его классификации), который датирует VI—X вв.¹⁰

Идентичная серия накладок найдена Б. А. Кониковым при раскопках кино-куларского комплекса в таежном Прииртышье (рис. 2, 7). С обеих сторон — многочисленные глубокие царапины. Судя по внешней рифтовке поверхности, этот лук после изготовления дополнительно оклеивался вместе с рукоятью каким-то эластичным материалом. По археологическим и этнографическим данным им могли служить полоски вываренной бересты, защищавшей оружие от влаги и резких температурных колебаний¹¹. По всей видимости, остатки лука этого типа обнаружены А. С. Чагаевой в кургане № 1 Мурлинского II могильника¹². От вышеописанных они отличаются приостренными концами. Идентичные накладки того и другого рода известны и в памятниках Приуралья VIII—IX вв.¹³ Луки данного типа, по мнению Д. Г. Савинова, соответствуют времени существования тюркских каганатов. Распространение их на юге связывается с проникновением тюркских групп. Очевидно, данное положение следует считать правомерным и для Западной Сибири.

Синхронно рассмотренному типу бытуют сложные луки с другой комбинацией накладок, в том числе срединных. Например, боковые накладки дополнялись центральной или использовалась одна она. Подобные формы хорошо известны по находкам в степном поясе Северной Азии¹⁴.

В могильнике Базово-1 в Новосибирском Приобье в кургане № 1 (погребение № 2) В. С. Елагиним обнаружены костяные детали сложного лука иного типа. Его кибить была снабжена парой срединных боковых накладок с приостренными концами, сдвинутыми несколько вперед относительно оси симметрии. Их внутренняя и отчасти внешняя стороны покрыты царापинами. Комплект включает характерную прямоугольную (трапецевидную в сечении), срединную накладку (рис. 2, 7).

Срединные накладки могли также быть выполнены и в виде прямоугольных брусочков сегментовидных в сечении или со слегка скругленной верхней плоскостью, зацарапанной для последующей поверхностной обклейки (Кицо-Кулары, раскопки Б. А. Коникова) (рис. 2, 4, 5). Такие накладки могли использоваться самостоятельно, без сопутствующих боковых. На это указывает одиночная центральная накладка, обнаруженная Б. А. Кониковым, из кургана № 3 могильника Кип таежного Прииртышья. По мнению Д. Г. Савинова, сrostкинские образцы (конструктивно близкие, если не идентичные, описаны выше) могли использоваться без широких боковых накладок¹⁵. Нагрузки на излом в районах оконечностей требовали увеличения рабочей площади в этих местах. Отражением поисков в этом направлении может служить широкая центральная накладка с кицо-куларского поселения VIII—XII вв., которая при традиционном сохранении прямоугольной формы отличается значительной шириной, превратившись фактически из бруска в пластину (рис. 2, 6). Согласно теории упругости, работа лука в большой степени зависит от сопротивления на излом в точке, неподвижной относительно изгиба, в данном случае рукояти. Стремлением обеспечить ее максимальную прочность при сохранении упругости объясняется различное сочетание накладок. Эта задача вытекала из повседневной, насущной необходимости. На первых ступенях исторического развития, отмечал К. Маркс, приходилось изобретать ежедневно, заново и в каждой местности независимо от других¹⁶. Однако поиски оптимальных форм во многом шли в рамках устоявшихся традиций, которые оказывали сильное влияние на сам процесс. Перспективное решение проблемы было найдено в Южной Сибири уже в VIII—IX вв. в результате создания луков так называемого уйгурского типа, для которых характерно наметившееся расширение окончаний центральной накладки, послужившей, по мнению Л. Р. Кызласова, прообразом накладок лука более позднего предмонгольского и монгольского времени¹⁷. Такая форма была удобной для обхвата рукой центральной части, что ограничивало ее предельные размеры, а следовательно, и прочность в чистом виде. Накладка такой формы, выходя широкими лопастями на плечи, предохраняла их от излома в месте сочленения. В Западной же Сибири направление поиска шло по иному пути (общее расширение накладки при сохранении прямоугольной формы). Поэтому есть основание считать, что появление здесь лука «монгольского типа» не было итогом конвергентного развития.

Для дополнительного усиления рефлексии плеч употреблялись фронтальные плечевые и концевые накладки. Эта традиция, восходящая еще к

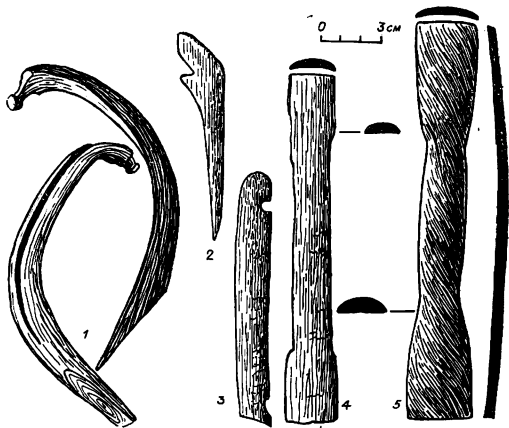

Рис. 3. Усиливающие детали луков.

1 — врезной деревянный конец (Венгеро-ВІІ); 2, 3 — концевые накладки; 4, 5 — фронтальные накладки.

серовскому времени¹⁸, сохраняется в тюркскую и монгольскую эпохи.

Остатки специфических (до 70 см длиной) плечевых накладок обнаружены в кургане 5 могильника Ильчинбога¹⁹ (рис. 2, 2, 3). По всей видимости, они крепились на внешней поверхности плеч. Такие конструкции распространяются в тюркском мире в середине I тыс. Аналогичный экземпляр обнаружен в могильнике Узунтал (VI—VII вв.). Общая длина его костяных накладок достигает 70 см при длине лука 120—130 см. Эффективность стрельбы из такого оружия, замечает Д. Г. Савинов, «достигалась, видимо, не сокращением общего количества постоянных накладок, что характерно для луков тюркского времени по сравнению с хуннскими, а перенесением концевых накладок с боковой стороны на фронтальную»²⁰. Боковые же концевые накладки использовались в Западной Сибири до первых веков второго тысячелетия. Самые поздние их находки происходят из могильника Седова Заимка в Новосибирском Прибые XI—XIII вв.²¹ и поселения Преображенка-4 XIV—XV вв.²² (рис. 3, 2, 3). К этому времени луки типов 1—4 постепенно исчезают, на смену им появляются образцы монгольского типа (со срединными веслообразными накладками), вместе с ними распространяются и крупные наконечники стрел своеобразных форм.

Представительная серия подобного оружия (10 экз.) обнаружена при исследовании позднесредневекового могильника Абрамово-10 (XVI—XVII вв.). Здесь хорошо сохранились деревянные кибиты, что позволяет

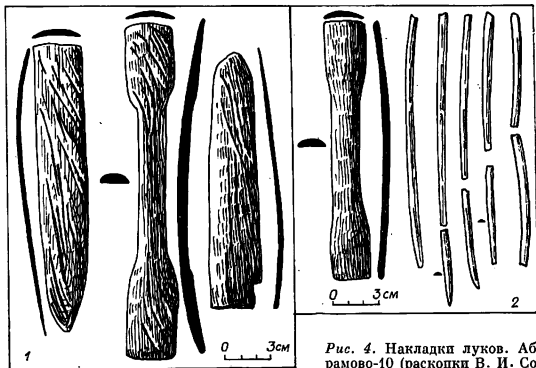

Рис. 4. Накладки луков. Абрамово-10 (раскопки В. И. Соболева).

рассмотреть конструктивные особенности позднесредневековых луков. Среди них выделяются цельнодеревянные и с костяными накладками. Длина найденных экземпляров 120—140 см. Срединные накладки одной формы: весловидные костяные пластины длиной 16—22 см, сегментовидные в сечении в центральной части и сильно уплощенные на концах (рис. 2, 4, 5).

Наряду с луками с одной центральной накладкой (тип 7) особый интерес представляют экземпляры с фронтальными плечевыми накладками (типы 5, 6). Оба этих лука имеют по одной центральной веслообразной накладке, однако конструкции плечевых у них весьма различны. Пластины типа 1 представлены двумя широкими (3, 2 см) и длинными (18, 5 см) накладками (рис. 4, 1). Одна сторона ее истоки срезана под прямым углом к общей оси, другая — приострена. Судя по выделке, эти накладки, как и центральная, дополнительно крепились к кибиту сверху берестяной обмоткой. Накладки другого типа изготовлены в виде узких длинных планок (0,5×16 см) (рис. 4, 2). Общая длина сохранившихся кусков 85 см, деревянной части кибита 25—35 см. Вероятно, в этом проявилась местная традиция изготовления луков, восходящая к I тыс. К сожалению не представляется возможным проследить ее истоки, но есть основание говорить о ее существовании до этнографической современности. Во всяком случае, на селькупских сложных луках известны прокладки на плечах из тонких костяных пластинок²³. Центральные же костяные накладки заменены деревянными пластинами.

Цельнодеревянные конструкции оставались, по всей видимости, ведущей формой лука в Западной Сибири на протяжении всего средневековья. Именно этим, скорее всего, объясняется дисбаланс, наблюдаемый между общим количеством погребений с наконечниками стрел, следами

колчанов в них и остаткам лука, фиксируемыми в виде накладок*.

Такие луки состояли из двух деревянных (из разных пород) тщательно обработанных и пригнанных пластинок. Максимальная их ширина в районе плеч достигала 4 см; длина кибиты колебалась в пределах 120—145 см. Верхняя плашка в сечении представляла собой сильно уплощенный сегмент, нижняя — чуть более выпуклой формы. Между собой они скреплялись плоскими сторонами таким образом, что плечо лука в плане представляло эллипс. В центральной части лук утончался в продольном сечении, но расширялся в поперечном, напоминая со спинки вытянутую восьмерку. В отдельных случаях в центральной части фиксировалась усиливающая деревянная надставка (накладка). Концы лука были вырезаны из отдельных кусочков дерева и вставлены в шип между верхней и нижней составляющими. По всей видимости, они крепились под некоторым углом к кибиты. Однако не вполне удовлетворительная сохранность и деформация в земле не позволяют надежно решить этот вопрос. По этой же причине затруднительно говорить о форме выреза под тетиву.

Дерево для кибиты подбиралось так, чтобы его годичные кольца соответствовали внешнему закругленному профилю выстругиваемой планки. После окончательного монтажа готовый лук обклеивался длинными полосками бересты. Стыковочный шов приходился на сторону, обращенную к тетиве.

Особенность одного из луков, найденных в могильнике Абрамово-10, — металлическая скоба, петлеобразно охватывающая верхнюю часть рукояти. Один из ее концов уходит в сторону (перпендикулярно продольной оси) и потом загибается вверх. Очевидно, скоба служила в качестве направляющего выступа для стрелы.

Луки описанной конструкции хорошо известны по этнографическим материалам. По мнению Ю. Б. Симченко, они относятся к западносибирскому типу таежной полосы, который отличался от другого (с концами, вставленными в прорезь на обеих половинах²⁴) вклейкой выгнутых концов между планками кибиты.

Очевидно, древние мастера делали луки с учетом климатических условий мест обитания. Согласно сведениям А. Ф. Медведева, в районах с резкими температурными перепадами, крайне холодных, жарких и влажных получили распространение луки с широкими плечами и минимумом накладок, т. е. практически цельнодеревянные, и наоборот²⁵. Такие луки использовались в Западной Сибири, особенно в таежной зоне, с ярко выраженным континентальным климатом и широкой температурной градицией²⁶. Характерно, что у этнографически зафиксированных луков северной полосы при обилии кости в качестве поделочного материала не обнаруживаются никаких следов усиливающих костяных деталей²⁷. И хотя Ю. Б. Симченко, отмечая конструктивное сходство лука западносибирского типа с поздними монгольскими, возводит его к последнему²⁸,

* В позднесредневековом могильнике Кыштовка-2, несмотря на весьма представительную серию наконечников стрел, ни в одном из 140 раскопанных курганов не обнаружено костяных накладок. Безусловный интерес представляет находка (погр. 1, кург. 134) цельнодеревянного лука, которая в сочетании с аналогичными и примерно сопоставимыми материалами могильников Абрамово-10 и Молчановского на Оби (в последнем также не обнаружено костяных накладок) даст наглядное представление о конструктивных особенностях этого рода.

очевидно, основные морфологические черты данной модели уходят в более глубокую древность — как минимум в тюркское или даже в гунно-сарматское время. В этой связи показательна находка Д. Г. Савинова и Н. В. Полосымак из саргатского могильника Венгеро-7²⁹. Хорошо сохранился только врезной конец лука (рис. 3, 1), но именно он, демонстрируя генетическую связь с более поздними и этнографическими образцами, позволяет с уверенностью говорить о появлении цельнодеревянных клеёных луков западно-сибирского типа уже задолго до тюркского, а тем более монгольского времени и о сосуществовании их с моделями «гуннского типа» в период наибольшего распространения последних на североазиатских просторах.

Остяцкий эпос, зарождение которого Л. А. Чиндина относит к VI—VIII вв. н. э., а складывание произошло, по С. К. Патканову, не позднее первой трети II тыс., В. А. Могильникову — IX—XII вв.³⁰, донес живое и образное описание такого цельнодеревянного сложного лука. «Кремлевый лук сделан из кремлевого дерева. Он сделан из одной целой половинки боровой сосны. Березовый лук сделан из березового дерева. Он сделан из одной целой половинки дубравной сосны. Лук, снабженный берестой, сделан (при помощи) бересты, содранной в дубраве. Пять целых дубравных берез были вполне израсходованы (на него). Клеевой лук склеен (соб.: сделан) (при помощи рыбьего клея) — клей был выварен (при этом) из пяти осетров. Пять котлов рыбьего клея целиком (на него) пошло. Тетивный лук снабжен (соб.: сделан) тетивой. На нее было вполне израсходовано пять куч тяпарской крапивы, сорванной на месте, где стоял тяпарский дом. На другую прядь золотистого шелка пять целых куч было вполне израсходовано»³¹.

Это описание полностью совпадает с теми, которые были сделаны этнографами в конце прошлого — начале нынешнего века³². Согласно последним кибить лука изготовлена из двух планок: нижняя — из тонкостольной сосны или ели, верхняя — из березы. Особое внимание уделялось выбору сосны: использовалось только дерево, выросшее на опушке леса или склоне оврага, обращенных к югу. Выбирали дерево, постоянно обращенное к солнцу. Его древесина (кренсовая, или кремлевая) была в большей степени пропитана смолами и обладала повышенной прочностью. Концы лука изготовляли из черемухи. Детали тщательно подгоняли друг к другу. На специальном гибале кремлевую часть прокаливали и промазывали смолой до тех пор, пока она не приобретала нужную форму. Затем лук окончательно монтировали и склеивали. Иногда утолщение в средней части с нижней стороны делали из черемуховой плашки. После сборки лук обклеивали берестой. Для этого отбирали только внутренние тонкие слои бересты, которые проваривали и крепили в мокром виде. Длина тетивы, которую вили из крапивной или конопляной кудели, была на 25—30 см короче лука. Иногда ее изготовляли из сухожилий. Тетиву полировали, протягивая через отверстия в дереве, и делали на концах ушки. Готовую тетиву иногда обклеивали берестой³³.

По такой же схеме, скорее всего, изготовлялись и луки с костяными накладками. Необходимую форму придавали в большей степени за счет жесткой фиксации отдельных частей — рукояти и концов, нежели путем целенаправленного выгиба с последующей пропаркой и просмолкой. Видимо, последним обстоятельством следует объяснить лучшую сохран-

ность в погребениях цельнодеревянных луков, как это имело место в могильнике Абрамово-10.

Лук в значительной степени оставался индивидуальным оружием, и поэтому наряду с «эпохальными» формами существовали их многочисленные варианты. Параметры стрельбы, в том числе ее точность, сильно зависят от динамических нагрузок на стрелу, придаваемых различными плечами. Стремлением их уравновесить объясняется, на наш взгляд, применение накладок. В процессе обстрелки и эксплуатации выявлялись различные дефекты каждого экземпляра, в частности неравный изгиб плеч. Их исправляли удалением в необходимых местах излишков древесины, что ослабляло лук (не всегда рационально), а также усилением слабых мест накладками. Последнее было, очевидно, более приемлемым, поскольку балансировка лука шла за счет общего усиления, а не ослабления. Это, на наш взгляд, может в какой-то мере объяснить разнообразие конструкций и случаи асимметричного расположения накладок на плечах и концах.

Тенденция к сокращению и к отказу от накладок (прежде всего от срединных боковых и концевых), на наш взгляд, объясняется тем, что именно они, жестко фиксируя довольно большие участки кибити, выключают их из полезной работы лука. Очевидно, в какой-то момент увеличение гибкой поверхности за счет общих размеров пришло в противоречие с рациональными параметрами конструкции. В таком случае при равных габаритах эффективно работающая зона расширяется за счет сокращения негнущихся частей. Центральные же лопатковидные накладки монгольского типа, увеличивая сопротивление центральной части на излом, в то же время по ряду конструктивных особенностей не препятствовали ее некоторой гибкости в зонах, вплотную примыкающих к центру.

Важным фактором, увеличивающим начальную скорость стрелы, а следовательно, и точность полета, является конструкция концов лука. В том случае, если они загнуты вперед и обладают определенной упругостью в момент выстрела, возрастанию скорости стрелы способствуют не только энергия лука и упругость тетивы, но и сила сокращения последней³⁴.

Какими же параметрами обладали древние луки и как далеко могли стрелять средневековые лучники? Точными данными на этот счет мы не располагаем. Устная традиция сколько-нибудь достоверных сведений до нас не донесла. Свойственная героическому эпосу гиперболизация не способствует установлению объективной истины.

Для решения вопроса были обследованы абрамовские луки: по их параметрам на основе теории упругости была сделана попытка рассмотреть в общем плане потенциальную их дальность. За основу взят наиболее распространенный и принципиально решаемый случай цельнодеревянной конструкции³⁵.

По расчетным данным, в зависимости от исходных величин дальность полета стрелы колебалась в пределах 140—230 м. Практически полученные данные носят приближенный, оценочный характер. Реальные показатели могли колебаться в ту и другую сторону, но, вероятно, ненамного. Как отмечал А. Ф. Медведев, у европейских и восточных лучников дистанция стрельбы, за пределами которой точное попадание уже невозможно, — 300 локтей, т. е. 154—156 м³⁶. А. П. Окладников, приводя факты о

дальнобойности североамериканских луков, отмечает, что они наносили серьезные раны при стрельбе на расстоянии 80—100 м³⁷. В условиях закрытого лесного пространства реально возможная дальность прямого выстрела должна колебаться в этих пределах, впрочем, она могла быть и ниже.

Это, однако, не значит, что таежные жители не стремились повысить мощь лука. По фольклорным материалам известно о могучих луках, натянуты которые не в состоянии и несколько человек³⁸. Воспеваются богатыри, которые могут стрелой поразить врага сквозь дерево, разбить камень, снести столб, а ветром, поднятым тетивой, смести в кучу весь обильный мусор городища³⁹. О мощности луков можно судить и по этнографическим сведениям об убийной силе данного оружия. Согласно сообщению Л. Шренка, гиляки на медвежьих праздниках «с близкого расстояния одной стрелой наповал разили медведя»⁴⁰. Не уступают им и западно-сибирские лучники, которые «сих убо хитростей и чада свои изучает и от младых когтей приноравливать к стрелянию из лука... И таково хитростно в своем рукоделии изучены, яко всяк в младости своей изучился лук себе из дерева и стрелы сам делать и наикрепчайших зверев: медведя, лосей, оленя убивать»⁴¹. По этому замечанию Гр. Новицкого, подтвержденному В. Ф. Зуевым и другими авторами, даже рядовой лук представляется достаточно эффективным оружием, способным нанести смерть поразить крупного зверя⁴². Его экспансивные свойства дополнительно усиливались за счет разнообразных наконечников, которые позволяли успешно противостоять даже защищенному доспехом противнику.

Судя по отрывочным фольклорным данным, существовало два способа стрельбы из лука. Первый: оружие держали прямо перед собой, тетиву натягивали к груди; второй: лук высоко поднимали, а тетиву натягивали к уху⁴³. Только последним способом, очевидно, можно было оттянуть стрелу на всю длину четырехчетвертного древка и трехчетвертного наконечника⁴⁴. В предании эти способы противопоставляются: первым стреляли ненцы, вторым — ханты, но, очевидно, их различия обуславливались характером прицеливания в зависимости от дистанции. Народам Сибири было известно несколько способов прицеливания, например, у обских угров практиковалось наведение на цель через оперение и наконечник по оптической оси, задаваемой этими двумя точками. Этот способ очень верен, дает хорошие результаты, и ему отдавалось предпочтение. Однако с военной точки зрения лучшим считался тот, при котором наведение производится в момент, когда стрела натянута на 2/3 своей длины. После чего следуют натяжение до предела и быстрый спуск⁴⁵. Это сильно экономит время, позволяет обмануть противника, меньше устают глаз. Кроме того, он позволяет успешнее стрелять «с поводкой» по движущейся цели. В этом деле древние лучники достигли высоких результатов. По свидетельству Г. Новицкого, остяки «птиц всяких, не только по воде плавающих, но и по воздуху летающих, в самом летании стрелами улучают»⁴⁶. Стрельба в лесу накоротке по быстро исчезающей в зарослях добыче требовала высокой сноровки, четкости и слаженности действий, точности и выдержки, т. е. качеств, в равной степени необходимых охотнику и воину. Очевидно, в результате тренировок достигалась и большая скорость стрельбы. Весьма примечательным в этом смысле является сообще-

ние Р. Маака, который был свидетелем, как некий тунгус, взяв две стрелы с тупыми наконечниками, одну из них пустил вверх, и пока она летела, схватил другую и сбил ею падающую. «Из 10 выстрелов он действительно попал в цель от 7 до 8 раз»⁴⁷. Безусловно, для столь успешной стрельбы надо учитывать силу собственного лука, расстояние до цели, предельную дальность полета стрелы и т. д. В условиях боя правильный анализ этой суммы быстро меняющихся факторов приобретал еще большее значение. Древние лучники прекрасно знали свойства своих луков и их дальнобойность, которая колебалась в общей массе, видимо, в не очень значительных пределах. Доказательством этому может служить неоднократно упоминаемая в героическом эпосе мера «расстояние полета стрелы»⁴⁸. На нее, однако, помимо упругости кибиты, влияет ряд факторов: толщина тетивы, характер оперения стрелы, ее прогиб и вибрация, а также форма наконечников.

Относительно самих стрел, их размеров, формы древка, характера оперения, оформления ушка данные достаточно скудны. Археологические наблюдения в совокупности с этнографическими материалами позволяют пролить некоторый свет на эти вопросы. Удалось зафиксировать длину отдельных стрел из могильника Абрамово-10, а также проследить некоторые конструктивные особенности древка. Судя по имеющимся данным, оно изготовлялось не из прутьев, а из специально подготовленных чурочек. В зоне наконечника, примерно на расстоянии 5 см от него, древки были обклеены тонкими полосками бересты. Длина их древка близка к этнографическим образцам и колебалась в пределах 60—70 мм. По этнографическим источникам хорошо известен способ изготовления таких стрел⁴⁹. От тщательно подобранных и просушенных бревнышек прямой древесины откалывали длинные чурки, первоначально значительно превышающие толщину будущего древка. Затем их обстругивали ножом. Затем в торце заготовки делали неглубокое отверстие, в которое забивали черешок наконечника, после чего посредством соструга древко доводили до нужных размеров и формы. Далее следовала окончательная отделка: выскабливание и выглаживание древка с помощью костяного пожевого струга — полужиллиндрика с серией косых прорезей для лезвия ножа, бытующего у народов Сибири и по сей день⁵⁰. После этих операций наконечник закрепляли обмоткой из сухожилий, поверх которой для прочности наклеивали полоску бересты⁵¹. Судя по археологическим материалам, в тех случаях, когда черешок был плоским, его вставляли в предварительно подготовленный, по всей видимости смазанный клеем, расщеп. Затем его стягивали сухожильными или иными нитями. Интересно отметить, что концы обмотки в этом случае закреплялись в расщеп. Такое сочленение хорошо реконструируется по находкам на могильнике Кыштовка-1⁵².

Довершалось оформление стрелы оперение. На него шли только маховые перья. И в наше время сохраняется непреложное правило, чтобы на одной стреле перья были одинаковой твердости и обязательно с одного крыла. Только шесть перьев из него пригодно для использования⁵³. Хорошие перья ценились. Согласно преданиям, богатыри удерживали «со своего люда» перья на стрелы⁵⁴. Выбор пера полностью зависел от орнитофауны местности, но предпочтение отдавалось крупным птицам. Так, у селькупов лучшими считались перья старого орла или филина:

они якобы не намокали⁵⁵. Ханты предпочитали перья орла и ястреба⁵⁶. В материалах хантыйского фольклора упоминаются перья глухаря⁵⁷. Роль и значение оперения для полета стрелы достаточно хорошо осознавались. Когда же, как можно понять, в преданиях речь заходит о посредственных, попросту слабых выстрелах, говорится, что они произведены стрелами с белыми хвостами⁵⁸.

Изготовление оперения начиналось с расчленения целого стержня пера. Затем с них сдиралось опалохо вместе с тонкой полоской корешка. Полученные «флажки» наклеивались на древко с отступом от торца, причем таким образом, чтобы изгиб стабилизаторов был направлен в одну сторону. Конструкция трехперых стабилизаторов весьма рациональна и используется современными лучниками⁵⁹. Исходя из их опыта легко находить объяснение тот факт, что древки получали путем ряда трудоемких операций из целых толстых стволов деревьев, а не из тонких прутьев, что было бы гораздо проще. Дело в том, что помимо оперения существенное влияние на характер полета оказывает так называемый «прогиб» стрелы, т. е. свойство древка переносить продольные колебания в момент спуска тетивы. Установлено, что чем больше прогиб, тем выше летит снаряд, тем больше рассеивание и меньше точность попадания. Чем большую вибрацию приобретает древко в момент отрыва от тетивы, тем с меньшей точностью оно возвращается в нужное положение. Это зависит от упругости и удельного веса материала, как и число амплитуд при полете⁶⁰. Таким образом, стрелы, изготовленные из длинных тонких прутьев, выигрывая в технологичности, значительно уступали в эксплуатации. Это обстоятельство издавна было замечено лучниками всех стран. Поэтому в Восточной Европе и на Арабском Востоке, где лучной стрельбе придавалось большое значение, древки делали из старых, жестких, толстых деревьев, срубленных осенью, когда их волокна содержат меньше влаги, причем наконечник крепился в более плотной, комлевой части⁶¹.

Еще в глубокой древности было подмечено, что амортизационные свойства материала находятся в пропорциональной зависимости с упругостью стрелы. Поэтому для последних подбирали такой материал, который при данной длине и определенной упругости должен иметь минимальный вес. Для повышения упругости изготавливали древко большего диаметра. Однако соответственно ему возрастали вес и сопротивление воздуха⁶². Выход был найден в изменении конфигурации древка, которое приобрело уже во второй половине II тыс. сигарообразную форму с утолщением в середине. Такие стрелы использовались в этнографической современности народами лесной полосы, например селькупам⁶³.

Процесс изготовления стрел, как, впрочем, и самого лука, был делом индивидуальным. Письменные источники и данные фольклора совершенно однозначно свидетельствуют об этом⁶⁴. А. П. Окладников замечал по этому поводу: «Каждый лук представлял собою... инструмент, все части которого были настолько тесно связаны и индивидуальны, что серийное изготовление лука было почти исключено. Даже стрелы и те имели также индивидуальный характер; каждому луку соответствовали свои стрелы, и из данного лука можно было стрелять особенно хорошо только теми стрелами, которые были для него сделаны»⁶⁵. Однако это положение соблюдалось, вероятно, не всегда. В экстремальных случаях

(военная угроза), когда необходимо было в кратчайший срок обеспечить какую-то группу боезапасом, приступали к массовому производству стрел с использованием своего рода разделения труда. В эпических произведениях селькупов рассказывается, например, о том, что при подготовке к войне мужчины разделялись на группы. Одни заготавливали дровки для стрел, другие ковали наконечники. Последние точил обычно старик⁶⁶. Очевидно, в подобных случаях частота стрельбы приобретала особое значение и была не менее, если не более, важна, чем точность.

Для предохранения запястья левой руки от травм тетивой использовались металлические и костяные щитки. Они всегда овальной или эллипсовидной, выпуклой в продольном сечении формы. По длинным сторонам имеется по паре отверстий, в которые пропускались ремни для крепления. Приспособления такого рода (каткарь) хорошо известны по этнографическим коллекциям⁶⁷. В настоящее время известно только семь достоверных щитков с территории Западной Сибири, в частности Нижнего и Среднего Приобья (для сравнения: в Восточной Европе, по сводке А. Ф. Медведева, пока обнаружено только восемь таких находок). В большинстве случаев в преданиях на них не акцентируется внимание. Очевидно, эти щитки, изготовленные из самых простых материалов, были само собой разумеющейся вещью, не заслуживающей внимания, не вызвали интереса. У многих воинов их могло не быть вовсе, поскольку огрубевшая от постоянного пользования луком кожа могла переносить трение тетивы даже очень мощных луков. Стрельба же без притупляющих осязание приспособлений была более точной⁶⁸. И уже как своеобразная гипербола, чтобы показать ожесточенность схватки, ее продолжительность, в преданиях звучит: от постоянного натягивания тетивы пальцы теряли силу и с них ободралось мясо⁶⁹.

Достоверных находок колчанов удовлетворительной сохранности второй половины I — начала II тыс. в исследуемой зоне не обнаружено. Составить представление о них позволяют найденные при раскопках петли, крючки, декоративные накладки, остатки материала в отдельных погребальных комплексах (табл. I). Судя по ним, западно-сибирские футляры по форме аналогичны широко распространенным на просторах Евразии, подробно описанным в литературе⁷⁰.

Основным поделочным материалом для футляров служили береста и тонкие деревянные планки (из них делали каркас). Внешне берестяной футляр иногда украшали декоративными костяными накладками, которые укрепляли конструкцию. Колчаны носили, судя по их местоположению в погребениях, справа, на португейном ремне, продевавшемся в костяную скобу (табл. I, II). Ко дну для фиксации его в наклонном положении крепились крючья. Колчаны имели овально-цилиндрическую форму с расширением у горловины и дна. По способу ношения стрел и форме горловины они делятся на два типа: закрытые и с карманом. В первых стрелы носили наконечниками вниз, горловина закрывалась специальной крышкой из дерева. Наиболее широкой была нижняя часть колчана, у дна, которое декорировалось накладками. Именно такие колчаны найдены в могильниках Басандайка и Красный Яр-1⁷¹. Колчан из Красного Яра-1 украшен вдоль бортика двумя длинными, с приостренными нижними концами костяными накладками и костяным полумесяцем между ними.

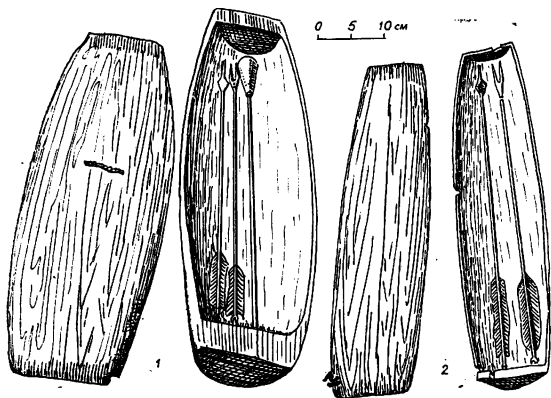

Рис. 5. Долбленный колчан «коштэ». Селькупы.

В футлярах второго типа стрелы хранили наконечниками вверх. Приемник имеет своеобразный клапан, выполняющий защитную функцию. Остатки колчана аналогичной конструкции обнаружены В. В. Романцовой в могильнике Седова Заимка. Для футляров данного типа в большей степени характерно крепление накладок у основания горловины. Внешнюю поверхность колчанов иногда украшали тисненым орнаментом. Эта традиция оформления существовала до позднего средневековья (Кыштовка-2)⁷².

Во II тыс. распространяются пеналообразные футляры жесткой конструкции, составленные из деревянных планок. Они продолжают типологическую линию развития колчанов закрытого типа. Судя по остаткам футляров, обнаруженным в Молчановском могильнике⁷³, на о. Фаддея и на берегу Симса⁷⁴, стрелы в них хранились наконечниками вниз. Колчаны пеналообразного типа бытовали до этнографической современности. Форма их варьировала от прямоугольной до полуцилиндрической. В Западной Сибири были распространены преимущественно долбленные колчаны, напоминающие рассеченный по оси бочонок, который закрывался с плоской стороны широкой деревянной крышкой, крепившейся тонкими ремешками к корпусу (рис. 5)⁷⁵. Судя по этнографическим свидетельствам, их носили на спине⁷⁶. Размеры этих колчанов зависели от того, носили ли их за плечами или же крепили в лодке.

В середине II тыс. распространяются колчаны фигурно-вычурной формы с боковым S-образным вырезом. Близкие модели примерно в это же время — XIV—XV вв. — в Восточной Европе начинают все шире распространяться в военной среде, особенно среди ее верхушки⁷⁷. Это связывается с восточной традицией. Такие колчаны изготавливались

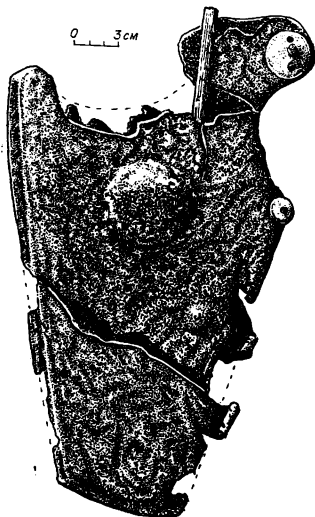

Рис. 6. Кожаный колчан с вырезом.

(Абрамово-10) из двух отдельно выкроенных кусков кожи, которые плотно прошивались почти по всему периметру, оставляя нескрепленными лишь приемник для стрел. Со стороны фигурного выреза шов дополнительно проклепывался. Места скрепления прикрывались сверху круглыми декоративными бляшками (рис. 6). Стрелы в таком футляре носили наконечниками вниз. Около трети их длины веером выступали за срез футляра. Наружная поверхность была декорирована фигурными цветкообразными и круглыми выпуклыми железными и бронзовыми бляшками, которые пришивались на лицевой плоскости. В центральной или нижней частях футляра иногда с помощью петли с изнаночной стороны прикрепляли крупную фигурную (как правило, цветкообразную) бляху (табл. I, I—3). Судя по этнографическим параллелям, на лицевой стороне также могла располагаться зооморфная фигурка духа-помощника ⁷⁸ (табл. I, I).

Перед тем как приступить к анализу наконечников стрел, необходимо сделать несколько общих замечаний. Всякая типологическая разработка (особенно массовых материалов) должна решать свои основные задачи а также давать возможность коррелировать результаты, что позволяет рассматривать проблемы в широком историческом и территориальном диапазоне. К настоящему времени разработано несколько типологических схем наконечников стрел разных периодов, в том числе и средневековья. Принципы, лежащие в основе схем А. Ф. Медведова ⁷⁹ и Ю. С. Худякова ⁸⁰, прошли проверку временем и получили признание в литературе. Эти схемы, взаимодополняя друг друга, как нам кажется, объективно отражают основные особенности и направления эволюции наконечников. Поэтому при рассмотрении конкретного материала нами при составлении классификации был использован опыт названных исследователей.

Для лучшей сопоставимости данных при идентичности форм в скобках приведены номера типов по Ю. С. Худякову (римские цифры) и по А. Ф. Медведову (арабские). Параметры наконечников производятся по схеме: общая длина (длина пера × ширина пера), пропорции. После названия типа даны количественные сведения (учтены, естественно, только надежно определенные экземпляры). При проведении типологического

членения мы не стремились к дробности, а, наоборот, пытались выделить основные блоки, тем более что, согласно устной традиции (например, селькупской), в лесной полосе Западной Сибири при функциональной идентификации наконечника знаковое значение (наличие или отсутствие) имели лишь наиболее принципиальные конструктивные элементы рабочей части, определяющие особенности формы пера (в частности, развилчатость, долововидность, граненость, шипастость, общая ромбовидность), морфологическая же вариабельность при этом могла быть весьма велика. Да это и не удивительно в условиях мелкого производства. Все вышесказанное, разумеется, не снимает необходимости дробного членения материала, прежде всего в целях выявления культурных, технологических традиций, уточнения хронологии. Особенности же источника объективно ограничивают в настоящее время шаги в этих направлениях. Дальнейшие уточнения, корреляция, детализация, дополненные новыми данными — дело будущих исследований.

Группа I. Трехлопастные.

Тип 1 (IX). Ярусные, 54 экз. Размеры: 90—160 (45 — 110×20 — 35) мм; 1 : 2, 1 : 3.

Резкие уступы на сторонах образуют переход к острию. Иногда с отверстиями.

Варианты: 1. С покатыми плечиками и прямоугольным уступом (табл. II, 1, 2); 2. С покатыми плечиками и тупоугольным уступом (табл. II, 3, 4); 3. С покатыми плечиками и остроугольным уступом (табл. II, 5, 6); 4. С прямоугольным обрезом пера и прямоугольным уступом.

Места находки: Томский могильник, Архиерейская Заимка, Лысая Гора, Елыкаевский, Холмогорский, Ишимский клады, Айдашинская пещера, Красный Яр, Искер, Крохалева-23⁸¹.

Наиболее ранние формы появляются в Забайкалье и Монголии в хуннское время, известны также в Южной Сибири в таштыкских древностях⁸². Наибольшее распространение получили в VI—VIII вв.⁸³ Известны в Верхнем Приобье в IV—VI вв.⁸⁴ В таежной зоне бытовали, возможно, в VI—VIII вв.

Тип 2 (VIII). Килевидные с прямыми плечиками, 43 экз. Размеры: 8 — 145 (60 — 100×20 — 25) мм; 1 : 3, 1 : 4.

Варианты: 1. С прямоугольным обрезом пера и прямой шейкой (табл. II, 7); 2. Со слабым остроугольным обрезом пера и прямой шейкой (табл. II, 8, 10). У изделий второго варианта намечаются небольшие шипы. Второй вариант можно рассматривать как переходный к шипастым наконечникам стрел.

Обнаружены в одних и тех же комплексах, в пределах единого периода существования и фактически синхронны. Известны в Томском могильнике, Елыкаевской, Холмогорской коллекциях, в могильнике на Чердате⁸⁵. Очевидно, восходят к поздним трехлопастным наконечникам сарматского времени⁸⁶. Идентичные формы хорошо известны по материалам Саяно-Алтая и Минусы во второй половине I тыс. В то же время они распространяются и в Западной Сибири. Поскольку они часто встречаются вместе с ярусными, их можно считать синхронными.

Тип 3 (VI). Шипастые, 42 экз. Размеры: 115—140 (55 — 85××1,5 — 3) мм; 1 : 3, 1 : 4.

Варианты: 1. С прямыми шипами (табл. II, 9); 2. С загнутыми внутрь шипами (табл. II, 11, 12). Происходят из Томского могильника, Айдашинской пещеры, Лысой Горы, известны по материалам Холмогорской, Елыкаевской, Ишимской коллекций⁸⁷. Зафиксированы у кыргызов, а также в синхронных и близких к ним по хозяйственно-культурному типу памятниках⁸⁸. Время бытования типа — VIII—X вв.

Тип 4 (V). Килевидные с вогнутыми плечиками, 19 экз. Размеры: 100—170 (55 — 95×2 — 35) мм; 1 : 3.

Наконечники с вытянутым пером с покатыми плечиками, плавно переходящими в шейку. Плечики иногда с небольшими заплатами. Абрис сторон варьирует: от прямолинейного к слегка выпуклому. Лопастии могут быть с отверстиями (табл. II, 13—15). Происходят из Томского могильника, Лысой Горы, Айдашинской пещеры, могильников Красный Яр-1, Релка и случайных сборов в районе Томска, Искере, известны по материалам Елыкаевской, Ишимской, Парабельской коллекций⁸⁹. Найдены в Минусе, Туве, Казахстане, на Алтае, в степях Восточной Европы⁹⁰, памятниках кудыргинского типа⁹¹. Бытовали в VI—IX, может быть X вв. Разновидность типа — наконечники с плавно изогнутым пером, приближающимся в плане к шестиугольнику, которые являются переходными к следующему типу (табл. II, 16, 17).

Тип 5 (II). Шестиугольные, 11 экз. Размеры: 125—145 (68 — 80××25 — 30) мм; 1 : 2, 1 : 2,5 (табл. II, 18, 19).

Шестиугольные очертания пера и покатые плечики. Лопастии иногда с отверстиями. Происходят из могильников Красный Яр-1, Умна-3, Каменный Мыс; известны по материалам Елыкаевской коллекции и случайных сборов⁹². Наконечники этого типа широко распространены в кочевой среде и датируются VI—X вв.⁹³

Тип 6 (III). Трехлопастные срезни, 6 экз. Размеры: 110—130 (45—70×30—40) мм. Варианты: 1. Вытянутые прямоугольные. Пропорции 1 : 3 (табл. II, 20); 2. Широкие подквадратные. Пропорции 1 : 1 (табл. II, 21). Известны по материалам Холмогорской и Елыкаевской коллекций⁹⁴, памятников енисейских кыргызов, а также синхронных, близких к ним по культурно-хозяйственному типу народов Алтая и Казахстана. Датируются VIII—IX вв.

Тип 7 (I). Пятиугольные, 1 экз. Размеры: 50×30 мм (табл. II, 22).

Находка из могильника Арганз⁹⁵. Аналогичные изделия известны по памятникам тюркского времени в Минусе, Туве, на Алтае, в Восточном Казахстане⁹⁶. Датируются VI—XII вв.

Тип 8 (V). Ромбовидные с наибольшим расширением в верхней трети, 1 экз. Размеры: 95 (59×20) мм (табл. III, 1).

Известен по Елыкаевской коллекции⁹⁷. Изделия такого типа найдены в памятниках второй половины I тыс. в Восточном Казахстане, Туве, Минусинской котловине, степях Восточной Европы⁹⁸. К X в., как считает А. Ф. Медведев, трехлопастные стрелы выходят из употребления⁹⁹. В Южной Сибири, по мнению Ю. С. Худякова, наконечники подобного типа встречаются и в XII в.¹⁰⁰ В лесной полосе они, вероятно, бытовали до конца I тыс.

Тип 9. Листовидные, 3 экз. Размеры: 70—110×17—26 мм; 1 : 4 (табл. III, 2).

Происходят из Холмогорской коллекции и Томского могильника¹⁰¹.

Занимают промежуточное положение между изделиями типов 2, 4, представляя собой, однако, самостоятельную форму. Могут быть датированы VI—IX вв.

Тип 10. Килевидные со скругленными плечиками, 6 экз. Размеры: 80—85 (21—24) мм; 1 : 4.

Близки по форме рабочей части к изделиям типа 2, но отличаются слегка выпуклыми округленными плечиками. Датированы в пределах второй половины I тыс. Происходят из Холмогорской коллекции ¹⁰².

Группа II. Трехгранно-трехлопастные.

Особенность данной группы определяется сочетанием трехлопастного пера и монолитного трехгранного острия, в которое, постепенно утолщаясь, переходят лопасти. Последние отличаются от собственно трехлопастных меньшими размерами и полезной площадью. Наконечники этой группы характеризуются массивностью и представляют собой переходную форму к трехгранным ¹⁰³. Благодаря особенностям конструкции стрелы снабженные этими наконечниками, незначительно проигрывая в баллистических показателях, приобретают повышенные проникающие свойства. Возможно, они были предназначены для поражения слабо бронированного противника (кожаные, костяные доспехи, панцирь из рыбьего клея). На некоторых, преимущественно хорошо сохранившихся наконечниках этой группы отмечено искривление лопастей, характерное для трехлопастных наконечников.

Тип 11. Асимметрично-ромбические, 44 экз. Размеры: 45—90 (40—60×10—15) мм; 1 : 3, 1 : 5.

Варианты: 1. С расширением в верхней трети пера (табл. III, 3); 2. С расширением в нижней трети пера (табл. III, 5, 6). Найдены в Малотепендских курганах, могильниках Мурлинском-1, Кип, Аргаз, Малая Тебендя, Усть-Ишим, Окунево, у с. Александровка, Архиерейская Заимка, у д. Могильники, Юрт-Акбалык-8, Красный Яр, Релка ¹⁰⁴. Наконечники близких форм известны в памятниках IX—X вв. Минусинской котловины, Тувы и Казахстана ¹⁰⁵.

Тип 12. Пятиугольные, 16 экз. Размеры: 40—50×9—14 мм; 1 : 4, 1 : 5 (табл. III, 7—9).

Обнаружены в могильниках Аргаиз, Кип, Малая Тебендя, Чулым-2, Преображенка-3, Релка ¹⁰⁶. Подобные узколопастные, как наконечники типа 11, широко известны практически по всей территории тюркского мира. По времени синхронны.

Тип 13 (VII). Боеголовковые, 18 экз. Размеры: 70—90 (3—5×10—15) мм; 1 : 2, 1 : 4.

Варианты: 1. С широкой ромбовидной головкой (табл. III, 10—12); 2. С узкой треугольной головкой (табл. III, 13—15); 3. С вытянутой пятиугольной головкой (табл. III, 16). Происходят из могильников Малая Тебендя, Аргаиз, Кип, Окунево, Имшегал, Релка, Каменный Мыс, коллекций с Лысой Горы, Айдашинской пещеры ¹⁰⁷. Наконечники подобной формы были широко распространены на большой территории в конце I тыс. — X в. ¹⁰⁸

Группа III. Плоские наконечники стрел.

Она объединяет все железные черешковые наконечники: плоские или слегка линзовидные в сечении, в форме сильно сплющенного ромба. Подобные экземпляры по сравнению с предшествующими более просты в изготовлении и отличаются наибольшим типологическим разнообразием.

Тип 14 (47). Ромбические без упора, 53 экз. Размеры: 55—175 (36—135×10—30) мм; 1 : 2, 1 : 3—4.

Варианты: 1. С наибольшим расширением в верхней трети (табл. III, 17—19); 2. С наибольшим расширением в нижней трети длины пера (табл. III, 20, 21). Принципиальных хронологических различий не имеют, хотя следует считать, что наконечники первого варианта (преимущественно имеющие пропорции 1 : 3, 1 : 4) более ранние, относятся к VIII—XII вв. Широкие наконечники получили распространение в первой половине II тыс. и бытовали до этнографической современности. Найдены в могильниках Барсов Городок, Белоярский, Окуневский, Усть-Ишимский, Тохтамышевский, Тоянов Городок, Шаманский Мыс, Андреев Ручей, Бедеровский Бор, Ямки, у д. Могильники, Ирский, Ликинский, Балагачаевский, на Остяцкой Горе, Седова Заимка, Архиерейская Заимка; известны по материалам Парабельской коллекции, Айдашинской пещеры, селища Зеленая Горка¹⁰⁹. На территории европейской части страны наконечники этого типа встречаются только в северной полосе в памятниках VIII—XIV вв.¹¹⁰ Встречаются они и у селькупов¹¹¹.

Тип 15 (46). Вытянуто-треугольные без упора, 41 экз. Размеры: 60—140 (45—80×12—35) мм; 1 : 2,5, 1 : 4,5.

Варианты: 1. С расширением в середине пера (табл. III, 22, 23); 2. С расширением в нижней трети пера (табл. III, 24, 25). Найдены в могильниках Барсов Городок, Басандайский, Аргаиз, Кыштовка-2, Кинтусовский, Мурлинском городище, Искере, кыпо-куларских поселениях, известны по материалам Парабельской коллекции, Мангазеи, серии подъемного материала¹¹². Наконечники этого типа широко использовались с конца I тыс. до этнографической современности на одной территории и практически одновременно.

Основные варианты таких наконечников хорошо известны у селькупов. В их устной традиции они известны как «ОХЭ»¹¹³. Селькупские наконечники выглядят массивнее по сравнению с остальными. Плечики некоторых экземпляров дополнительно снабжены рядом мелкозубчатых запилы (табл. VIII, 7, 8). Пропорции остались в общих чертах без изменений.

Тип 16. Боеголовковые с упором, 65 экз. Размеры: 65—110 (35—90×10—15) мм; 1 : 3, 1 : 9.

Варианты: 1. С ромбовидной головкой (табл. III, 26, 27); 2. С килевидной головкой (табл. III, 28, 29); 3. С широкой ромбовидной головкой и тупоугольным острием (табл. III, 30, 39). Происходят с городищ Искер, Шаманский Мыс, могильников Томский, Тохтамышский, Усть-Ишим, Аргаиз, Белый Яр, Кип, Имшегал, Андреевский Ручей, Ленк-Понк, Кыштовка-2, Иловский, Тискино, Айдашинской пещеры, Мангазеи, с мыса Хаэн-Сале, сборов Археологической комиссии в Тобольской губернии, подъемных материалов в Томской области¹¹⁴. Наконечники подобной формы, распространившись в XI—XII вв.¹¹⁵, бытовали в Сибири вплоть до прихода русских. В южных районах, в частности в Туве, они известны по материалам памятников этнографического времени¹¹⁶.

Тип 17. Боеголовковые без упора, 18 экз. По всем характеристикам близок к типу 16. Характерно отсутствие упора на черешке. Собственно лесная форма (табл. III, 31, 32).

Найдены в могильниках Иловский, Басандайка, Белоярский, Пудангский, городища Мангазея, Лысяя Гора. Известны по Холмогорской кол-

лекции и сборам в Нарыме¹¹⁷. Время бытования — последние века I-тыс. — XVII в.

Тип 18. Боеголовковые с пипами, 29 экз. Размеры: 75—268 (60—201×15—20) мм; 1 : 3, 1 : 8, 1 : 18.

Варианты: 1. Малые боеголовковые — длина шейки равна либо чуть больше размеров пера (табл. III, 33, 34); 2. Боеголовковые — отношение габаритов головки и плечиков 1 : 2 (табл. III, 35, 36); 3. Боеголовковые вытянутые — пропорция пера и плечиков 1 : 3, 1 : 4 (табл. III, 37, 38; IV, 1). Известны по Холмогорской коллекции, по материалам Айдашинской пещеры, Архиерейской Заимки, Ермаково-1, Барсова Городка, Аргаиза, Малотобендинских курганов, Кипа, Мангазен, Шаманского Мыса, второго Кыштовского могильника, сборов в Нарыме, Тобольской губ.¹¹⁸ Наконечники данного типа бытовали со второй половины I тыс. до XVII в. Наиболее ранние — узкие «бесчерешковые» формы варианта 3 (табл. III, 37; IV, 1) — не выходят, по всей видимости, за пределы I тыс. В более поздних комплексах ни в Западной Сибири, ни на сопредельных территориях они не известны. Распространение остальных наконечников относится уже ко II тыс.

Тип 19. Крупные ромбические с вогнутыми плечиками, 10 экз. Размеры: 100—140 (60—80×30—40) мм; 1 : 2 (табл. IV, 2).

Обнаружены в могильниках: четвертом Тургайском материковом, Кыштовка-2, Абрамово-10, Искер¹¹⁹. В лесной полосе Западной Сибири распространяются в конце первой половины II тыс., хотя в Южной Сибири близкие формы известны с таштыкского времени¹²⁰, начали широко применяться лишь в монгольскую эпоху¹²¹, как, впрочем, и все крупные ромбовидные наконечники¹²².

Тип 20 (50). Крупные ромбические с упором, 15 экз. Размеры: 80—150 (40—90×20—50) мм; 1 : 3, 1 : 7.

Варианты: 1. Широкие (табл. IV, 3); 2. Узкие (табл. IV, 4, 5). Крупные наконечники данного типа, как и предыдущего, распространяются в монгольское время и бытуют до XVII—XVIII вв. Мелкие наконечники известны по материалам памятников конца I тыс. Они в основном происходят из позднесредневековых могильников, где сосуществуют с крупными. Характерным признаком наконечников ранних форм могут служить размеры пера порядка 40—75 мм, слабо выраженный упор или его отсутствие (что особенно свойственно для северной полосы) в пропорции 1 : 3, 1 : 4, ширина их, как правило, не превышает 30 мм.

Ромбические наконечники известны по материалам с Архиерейской Заимки, Искера, Малотобендинских курганов, Кипа, Лысой Горы, могильников Тургай, Балагачёво, Остяцкая Гора, Басандайка, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Тоянов Городок, Березовая Грива, Пнистые Курганы, Пунданга, Белый Яр, Кустово¹²³.

Тип 21 (69). Асимметрично-ромбические с наибольшим расширением в верхней части, 39 экз. Размеры: 90—130 (60—100×25—50) мм; 1 : 2 (табл. IV, 6).

Обнаружены в могильниках Басандайка, Березовая Грива, Тургай, Пнистые Курганы, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Кип, Тохтамышевский, Тоянов Городок, Балагачёво, на Искере; в серии подъемных находок¹²⁴. Известны в кочевнических древностях с начала II тыс.¹²⁵ На Алтае бытуют в памятниках часоменно-горского типа¹²⁶. Примерно в это же время

существуют в Верхнем Приобье¹²⁷. Появление этих наконечников в Восточной Европе связывается с монголо-татарским нашествием¹²⁸. В Забайкалье появляются во второй половине I тыс.¹²⁹. В Западной Сибири получают распространение лишь в середине первой половины II тыс. и бытуют до XVIII в., хотя наконечники мелких форм были известны и раньше, с начала XII в.

Тип 22 (70). Широкие лопаточки с тупоугольным острием (табл. IV, 7, 8), 8 экз. Размеры: 80—100 (55—70×25—45) мм; 1 : 2.

Известны по материалам Тоянова Городка, Искера, коллекций, переданных в дар Археологической комиссии из Тобольской губ.¹³⁰ Распространяются в XIII—XIV вв. и применяются в лесостепи и южной части тайги до XVII в. Близки к наконечникам типа 20, однако отличаются более широким и тупым лезвием. Предназначены для поражения незащищенного противника и его коней. Этнически связываются с монголами¹³¹.

Тип 23 (71). Шестиугольные срезы (табл. IV, 11, 13), 6 экз. Размеры: 95—120 (55—60×35—40) мм; 1 : 1,5.

Происходят из Иловского курганного могильника, Тоянова Городка, Тохтамышевского могильника, Кипа¹³². Распространяются в конце первой половины II тыс. и существуют до XVII в.

Тип 24 (40). Узкие ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (табл. IV, 14, 15), 51 экз. Размеры: 65—125 (50—80×15—20) мм; 1 : 5.

Найдены на Искере, в могильниках Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Гжатска, Тоянов Городок, Березовая Грива, Тургай, Пнистые Курганы, Смолокуровский; имеются в серии подъемных материалов¹³³. Известны в основном по материалам позднего средневековья. Начали распространяться, вероятно, не раньше конца первой половины II тыс. и бытовали до XVIII в.

Тип 25. Узкие ромбовидные с упором и расширением в верхней трети длины пера (табл. IV, 9), 23 экз. По основным параметрам близки к наконечникам предшествующего типа, вместе с которыми обнаружены на одних и тех же памятниках, бытуют синхронно.

Тип 26 (43). Узкие ромбовидные с упором и расширением в середине пера (табл. IV, 10, 12), 34 экз. Размеры: 75—130 (55—75×17—30) мм; 1 : 2,5, 1 : 3.

Найдены в тех же самых комплексах и даже в одних погребениях, что и наконечники типа 24, 25. В Восточной Европе наконечники такой формы особенно характерны для XII—XIII вв.¹³⁴, т. е. примерно для того же времени, что и в Западной Сибири. Однако диапазон бытования подобных форм здесь несколько шире: он включает XV—XVII вв. В принципе все выделенные типы (24—26) могут быть рассмотрены как варианты одной формы — узких ромбовидных стрел.

Тип 27 (V, 71). Фигурнолистные, 10 экз. Размеры: 85—135 (55—85×3—4) мм; 1 : 2, 1 : 3.

Варианты: 1. С наибольшим расширением в верхней трети пера (табл. IV, 22); 2. С наибольшим расширением в середине пера (табл. IV, 23). Происходят из могильников Белоярский курганный, Бедеровский Бор, Кыштовка-2, Ямки, Абрамово-10¹³⁵. Характерны для памятников первой половины II тыс. Забайкалья, Южной Сибири, Монголии, Приамурья¹³⁶. В Восточной Европе бытуют в XIII в. Появление здесь крупных, широких

наконечников этого типа связывают с монголо-татарами; подобные изделия с иными пропорциями бытовали на территории Восточной Европы в X—XI вв. у финно-угорских народов¹³⁷. В лесной полосе Сибири распространяются в конце первой половины II тыс. Однако с конца I — начала II тыс. здесь бытуют наконечники близкого типа, фигурнолистные без упора.

Тип 28. Фигурнолистные без упора (табл. IV, 25, 37), 12 экз. Размеры: 125—140 (110—120×20—30) мм; 1 : 4, 1 : 5.

Происходят из могильников Кинтусовский, Бедеровский Бор, Ямки, городища Шаманский Мыс, сборов в Нарыме¹³⁸. Период бытования — X—XVIII вв.

Тип 29. Пятиугольные, 18 экз. Размеры: 90—120 (50—70×15—25) мм; 1 : 3, 1 : 4,5.

Варианты: 1. С параллельными сторонами и вытянутым острием (табл. IV, 16); 2. С расширенными в верхней трети сторонами и коротким острием (табл. IV, 17). Найдены в Барсовом Городке, Кипе, Усть-Ишиме¹³⁹. Наконечники этого типа относятся к ранним формам, которые бытовали в конце I — начале II тыс. В Восточной Европе использовались в это же время (VIII—XIII вв.) финно-угорскими народами Прикамья и Среднего Поволжья¹⁴⁰.

Тип 30 (52). Ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками, с наибольшим расширением в верхней трети пера (табл. IV, 19), 10 экз. Размеры: 35—100 (20—70×10—20) мм; 1 : 3.

Происходят из могильников Кип, Тоянов Городок, Абрамово-10¹⁴¹. Использовались в XII—XVIII вв. Для первой половины I тыс. характерны более мелкие формы.

Тип 31 (63). Листовидные (табл. IV, 18), 21 экз. Размеры: 45—95 (30—70×7—23) мм; 1 : 3, 1 : 4.

Известны по коллекции А. В. Адрианова из раскопок под Томском, Тоянова Городка, Барсова Городка, могильников Кип, Кыштовка-2, Абрамово-10, Ямки, Парабельской коллекции, городища Шаманский Мыс, Тискино¹⁴². Наконечники I — начала II тыс. меньших размеров — в пределах 70 мм. В Восточной Европе такие наконечники бытовали с начала нашей эры до позднего средневековья у финно-угорских народов Севера¹⁴³. Принимаю во внимание этот факт, а также отсутствие упора у подавляющего числа изделий, характер их отделки, длительность существования, отсутствие близких аналогов на юге, можно с известной долей условности отнести эти наконечники к местным лесным формам.

Тип 32. Килевидные без упора, 8 экз. Размеры: 90—155 (65—95×20—25) мм; 1 : 3, 1 : 4. Напоминают маленькие кинжалы.

Происходят из Холмогорской коллекции¹⁴⁴. На основании комплекса находок могут быть датированы второй половиной I тыс. (не позже X в.). Традиционная местная форма.

Тип 33 (33). Килевидные с упором, 20 экз. Размеры: 60—170 (30—75×10—17) мм; 1 : 2, 1 : 5.

Варианты: 1. Килевидные вытянутые — пропорции 1 : 4—1 : 5 (табл. IV, 20, 21; V, 1); 2. Лопатовидные — пропорции 1 : 2. (табл. IV, 24, 26). Происходят с Искера, Тоянова Городка, Шаманского Мыса, Басандайки, Кипа, Аргаиза, Усть-Ишима, Абрамово-10, могильника Андреевский Ручей¹⁴⁵. Большинство наконечников характерно для эпохи позд-

него средневековья. Широко распространяются в середине первой половины II тыс., используются до XVII—XVIII вв.

Тип 34. Килевидные вытянутые с упором (табл. V, 2), 4 экз. Размеры: 115—185 (70—145×6—12) мм; 1 : 11, 1 : 12.

Происходят с позднесредневековых могильников Тоянов Городок¹⁴⁶ и Тохтамышевский¹⁴⁷. Датируются XVI—XVII вв.

Тип 35 (41). Ромбовидные гнездового типа с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками (табл. V, 3, 4), 17 экз. Размеры: 90—150 (6—11×19—35) мм.

Происходят из могильников Седова Заимка, Кыштовка-2, дореволуционных сборов в Тобольской губ.¹⁴⁸ Наконечники близких форм без упора известны по памятникам конца I тыс., однако собственно такие наконечники распространяются в начале II тыс. и бытуют на всем его протяжении вплоть до XVIII в. В Восточной Европе наконечники данного типа особенно широко используются с середины XI по XIV в.¹⁴⁹

Тип 36 (53). Срезни с тупоугольным острием (табл. V, 7), 3 экз. Размеры: 103—106 (56—70×20) мм; 1 : 3.

Происходят из могильников Малая Тебендя, Седова Заимка, Красный Яр-1, Плехановского городища¹⁵⁰. Вошли в употребление в конце I тыс. н. э. (IX—X вв.) и существовали, по всей видимости, до XIII в.; были заменены наконечниками, очень близкими по форме, но значительно больших размеров. Появление крупных форм связывается с монгольским влиянием.

Тип 37 (55). Секторовидные срезни (табл. V, 5, 6), 15 экз. Размеры: 45—11,5 (30—60×20—75) мм; 1 : 2.

Происходят из могильников Аргаиз, Берегаевский, Тургайский, Кыштовка-2, Абрамово-10, Туруновка-2, Сопка-2; подъемного материала¹⁵¹. Крупные формы наконечников с длиной пера свыше 45—50 мм распространяются с монгольского времени и существуют до XVII в. Более мелкие наконечники бытуют с конца I тыс. (приблизительно с VIII—IX вв.) до прихода в Сибирь русских. Известны костяные подражания.

Тип 38 (67). Срезни в виде лопаточки (табл. V, 8, 9), 35 экз. Размеры: 90—150 (50—80×20—22) мм; 1 : 3, 1 : 4. Форма острия различная: от прямоугольного к чуть приостроенно-тупоугольному.

Происходят из Искера, Кипа, Аргаиза, Седовой Заимки, Тоянова Городка, Гжатска, из окрестностей д. Тюпа Томской обл., Кыштовки-2, 1, Туруновки-2, Берегаевского могильника, Малой Тебенди, Старобибеево-1¹⁵². Крупные наконечники с упором распространяются с середины первой половины II тыс. и применяются до XVII в. Срезни без упора известны на памятниках конца I тыс. н. э. Мелкие наконечники с упором появляются в начале II тыс.

Тип 39 (58). Лопатовидные срезни без упора (табл. V, 13), 24 экз. Размеры: 40—120×10—20 мм, о пропорциях говорить затруднительно, поскольку не ясно, как глубоко вставляли наконечник в древко.

Происходят с Архиерейской Заимки, Релки, Басандайки, Искера, Барсова Городка, Малой Тебенди, Аргаиза, Кипа, Старобибеево-1, Иловского могильника, Плехановского II городища¹⁵³. Начали распространяться со второй половины I тыс. (VI—VIII вв.) и использовались коренным населением до этнографической современности. В Восточной Европе они особенно характерны для финно-угорского населения X—XI вв.¹⁵⁴

Тип 40 (57). Долотовидные срезы с упором в виде узких прямоугольных лопаточек (табл. V, 10), 20 экз. Размеры: 63—130 (35—90×10—15) мм; 1 : 5, 1 : 9.

Происходят из Тургайского комплекса памятников, Тоянова Городка, Иловского курганного могильника, Аргаиза, Кипа, Седовой Заимки, серии сборных материалов, Мангазеи¹⁵⁵. Начали распространяться в начале II тыс. и бытовали до этнографической современности.

Тип 41 (54). Треугольные срезы (табл. V, 11, 12), 6 экз. Размеры: 45—95 (25—55×20—30) мм; 1 : 1, 1 : 2.

Происходят из могильников Кыштовка-2, Абрамово-10, Тургай¹⁵⁶. Имеющиеся экземпляры относятся к позднему средневековью, в пределах XVI—XVIII вв. В Восточной Европе срезы этого типа известны по памятникам IX—XIV вв.¹⁵⁷

Тип 42 (60, 61). Развилчатые срезы, 66 экз. Размеры: 50—150 (35—90×20—50) мм.

Варианты: 1. С вогнутыми боковыми и выпуклыми режущими сторонами (табл. V, 17); 2. С прямыми боковыми и режущими сторонами (табл. V, 18, 19); 3. С выпуклыми боковыми и прямыми режущими сторонами (табл. V, 14); 4. Широкие лопатковидные с полудуговой режущей частью (табл. V, 16); 5. Широкие лопаткообразные с тупым острием и вогнуто-треугольной режущей частью (табл. V, 20); 6. С тупыми подпрямоугольными «рогами» (табл. V, 19); 7. Рюмковидные (табл. V, 21).

Происходят с Искера, Усть-Ишима, Тоянова Городка, Релки, Барсова Городка, Шаманского Мыса, могильников Чистый Яр, Кыштовка-1, 2, Абрамово-10, Садовка-2, Кинтусовский, Тискино, Бедеровский Бор, Туруновка-2, Халас-Погор, Сопка-2, городищ Сопка-1, Ермаково-1, Шаманский Мыс, Мангазея, из-под д. Тюпа на Чульме, Пудагского могильника, раскопок А. В. Андрианова под Томском¹⁵⁸. Период бытования — VI—XIX вв. Известны костяные имитации¹⁵⁹.

Тип 43 (32). С боковыми уступами (табл. V, 15), 4 экз. Размеры: 90—110 (80—90×25—30) мм; 1 : 3.

Происходят из могильников Кинтусовский, Ямки, Мангазейского острога¹⁶⁰. Период бытования — X—XVII вв.

Тип 44 (29). Двухшипные, 46 экз. Размеры: 65—170 (50—90×15—55) мм; 1 : 2, 1 : 4.

Варианты: 1. Длинношипные с шейкой и упором (табл. V, 23, 14); 2. Короткошипные без шейки (табл. VI, 1); 3. С расширяющейся к шипам шейкой (табл. VI, 1, 2). Происходят из могильников Томский, Барсов Городок, Кинтусовский, Максимкин Яр, Ямки, Усть-Ишим, Ильченбога, Аргаиз, Кип, Архирейская Заимка, Айдашинская пещера, Искер, Шаманский Мыс, Кыштовка-1, Ликийский; известны по материалам Холмогорской, Парабельской, Ишимской коллекций, сборов с р. М. Сосьвы¹⁶¹.

Период бытования шипастых наконечников — VII в. — этнографическая современность. Наконечники данного типа характерны для лесной полосы. На территории европейской части страны наконечники такой формы без упора были широко распространены исключительно в северной зоне¹⁶².

Тип 45. С треугольным пером и прямыми плечиками без упора (табл. VI, 3), 4 экз. Размеры: 65—120 (45—55×20) мм; 1 : 2.

Происходят из могильников Кыштовка-2, Иловский¹⁶³. Датируются XV—XVII вв. Конструкция пера затрудняет извлечение наконечника из раны. По этой особенности наконечники данного типа тесно смыкаются с шпастыми.

Тип 46. Многошпастые (табл. VI, 4), 2 экз. Размеры: 80—95 (60—80 × 25) мм; 1 : 2,5.

Найдены в могильниках Кыштовка-2¹⁶⁴, Максимкин Яр¹⁶⁵. Бытовали в XVI—XVIII вв.

Тип 47. Ступенчатые (табл. VI, 5), 4 экз. Размеры: 60—65 × 15—25 мм; 1 : 3.

Обнаружены в могильниках Усть-Ишимский¹⁶⁶ и Кыштовка-2¹⁶⁷. Датируются XVII—XVIII вв.

Тип 48 (44). Пламевидные (табл. VI, 6), 4 экз. Размеры: 95—125 (65—74 × 20—30) мм; 1 : 3.

Найдены в могильнике Аргаиз, Айдашинской пещере, имеются в Ишимской коллекции¹⁶⁸. В Восточной Европе подобные наконечники бытовали в IX—XIV вв.¹⁶⁹ Примерно к этому времени относятся наконечники данного типа. Во всяком случае, в материалах памятников второй половины II тыс. они уже не встречаются. О начале распространения говорить затруднительно, поскольку из датированного комплекса — могильник Аргаиз — происходит лишь один наконечник. Памятник датируется VIII—XII вв.¹⁷⁰

Группа IV. Граненые наконечники стрел. К ним относятся наконечники разных форм с массивным пером. Имеющие в сечении форму круга или многоугольника — бронебойные. Ввиду малочисленности таких наконечников (4,8%) проводить более дробное членение на группы по характеру сечения считаем нецелесообразным, принципы выделения типов — прежние.

Тип 49. Длинные пиковидные (табл. VI, 20), 14 экз. Представляют собой длинный округлый в сечении металлический стержень, увенчанный граненой пирамидальной головкой. Размеры: 175—250 × 5 мм.

Найдены в Томском могильнике; имеются в Ишимской, Холмогорской коллекциях¹⁷¹. В Айдашинской пещере обнаружено 14 точно таких же наконечников, но изготовленных из кости¹⁷².

Время бытования данного типа по основной массе вещей из комплексов находок ограничивается второй половиной I тыс.: V—VIII вв. В Восточной Европе близкие, но не идентичные формы с упором бытуют до X в.¹⁷³

Тип 50. Боеголовковые долотовидные с шейкой (табл. VI, 10, 11), 18 экз. Размеры: длина 75—150 мм; длина головки 25—35 мм.

Найдены в могильниках Релка, Аргаиз, Малая Тебендя¹⁷⁴. По могильникам и археологическим аналогам из Тувы и Прииртышья датируются VII—X вв.

Тип 51 (83). Бронебойные со скругленно-ромбовидной головкой, 3 экз. Размеры: 70—75 (20 × 13—14) мм.

Варианты: 1. Ромбического сечения; 2. Треугольного сечения (табл. VI, 16). Найдены в Усть-Ишимском могильнике¹⁷⁵. В Восточной Европе появляются в X в., характерны для XI в.¹⁷⁶ Не противоречит этой дате и хронология могильника.

Тип 52 (95). Узкие пирамидальные ромбического сечения с перехватом у черешка (табл. VI, 8) 1 экз. Размеры: 75 (35 × 7) мм.

Наконечник найден в могильнике Аргаиз¹⁷⁷. Типичная противокольчужная форма. Период бытования — VIII—XIV вв.¹⁷⁸ В большей степени характерны для европейской части страны, чем Сибири.

Тип 53 (93). Шиловидные без перехвата (табл. VI, 7), 6 экз. Размеры: 70—100×50 мм.

Обнаружены в могильниках Архиперейская Заимка, Усть-Ишим, Аргаиз, Окунево, Барсов Городок, в подъемном материале¹⁷⁹. В Восточной Европе бытовали в X—XIV вв. В лесной полосе Западной Сибири, судя по находкам из Архиперейской Заимки, Барсова Городка, Окунево, наконечники данной формы были известны уже во второй половине I тыс. — с VII—VIII вв. Типичная противокольчужная форма.

Тип 54. Стамесковидные (табл. VI, 13), 2 экз. Размеры: 65—70×7—9 мм, ширина 7—9 мм.

Особенность определяется конструкцией режущей кромки, которая образована косым срезом одной из плоскостей. Наконечники найдены в могильниках Чулым-2, Седова Заимка¹⁸⁰. Время бытования VIII—XII в.

Тип 55. Долотовидные, ромбические в сечении, с перехватом (табл. VI, 14, 13), 1 экз. Размеры: 111 (65×6) мм.

Наконечник найден в Тургайской могильной группе¹⁸¹. Датируется XVI—XVII вв. Точные аналоги не известны. По характеру оформления он близок к наконечникам первой половины II тыс. Предназначен для расчленения и, частично, раздвижения плетения кольчуги.

Тип 56. Долотовидные с наибольшим расширением и утолщением в верхней половине пера (табл. VI, 12), 1 экз. Размеры: 75 (40×12) мм.

Наконечник обнаружен в могильнике Аргаиз¹⁸². Близок к срезным в виде лопаточек. Наконечники подобных форм в X—XI вв. бытуют у чжурчженей. В Восточную Европу они проникают в середине XI в. и существуют до XIII в.¹⁸³ Очевидно, в это время они бытовали и в Западной Сибири. Предназначены для расчленения кольчуги.

Тип 57. Пятиугольные ромбовидные в сечении (табл. VI, 9), 1 экз. Размеры: 60 (35×5) мм.

Наконечник из могильника Каменный Мыс¹⁸⁴. Датируется VIII—X вв.

Тип 58. Четырехгранные с пирамидальной головкой, 5 экз. Размеры: 70 (35—55×6—9) мм.

Варианты: 1. Пирамидальные без шейки (табл. VI, 18); 2. Пирамидальные с круглой шейкой (табл. VI, 17); 3. Гвоздевидные (табл. VI, 19).

Определение времени бытования каждого типа затруднено малочисленностью находок и отсутствием надежных аналогов. Наконечники, в какой-то мере близкие к вариантам 2 и 3, бытовали в VIII—IX вв. в Приамурье¹⁸⁵, а в Восточной Европе до XIV в.¹⁸⁶ Памятники (могильник Аргаиз и Кипо-Куларские поселения), откуда происходят данные наконечники, датируются VIII—XII вв.¹⁸⁷ Наконечник варианта 1 — из четко датированного XVII—XVIII вв. могильника Кыштовка-2¹⁸⁸.

Тип 59. Ланцетовидные ромбического сечения (табл. VI, 15), 1 экз. Размеры: 105 (75×8) мм.

Наконечник из могильника Сопка-2. Близкие по форме наконечники известны в X—XI вв.¹⁸⁹ По характеру отделки и сопровождающему инвентарю данный экземпляр относится к более позднему времени — концу первой половины II тыс.

Тип 60. Копьевидные (табл. VI, 21), 1 экз. Размеры: длина 268 мм.

Представляет собой длинный круглый стержень, увенчанный головкой, по форме напоминающей наконечник копыя трехгранного сечения. Известен по Ишимской коллекции¹⁹⁰ и датируется второй половиной I тыс.

Приведенные данные позволяют констатировать, что в исследуемой зоне, так же как и в южных степных районах Сибири, в эпоху раннего средневековья преобладали трехлопастные и трехгранно-трехлопастные наконечники. Период их бытования охватывает вторую половину I тыс. Здесь они столь же быстро сходят со сцены. На смену им появляются типологически наиболее разнообразные плоские проникатели. Первый опыт применения последних в Сибири относится еще к таштыкскому времени, однако тогда они еще достаточного распространения не получили. Период их наибольшего распространения начинается с конца I тыс., а в первых веках II тыс. они уже становятся доминирующей формой. В конструкции насада наконечников наблюдаются определенные различия, которые определяются региональными и, вероятно, культурными, но не хронологическими особенностями.

На наш взгляд, плоский черенок без упора характерен для наконечников собственно лесной полосы и в большей степени для северных районов. Такой способ оформления насада появляется достаточно рано и существует до этнографической современности, в то время как в южных районах, в том числе и в лесостепи, повсеместно бытуют наконечники с круглым или квадратным в сечении черешком и выраженным упором.

Такой насад некоторых типов наконечников конкретных этнических групп является отражением длительного сосуществования и действительных контактов в рамках образующихся этносов различных слоев населения — носителей традиций южного степного и северного лесного миров. Процесс этого взаимодействия, сопровождающийся поиском оптимальных решений в рамках насущных задач, способствовал тому, что при сохранении общего характерного облика и внешнего оформления наконечников лесной полосы некоторые из них приобрели морфологические черты (конструкция черешка, шейки бочонкообразного утяжелителя, имитирующего костяные свистунки кочевников (табл. VIII, 7)) южной направленности. И в европейской части страны наконечники с плоским черешком также четко локализируются в северной (лесной) полосе с I тыс. до н. э. до средневековья включительно¹⁹¹.

Особенностью наконечников из таежной зоны явилось то, что их отдельные типы, например, боеголовковые с шипами (тип 18), в рамках традиционных форм развивались до этнографической современности. Распространение таких проникателей малых форм относится уже ко второй половине I тыс. Наконечники варианта 1 бытовали практически без особых изменений (если не считать постепенное выделение упора) до прихода в Сибирь русских. Проникатели варианта 2, сохранив в общем сходные морфологические черты, послужили основой для формирования стрел этнографической современности. На некоторых наконечниках можно заметить огранку рабочей части, что объясняется стремлением повысить проникающие бронбойные свойства наконечника (табл. VIII, 11, 12). Широкое распространение в середине II тыс. кольчуги, очевидно, обусловило выделение длинного граненого острия, способного проникать сквозь кольца. Са-

ма же боевая головка сохранила некоторые общие для типа параметры, в том числе ставшие уже ненужными шипы. Как дань традиции можно, по всей видимости, рассматривать линии косых насечек у основания тела, которые, смыкаясь, как бы рисуют прообраз некогда существовавшей короткой боевой головки (табл. VIII, 3, 4). В селькупской устной традиции наконечники этого типа называются *кезынго* — бронебойная стрела¹⁹².

«Археологу и этнографу приходится постоянно считаться с силой традиции, — справедливо замечал А. П. Окладников, — с влиянием старых форм и удивительными по упорству переживаниями старого в новом, которые становятся тем более ощутимыми нами, чем меньше и слабее их целесообразность в практической жизни»¹⁹³. В анализируемом материале «атавистическими» выглядят шипы, которые в данном случае несут, очевидно, в большей степени знаковую, чем функциональную, нагрузку, поскольку вряд ли можно объяснить какой-либо технической целесообразностью сохранение маленьких жальцев при такой массивной и длинной проникающей части. По мнению А. Н. Кирпичникова, шипы характерны не столько для боевого, сколько для охотничьего оружия¹⁹⁴. Однако с этим положением, во всяком случае для Западной Сибири, нельзя согласиться. По устной традиции, шипы были важным признаком именно боевого оружия¹⁹⁵. Это, на наш взгляд, и объясняет сохранение подобных атрибутов у наконечников типа *кезынго*, а также наличие шипов у стрел некоторых других типов, аналоги которых известны по археологическим материалам (в частности, *мюттель-тишце* переводится как боевая стрела, *мюты* — война¹⁹⁶). Некоторые формы «аборигенных» наконечников были восприняты русскими служилыми людьми, проникавшими на территорию Сибири в XVII в. Так, среди предметов вооружения, обнаруженных при раскопках стоянки полярных мореходов на о. Фаддея, имеется более 10 проникателей (не учтенных в нашей сводке), прямые аналоги которых среди русских форм не известны¹⁹⁷, но их с уверенностью можно считать *кезынго*.

Наконечники другого типа — фигурнолистные без упора (тип 28) — бытовали с X в. (очевидно, в середине первой половины II тыс. сосуществовали с фигурнолиственными с упором). На определенном этапе они послужили основой для развития форм, характерных для этнографической современности. В связи с распространением в качестве основного защитного средства кольчуги и необходимостью повысить проникающие свойства серийных наконечников проявляется тенденция к утоньшению и удлинению их острия. В результате дальнейшего развития в этом направлении произошло сближение остро отточенных сторон рабочей части. Это привело к образованию четырехгранного, ромбовидного в сечении жала, в то время как остальная часть пера сохраняла свои очертания и плоское сечение. Наконечники такой конструкции известны по этнографическим материалам (табл. VII, 5, 6). Согласно устной традиции, они именуется *пырнь-ол* — острая головка¹⁹⁸. Их назначение — поражать защищенного доспехом противника. Основная нагрузка в этом случае падает на острие, однако некоторые экземпляры сохраняют, казалось бы, «рудиментарные» черты — заточку сторон, что является еще одним, на наш взгляд, подтверждением производности *пырнь-ол* от фигурнолистных наконечников, имевших крупную заточку всей верхней кромки пера. Безусловно, некоторые формы срезаемых (например, типы 38, 39) обнаруживают определенные черты прием-

твенности с наконечниками, бытовавшими в этнографической современности. Характерный разворот боевой части наконечника относительно его общей плоскости зафиксирован у некоторых находок из Релки, Архиерейской Заимки (табл. IX, 8). Его же можно проследить и у наконечников стрел, именующихся у селькупов *аттель-тищце*¹⁹⁹ (табл. IX, 2). Согласно устной традиции, аттель-тищце предназначались для поражения крупного зверя: при умелом попадании перебивали у него жилы, сразу же обездвигивая жертву. Поскольку основные конструктивные решения практически у всех типов срезней близки, их, видимо, можно признать распространенным и эффективным средством борьбы с кавалерией и с не защищенным доспехом противником. Этнографические варианты существенно отличаются специфическим расширением в середине пера, придающим наконечнику большую массивность, особенно его острию. Такое утяжеление было обусловлено, на наш взгляд, стремлением повысить экспансивные свойства стрелы, сделать ее более эффективной в борьбе с кольчужой. В этой конструкции реализовался несколько иной принцип — не поражение сквозь кольца, а разрушение последних. Попытки именно таких способов решения вопроса заметны на некоторых формах начала II тыс. (типы 50, 54, 56). Развилчатые наконечники представляют одну из самых старинных форм, использовавшихся почти повсеместно. В литературе сложилось мнение о преимущественно охотничьем назначении развилчатых стрел, хотя их находили в колчанах дружинников и воинов-кочевников²⁰⁰. Однако в героическом эпосе содержатся сведения, позволяющие сделать иные выводы по данному вопросу. Когда речь заходит об опасности предстоящего военного похода, о силе противника, готовящегося к войне, подчеркивается, что богатырь «строгает черен двухконечной стрелы»²⁰¹. Вообще, здесь «строгание черенков» ассоциируется с подготовкой к сражению²⁰². А просьба о подмоге в трудный час выражается формулой: позвать того-то и того-то «заменить новыми изломанные черенки стрел, приделать новые перья к стрелам, у которых они изорвались»²⁰³. Богатыри стреляют во врагов «утиными стрелами, гусиными стрелами»²⁰⁴, т. е. снабженными специальными наконечниками, для охоты на этих птиц, как известно, использовались развилчатые стрелы. В этом аспекте определенный интерес представляет и наличие выделенных шипов у некоторых этнографических развилчатых срезней (табл. IX, 4—6).

Наконечники с боковыми уступами (тип 43) представляют еще один тип проникателей, который наряду с некоторыми вариантами шипастых наконечников лег в основу формирования специфических позднейших наконечников мюттель-тищце — боевых стрел. Процесс эволюции шел по пути увеличения пробивающих свойств за счет утяжеления и формирования граненого острия (табл. VII, 1, 2). О том, что эти наконечники не были специфически бронейными, свидетельствуют довольно широко распространенные и остро отточенные стороны, а также наличие долов в середине пера. Для двушипных проникателей (тип 44) было характерно также удлинение шипов, возрастал их удельный вес в системе пропорций пера (табл. VIII, 1). Однако вместе с этими наконечниками продолжают существовать дериваты, очень близкие к археологическим прототипам.

Стрелы были не только оружием, но и предметами культа. Многочисленные наконечники — обычная находка в культовых местах, в частности в Айдашинской пещере. По мнению авторов раскопок, костяные эквива-

ленты броневой пиковидных (тип 49) проникателей «изготавливались, скорее всего, для проведения каких-то магических обрядов, связанных с пещерой»²⁰⁵. Одним из оснований для такого вывода послужили «ненормально» большие размеры наконечников. Это положение следует уточнить. Конечно, уже сам факт жертвования вещи придает ей культовую окраску. Однако по этнографическим данным наконечники стрел, ставшие предметами культа, первоначально могли использоваться по прямому назначению и приобретали культовое значение после смерти владельца. Кроме того, по свидетельствам, относящимся к концу прошлого века, всякий «инородец», проезжающий мимо священного места, должен был пожертвовать хотя бы одну стрелу²⁰⁶, скорее всего прямо из своего колчана. Во всяком случае, нет никаких указаний на то, что стрела была какой-то особенной. Более того, по мере выхода лука из употребления при жертвовании стрелы стали заменяться дробью, которая уже никак не могла быть вотивной²⁰⁷.

В пользу вышесказанного свидетельствует и находка пиковидного наконечника стрелы (полностью идентичного айдашинским образцам) в Томском могильнике, по комплексу никак не связанная с жертвенным местом. Если говорить о размерах, то среди селькупских наконечников стрел (причем не только броневых, но и обычных шипастых) из этнографических коллекций экземпляры длиной 220 мм не редкость. Таким образом, представляется вполне допустимым отнести проникатели данного типа, как, впрочем, и других из кладов и жертвенных мест, к некогда существовавшим боевым реалиям.

В конечном итоге как более древние, так и поздние типы наконечников стрел канонизировались, вошли в традицию и существовали параллельно. При этом для периода позднего средневековья можно говорить лишь о модификациях традиционных образцов, а не о формировании качественно новых форм.

Глава III

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Средства натальной защиты являются, по сути дела, первой самостоятельной формой специализированного боевого оружия. Этнографические данные свидетельствуют об унификации и нерасчлененности типов оружия нападения, применяемого на охоте и во время военных акций на ранних этапах человеческой истории, которое сосуществовало с уже довольно развитыми средствами защиты. Так было, например, у народов севера Восточной Сибири¹. Появление и распространение средств индивидуальной защиты послужило толчком к изменению оружия нападения, выделению и совершенствованию его специфических боевых форм.

В военной сфере как нигде активно идет процесс внедрения технических новшеств. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на огромных пространствах Евразии мы застаем очень близкие или принципиально

сходные формы защитного вооружения. Данное обстоятельство позволяет в известной мере восполнить пробел, существующий в знаниях о боевой одежде народов лесной полосы Западной Сибири. До сих пор здесь не найдено ни одного неповрежденного панциря, составить представление мы можем лишь по находкам отдельных пластин и звеньев доспеха.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретного материала, следует оговориться, что речь может идти лишь об общих принципах, лежащих в основе конструкции средств индивидуальной защиты, об их типовых формах, а не о реконструкции каждого индивидуального доспеха, поскольку виды его не существовали обособленно, а могли сочетаться.

По характеру сочленения и облеку пластин все реконструируемые доспехи подразделяются на типы.

Тип 1. Ламелярные, 12 экз.

Обнаружены в могильниках Басандайка, Архпере́йская Заимка, Тимирязевский, Релка, Усть-Ишим, Окунево, Арганз, Иловский, на поселениях Малгет, Нарыма; известны по Парабельской культовой коллекции ².

Размеры пластин: длина 55—130 мм, ширина 20—30 мм. Они распадаются на три разновидности: 1. Прямоугольные полосы с прямыми или слегка округленными краями (табл. X); 2. Вытянутые восьмеркообразные (табл. XI, 1, 2); 3. С волнистыми краями (табл. XI, 3, 4).

Общие признаки всех этих пластин: удлиненные очертания и практически идентичное расположение крепежных отверстий, комбинация которых, как правило, стабильна и устойчива, что очевидно, предполагает сходную систему крепления. Для всех вариантов расположения отверстий характерна их парная локализация в два ряда близ краев длинных сторон пластины. Различия касаются сочетания крепежных дырочек на сорцевых частях. Отмечены следующие варианты: 1. Две вдоль осевой с одного края и одна с другого; 2. Две вдоль осевой с одного края и две перпендикулярно к ней с другого; 3. Две перпендикулярно осевой с одного края и одна с другого. Все комбинации могут быть дополнены отверстием в центре.

Аналоги панцирным пластинам этого типа встречаются на обширной территории Евразийского пояса в конце I — начале II тыс. в памятниках Кавказа ³ и кочевников Восточной Европы ⁴, раннесредневековых согдийцев ⁵, тюрок Алтая ⁶ и Тувы ⁷, енисейских кыргызов ⁸, мохэских ⁹ и чжурчжэньских ¹⁰ Приамурья и тангутских Китая ¹¹. Они зафиксированы и в районах Верхнего Приобья ¹².

Детали лат данного типа, судя по серии фрагментов из Усть-Ишима, соединялись между собой внахлест с помощью ременной связки. Шнуровка производилась несколькими способами: в один и в два ремня, что, по всей видимости, зависело от местоположения пластины на теле воина. Вязка производилась так, чтобы с наружной стороны длина ремней была минимальной. Это обуславливалось стремлением уменьшить уязвимость одежды. Второй ремень был страховочным: на случай повреждения первого. Такое крепление позволяло быстро заменять поврежденные пластины, производить необходимую починку в полевых условиях. Ее мог осуществить каждый воин, имеющий даже небольшой навык вязания и набор запасных деталей (пластин). Через каждую группу отверстий проходил свой шнур, который прослеживался с наружной стороны в

виде ряда коротких стежков между парами отверстий. С изнанки же во время шнуровки кончик ремня заводился под уже натянутую часть, получившаяся петля туго затягивалась. Путем последовательного нанизывания пластин образовывался ряд, который соединялся внахлест с другими уже набранными полосами еще одним независимым ремешком. Таким образом, через каждую чешуйку проходило по четыре крепежных нити.

После сборки таких рядов в единый массив по его периметру заклепками крепились толстая ременная прокладка из широкой полосы кожи, охватывающая с обеих сторон кромку доспеха. Она выполняла усиливающую функцию, а также, очевидно, предохраняла от травм острыми краями лат (табл. XI, 5). Совершенно аналогичная окантовка известна у панцирей, обнаруженных А. В. Уманским на Чумыше и В. В. Радловым в Берели¹³. Доспех имел шерстяную подкладку, которая прикреплялась с помощью шнура: он пропускаться сверху вниз через отверстия в центре чешуек и, проходя сквозь ткань, «пришивал» ее длинными стежками к металлической основе. Наличие такой подкладки было вызвано необходимостью. В героическом эпосе угров переданы ощущения человека, одевающего кольчугу: он будто опрокинул на себя три ковша ледяной воды. От ледящего холода доспеха жмуется по углам дети¹⁴. Очевидно, немало неудобств испытывал воин и в жару, когда раскаленный металл соприкасался с телом.

Подробное описание монгольского доспеха составлено Плато Карпини. «У некоторых же все то, что мы выше назвали (части защитной одежды. — А. С.), составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по ступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают через отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и с другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают по кускам так, как сказано выше. И они делают эти как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестяще, что человек может видеть в них свое лицо»¹⁵.

Способ ременной сочленения доспеха следует, очевидно, считать основным, но не единственным. В экспозиции Новосибирского краеведческого музея представлены остатки панциря, пластины которого скреплены между собой железными кольцами наподобие кольчужных (табл. X, 2). Стыковка проволокой отмечена А. П. Уманским и для доспехов сопредельных территорий¹⁶. Такая конструкция имела свои плюсы и свои минусы. Выигрывая в прочности, она уступала в подвижности и технологичности. Производилось также крепление пластин заклепками к какой-то толстой органической основе, по всей видимости к коже (табл. X, 5). Такой способ применялся, например, енисейскими кыргызами¹⁷.

Независимо от способа вязки или иного характера сочленения пластины должны были занимать вертикальное положение на корпусе воина. Только в этом случае могло быть достигнуто плотное прилегание их к телу и соблюдено необходимое условие, когда, согласно Плато Карпини,

панцирь «сжат перед грудью», а «от рук и ниже кругло вокруг тела»¹⁸. Речь идет о целом наборном доспехе, а не об отдельном коротком нагруднике, для которого в силу небольших собственных размеров и площади защищаемой поверхности расположение пластин не принципиально (горизонтальное в отдельных случаях было даже предпочтительнее). В этой связи вызывает определенные возражения реконструкция защитной одежды с горизонтально расположенными зубчатыми пластинами из Релкинского могильника, предложенная Л. А. Чиндиной¹⁹.

Как представляется, зубчатые составляющие доспеха должны располагаться вертикально, как и гладкие аналоги других лат. Это предположение подтверждается изображениями воинов из различных мест распространения ламелярного доспеха в Евразии. Несмотря на различия территориальной, культурной принадлежности и покроя одежды воинов, изображения позволяют представить качественно единую систему — вертикальную — локализации зубчатых пластин (табл. XII).

Судя по этим изображениям, наличие подобных черт в конструкции панциря (вертикальное размещение пластин) фиксируется практически на всех сопредельных территориях. Это дает возможность предполагать существование в исследуемом регионе аналогичных традиций, тем более что в военной сфере, где процесс взаимовлияния и обогащения идет наиболее активно, а все инновации немедленно воспринимаются и обращаются против врага, оружие приобретает на огромных территориях общие (если они только применимы к конкретным условиям), наиболее рациональные формы.

Тип 2. Чешуйчатые, 8 экз. Размеры пластин: длина 45—70 мм, ширина 20—35 мм.

Найдены в Мурлинском городище, в могильниках Окуневский, Архирейский, Релкинский; в сборах в Нарыме и на р. Язевой в районе строительства Обь-Енисейского канала²⁰.

Чешуйчатые покрытия во многом близки к ламелярным, однако имеют существенные различия. Общие черты обуславливаются самим принципом наборного панцирного бронирования внахлест и проявляются в системе и характере группировки крепежных отверстий. Различие в том, что в смонтированном виде у лат этого типа каждый последующий ряд составляющих на 1/3 (или несколько больше) перекрывает предыдущий и несколько смещен относительно другого. В результате образуется покрытие, напоминающее рыбу чешую, имеющее в каждой точке многослойную защиту. С этим в прямой зависимости находится и форма пластинок, которые имеют с одной стороны закругленный или приостренный край, тогда как противоположной чаще прямой. Пластины распадаются на следующие разновидности: 1. Подпрямоугольные с одной закругленной стороной (табл. XIII, 1); 2. Трапецевидные (табл. XIII, 2); 3. Полуэллипсовидные (табл. XIII, 3, 5); 4. Стреловидные (табл. XIII, 4). На имеющихся материалах четко прослеживается следующая группировка крепежных отверстий: 1. Одно возле верхнего среза; 2. Три треугольником по верхнему краю и шесть попарно в нижней трети ближе к середине поперек чешуйки; 3. Шесть попарно треугольником в верхней части; 4. Три вдоль верхнего прямого среза, восемь попарно вдоль чешуйки близ боковых кромок и два по длинной оси симметрии у нижнего округлого края; 5. Четыре треугольником в центре пластины по верхнему краю, четыре

попарно близ боковых кромок в нижней части и два посередине у нижнего окончания.

Круг аналогов находок данной категории столь же широк, как и пластин ламелярного доспеха, с которым чешуйчатый сосуществует с эпохи раннего железа, поэтому приведение их теряет смысл.

Особо следует остановиться на четвертой, стреловидной разновидности чешуек. Прямые аналоги данным изделиям не известны. С. И. Кузнецов, раскопавший могильник VIII—IX вв. у Архерейской Заимки, отмечал среди прочего инвентаря «железные стреловидные поделки с дырочками»²¹, назначение которых осталось загадочным. Эти изделия, на наш взгляд, могут быть определены как детали лат. В пользу этого свидетельствуют наличие, расположение и размеры отверстий. Не противоречит и форма, хорошо укладывающаяся в ряд защитного пояса чешуйчатого доспеха. Любопытные аналоги можно провести с материалами скифского времени. Имеется в виду костюм «золотого человека» Исыкского кургана, состоящий из 2411 золотых треугольных бляшек, которые по форме напоминают плоский двушипный наконечник стрелы с коротким черенком²². Из средневековых материалов отметим панцирь, обнаруженный в разрушенном погребении в Кустанайской обл.²³ Обращают на себя внимание его пластины, сходные по форме верхнего края с найденными в Архерейской Заимке. Нижний конец их приострен резкими скосами, что в сочетании с вырезами задней кромки придает этим чешуйкам некоторую стреловидность (табл. XIII, б). Дополнительным штрихом может служить принципиальное совпадение принципа группировки отверстий.

Реконструируется два способа крепления пластин. Если дырочки отсутствовали в нижней трети чешуйки, последние, очевидно, нашивались на мягкую основу. Экземпляры же с отверстиями по всему периметру, сочетания которых напоминают комбинации на ламелярных пластинах, соединялись между собой, как и последние, ременной вязкой. Находки таких чешуйчатых панцирей на ременной либо веревочной основе известны по евразийским материалам от скифского времени до средневековья²⁴.

Наиболее ранними металлическими деталями чешуйчатого доспеха в лесной полосе Западной Сибири, вероятно, следует считать дисковидные пластины из Сузунского и Истяцкого кладов, датируемые первой половиной II в. до н. э.²⁵ Их особенности: круглая форма, петелька или отверстие в верхней части, серия процарапанных изображений (персонажи и сюжеты) мифологического характера, которые играли роль своего рода оберегов. Изображения, по всей видимости, мифологического характера обнаруживаются и на так называемых пуговицах из высокооловянистой белой бронзы, которые появляются в лесном Приобье в конце I тыс.²⁶ Наиболее часто встречается янусовидная фигура медведя, занимавшего видное место в представлении сибирских аборигенов. Многогранный образ этого зверя, с одной стороны, выступает тотемным предком, духом-помощником, с другой — символом богатырской силы. Медведь с четырьмя пальцами на одной лапе и пятью на другой вообще ассоциировался с перевоплощенным богатырем²⁷.

Большинство таких бляшек известно в виде разрозненных находок. В свете этого особый интерес приобретает обнаружение их в составе клада XII—XIII вв. с Барсовой Горы близ Сургута. Прежде всего обращают на себя внимание количество (66 штук) и расположение: на небольшом сох-

ранившемся куске кожи они были нашиты так, что край одной заходил за другую²⁸, образуя характерное чешуйчатое покрытие — внахлест. Для лучшего сочленения бляшки имеют округло-квадратную форму, коническое же сечение обеспечивает повышенную прочность и соскальзывание удара. С учетом комплекса этих данных можно поставить вопрос об использовании таких «пуговиц» в эпоху средневековья как деталей чешуйчатых лат (табл. XIII, 9—11). Функциональное назначение пластины не противоречит наличию на ней сакрального изображения. Владелец доспеха находился как бы под двойной защитой — непосредственно панциря и духа-помощника, охранителя. Косвенным аргументом в пользу сказанного в какой-то мере может служить мужская фигурка из Парабельской коллекции, одежда которой покрыта довольно крупными многочисленными кружочками (рис. 7, 6). По пропорциям они значительно больше кольчужных колец, однако вполне соответствуют вышеупомянутым бляшкам. Армированный ими доспех должен был представляться именно такой равномерно покрытой круглешками одеждой, которую и стремился, пусть схематично, изобразить автор.

Подделочным материалом для защитной одежды служила также роговая ткань копыт. В 1888 г. при строительстве Обь-Енисейского канала на месте старого русла р. Язевой было обнаружено 50 таких чешуек²⁹.

Воспоминания о латах рассматриваемого типа сохранились в фольклоре коренного населения Западной Сибири. Г. И. Пелих приводит сказку, записанную на Оби, о богатырском мальчике-сироте, который встречается в тайге двух «железных богатырей с красной грудью». Когда маленький богатырь ударил их друг о друга, с них «посыпалась богатырская одежда, как рыба чешуя». Часто фигурирующий в преданиях народ квели-куп (один из отдаленнейших предков селькупов) носил одежду вроде рыбьей чешуи. «Они надевали ее, когда шли воевать, чтобы стрела не пробивала»³⁰.

Чешуйчатое покрытие обладало по сравнению с ламелярным повышенными защитными свойствами, однако было в силу этого менее подвижным и более тяжелым. У археологически целых доспехов насчитывается до 2859 деталей, а их вес достигает 16 850 г³¹. Вероятно, поэтому защитная одежда данного типа, наиболее широко распространенная в скифское время, в эпоху средневековья постепенно вытесняется ламелярным доспехом, но не исчезает полностью, продолжая существовать как в самостоятельных формах, так и, вероятно, в основном в виде элемента в сочетании с другими видами бронирования.

Тип 3. Пластинчатые, 1 экз. Размеры: 89×135 мм (табл. XIII, 7, 8).

Известны по материалам Парабельской культовой коллекции³². Особенности доспеха: крупные подквадратные пластины прикреплялись к кожаной или матерчатой основе. Они крепились встык или слегка надвигаясь друг на друга наподобие черепицы так, что три стороны оставались свободными. Такой панцирь сравнительно с предшествующими моделями имел большую подвижность³³.

В развитых формах пластинчатый доспех известен в Центральной и Восточной Азии уже в III в. до н. э.³⁴ В самом конце I тыс. первой половины II тыс. он приобретает все большее распространение в комплексе военных средств народов Восточной Европы³⁵ и Южной Сибири³⁶. Однако находки его составляющих очень редки. Ю. С. Худяков отметил типич-

Рис. 7. Изображения вopнов из Прпобья.

1 — д. Новошльнка; 2 — р-н Березова (Шайтанский Мыс?); 3 — Малгет; 4 — Коцкий Городок; 5 — Релка; 6 — Парабельское культовое место; 7 — Васюгашь.

ность этого вооружения для енисейских кыргызов, но находки «пластин от пластинчатого панциря в синхронных памятниках за пределами Минусинской котловины на сопредельных территориях» пока не известны³⁷. В настоящее время представляется возможным говорить о бытовании такого покрытия в боевой одежде лесного населения Западной Сибири в конце I — первой половине II тыс. Вероятно, здесь оно было достаточно

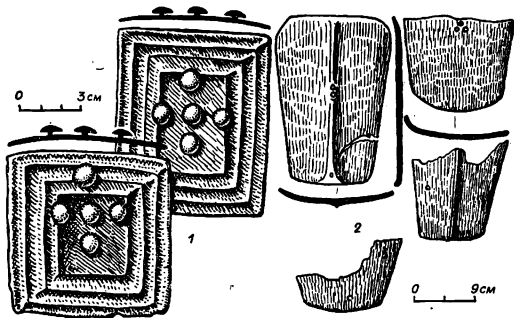

Рис. 8. Детали защитного вооружения.
1 — бригандина (Чердат); 2 — коotedной кирасовидный нагрудник (Мангазель).

распространенным. Свидетельством этому служат фигурки бронзового литья. В этом смысле показательны различия в изображении панцирной защиты на парной скульптурке воинов, найденной в 1899 г. в с. Ново-Ильинском Нарьмского края (современный Колпашевский р-н)³⁸ (рис. 7, I). Доспехи левой фигурки переданы рядом округлых выпуклостей, латы же правой моделированы двояной линией квадратов. Если первый воин запечатлен в чешуйчатом панцире, то второй, несомненно, в пластинчатом. Судя по скульптуркам, латы представляли собой покрытие, защищавшее только верхнюю часть корпуса до пояса, т. е. некоторое подобие бронированного жилета, что справедливо отмечено Л. А. Чиндиной³⁹. находка демонстрирует сходный покров при разных принципах конструкции доспеха и позволяет синхронизировать на определенном этапе бытования лат того и другого типа, несколько опустить хронологическую границу распространения пластинчатой защиты по сравнению с районами Южной Сибири и отнести ее к концу третьей четверти I тыс.

Тип 4. Бригандина, 1 экз. Особенность: крепление металлических пластин производилось заклепками с изнанки матерчатого покрытия, так что с внешней стороны видны лишь аккуратные группы шляпок, составляющие ряды.

Единственный экземпляр был найден В. Радловым в могильнике на берегу р. Чердат (правый приток Чулыма)⁴⁰.

Пластины стандартных квадратной и прямоугольной (почти квадратной) форм. Размеры соответственно 80×80 и 80×100 мм. Поверхность пластин для жесткости гофрирована и представляет собой четыре вписанных друг в друга квадрата или, во втором случае, прямоугольника, образованных поперечными и продольными волнами. В центральной гладкой части, несколько ближе к одной из сторон, компактно расположены крестом пять заклепок (рис. 8, I). Сохранилась красная шерстяная основа.

В пользу же отнесения данного доспеха к вышеназванному типу свидетельствуют следующие признаки: скрепляющей основой служит мягкая тонкая шерстяная ткань, с одной стороны, допускающая большую взаимную подвижность армированных деталей, с другой — неспособная удерживать их в плотной слитной массе с необходимой плотностью сочленения при наружном расположении. Расположение крепежных точек в центральной части, несмотря на их многочисленность, в этом случае также не способствует более или менее надежной взаимной фиксации. Пластины скреплены с материей таким образом, что, будучи положенными на ровную горизонтальную поверхность, они располагаются относительно друг друга практически встык. Учитывая же округлые обводы человеческого тела при наружном их расположении, они, находясь как бы на внешней стороне дуги, неизбежно должны расползаться, образуя ощутимые зазоры. И действительно, в подвижном состоянии под действием собственной тяжести составляющие доспеха отвисают в разные стороны, образуя неровное, бугристое покрытие с глубокими щелями. Практическая ценность таких лат близка к нулю.

Однако, если панцирь вывернуть пластинами внутрь, последние, будучи прижатыми к телу, надежно закрепляются с одной стороны его поверхностью, с другой — покровной тканью. В этом случае пластины, плавно выгибаясь в соответствии с формой корпуса и находясь уже с обратной (внутренней) стороны дуги, слегка наезжают сторонами друг на друга и образуют подобие черепичного перекрытия. При этом сохраняется большая гибкость армирования, а мягкая ткань надежно скрывает от глаз противника все сочленения, а следовательно, и слабые звенья лат. Характер отделки шляпок, самих пластин, расположение крепежных пряжек и, наконец, осевое сечение составляющих служат дополнительными признаками, которые позволяют определять панцирь как бригадину.

Вероятнее всего, данный доспех представлял род глухого жилета, который застегивался на боку и, возможно, на плечах. Его внешняя матерчатая поверхность была красиво декорирована рядами симметрических крестиков из клепок-бляшек.

Защитная одежда с внутренним расположением металлического покрытия была широко распространена в Сибири, европейской части страны и на Востоке в первой половине II тыс. Его широко использовали тунгусо- и монголоязычное население Маньчжурии и Монголии, народы Алтая, Кореи и Китая⁴¹. Применялся он и русскими воинами; в Западной Европе явился предшественником готических лат⁴². Ближайшие аналоги чердатскому экземпляру находятся в Минусе и Туве⁴³. Наиболее ранние образцы панциря такого рода, известные в Восточной Азии, относятся к самому концу VIII — началу IX в.⁴⁴ Анализируемый экземпляр по сопутствующему материалу и монетам можно отнести к первой половине XVII в.

Тил 5. Кипрасовидные, 4 экз. Размеры сохранившегося целиком экземпляра: длина 40 см, ширина основания 18 см, вершина 27 см, толщина 0,7 см. Остальные представляют собой фрагменты, их размеры соответственно 22×24,5×19 см, толщина 0,7 и 22,5×21×14 см, толщина 0,8 см. От четвертого остался небольшой фрагмент шириной 18 см, толщиной 0,7 см⁴⁵.

Обнаружены в Мангазее. Представляют собой массивные трапециевидные пластины из рога лося (рис. 8, 2). Изделия выгнуты наружу, два

из них имеют невысокие, четко смоделированные продольные ребра.

Судя по размерам пластин, они должны были прикрывать грудь воина, наглухо закрывая корпус до пояса. Не исключено, что некоторые аналогичные пластины, особенно без ребра жесткости, могли защищать спину.

Появление кирасовидного доспеха в Западной Сибири, очевидно, относится к скифскому времени. Самыми ранними панцирями такого рода, видимо, следует считать крупные пластины, относящиеся к усть-полуйской и кулайской культурам раннего железного века, с выполненными в технике граффити воинственными фигурами со знаками с обеих сторон⁴⁶. Иные аналоги доспеху данного типа среди сибирских материалов пока не известны. Но очевидно, кирасовидная защитная одежда продолжала существовать и в период средневековья. Об этом свидетельствуют мангазейские находки и данные фольклора. Так, в одном из героических преданий, записанных на Чулыме, говорится о «цельнореберном» шумиловском богатыре, которого нельзя было убить, поскольку у него были сплошные ребра, которые слились в один монолитный щит, закрывавший ему грудь*. Представляется, что здесь в иносказательной форме речь идет о кирасовидном доспехе.

Тип 6. Доспех из рыбьего клея. Подлинные изделия в силу исходного материала не сохранились. Упоминания об этом виде панцирной защиты имеются в фольклорном материале и устной традиции. Согласно им, такая одежда закрывала тело по горло и руки до локтей. Она способна была защитить от стрел: последние от нее отскакивали⁴⁷.

Учитывая покрой верхней одежды⁴⁸, сомнительно, что это было обычное мужское платье, пропитанное клеем, тем более что его боевые качества вряд ли будут высоки, даже если его удастся надеть. Допуская мысль о монолитном покрытии, следует признать необходимость в таком случае членения доспеха на отдельно надеваемые элементы (по принципу рыцарского доспеха). Но такое предположение не кажется убедительным.

Обращаясь к неметаллическому доспеху (сделанному из органических материалов) на сопредельных территориях, можно заметить одну, на наш взгляд, важную особенность: все эти панцири копируют металлические образцы, созданы по принципу единой с ними монтажной схемы. Так, в одном из талетынских склепов на Уйбате найдена панцирная пластинка из папье-маше, покрытая красным лаком. Она трапециевидной формы с отверстием в верхней части и, по мнению С. В. Киселева, аналогична лаковым пластинкам позднейших китайских и японских панцирей⁴⁹. В районах Центральной и Восточной Азии найдено несколько деталей панцирей. Они представляют собой пропитанные и покрытые лаком пластинки кожи, которые по форме в точности соответствуют составляющим металлическим пластинчатым и ламелярным лат. Следует отметить полное совпадение комбинаций крепежных отверстий. Остатки же аналогичного защитного покрытия, найденные в Тибете, сочленены между собой ременной вязкой⁵⁰. Некоторые из таких пластин состоят из двух-трех слоев кожи, тщательно склеенных между собой и покрытых толстым слоем лака⁵¹. Слои, как правило цветного покрытия, хорошо скрывал исходную структуру. Впрочем, такое покрытие было далеко не обязательно. Подоб-

* Предание рассказано П. А. Макеевым и записано В. А. Дремовым на Чулыме в 1970 г.— Архив МАЭС ТГУ.

ное панцирное вооружение у монгол из кожи, залитой смолой, подробно описано Плано Карпини⁵².

Система сочленения ламелярного и чешуйчатого панцирей, как известно, предполагает частичное взаимоперекрывание пластин, в результате чего образуется многослойная защита. Учитывая, что сами составляющие могли изготавливаться из нескольких слоев, толщина защитного покрытия в жизненно важных местах способна была достигать значительной толщины и быть вполне надежной. При этом такой панцирь был много легче железного и, вероятно, подвижнее. Простота изготовления и доступность материала способствовали широкому распространению такого доспеха среди рядовых воинов.

Общие моменты в развитии средств ведения боя в Евразии в эпоху средневековья и ранее отмеченные аналоги в системе защитного вооружения народов лесной полосы Западной Сибири и сопредельных территорий позволяют предполагать, что фольклорный панцирь из рыбьего клея аборигенного населения в эпоху средневековья был идентичен вышеописанным кожаным ламелярным или чешуйчатым латам. Только вместо лака и смолы пластинки пропитывали самым распространенным и доступным сырьем — рыбьим клеем. Воины, облаченные в такой панцирь, как сказано в одном из селькупских преданий, выглядели так, как будто «все тело у них твердым и блестящим, вроде ногтей, было покрыто»⁵³.

Тип 7. Кольчуга, 10 экз. По свидетельству С. К. Патканова, кольчуга пользовалась прежде огромным почетом и связывалась с неуязвимостью богатырей. Ее называли «одеждой, спасающей душу», «внушающим страх одеянием из полотна многих земель», «звонящая кольчуга из блестящих колец», «кольчуга с сотней торчащих рожков», «удлиняющая жизнь». От звона кольчуги звери в лесу со страху ревут⁵⁴. Не меньшее воздействие она оказывает и на психику врага. Выбатываются даже специальные приемы психологического давления на неприятеля, связанные с имитацией кольчужного (видимо, и защитного вообще) вооружения⁵⁵.

Однако подлинных кольчуг среди находок, особенно в комплексах, очень немного. Их фрагментарность не позволяет реконструировать покрой кольчуги, затрудняет вычленение конструктивных особенностей и технологических традиций, датировку. Самой ранней является кольчуга VI—VIII вв. из Релкинского могильника. А. А. Чпндиной справедливо отмечено ее отличие от древнерусских и близость к кругу кочевнических изделий⁵⁶. Две кольчуги X—XIII вв., датируемые по сопутствующим находкам, обнаружены на городище кинтусовского этапа Тан-Воруп-Эква и в землянке на мысу Хаансале на Ямале⁵⁷. Другие кольчуги происходят из сборов на р. Таз, в Тобольской губ., Нарыме, Шутовской культовой коллекции (устье р. Амелич — левый приток р. Парабель)⁵⁸.

Самой поздней в этой серии является кольчуга, обнаруженная в Нарыме, из Колпашевского краеведческого музея⁵⁹. Ее особенность: широкие расклепанные кольца, украшенные концентрическими кругами (рис. 9), что примерно в 1,5—2 раза расширяло железное поле без существенного увеличения веса. Такая конструкция в Восточной Европе стала распространяться в XIII в. Для прочности на лицевой стороне таких колец отбивали две радиальные бороздки. В позднем средневековье их стали наносить с обеих сторон⁶⁰. Сам же доспех стал называться «байдана». Анализируемый доспех является примером такого байданы, очевид-

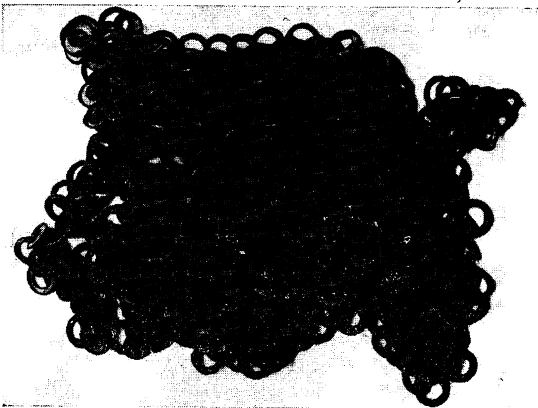

Рис. 9. Фрагмент байданы из Нарыма.

но, русского происхождения, который попал в Сибирь не ранее середины II тыс.

До наших дней дошло немало кольчуг. Они были предметами культа и сохранялись в культовых местах. Это засвидетельствовано в 1715 г. Г. Новицким, в 30-е гг. нашего столетия зафиксировано Е. Д. Прокофьевой на Тыму. Об использовании кольчуги во время камлания в Васюганье писала Г. И. Пелих⁶¹. Поэтому вряд ли ошибочным будет утверждение, что в эпоху средневековья кольчуга в лесной полосе Западной Сибири была распространенной и вполне обычной защитной одеждой. Этот вид доспеха известен здесь с VI—VIII вв., широко начинает использоваться во II тыс., потеснив наборные латы, которые в конце I — начале II тыс. были основной формой защитного вооружения.

Шлемы. Известно три средневековых находки. Они обнаружены в Релкинском могильнике, у с. Старица (левобережье р. Парабель); известны по Шутовской культовой коллекции⁶².

Релкинский шлем широкой сферокопической формы, склепан из восьми пластин, имеет наверху с плюмажной втулкой. У основания шлема — бронзовый обруч с декоративными выпуклостями. По низу сделан ряд отверстий для бармицы. На нижнем обресе видны остатки наносника. Размеры шлема 170×145 мм (табл. XIV, 2). По кругу аналогов из Передней Азии и кочевого мира степных районов страны Л. А. Чиндиной данное изделие надежно датировано VIII—X вв.

Старицкий шлем, обнаруженный в обвале берега, имеет вытянутую сферокопическую форму. Наверху обломано. Тулья укреплена изнутри

широким металлическим кольцом. По внешней стороне у основания на расстоянии 2 см от кромки она образует уступ, в котором помещено второе железное кольцо, скрепленное с тульей заклепками. Их круглые шляпки образуют ровный ряд выпуклостей, равномерно опоясывающий шлем. Под каждую заклепку пропущена свисающая вниз железная пластинка, свободный край которой, заворачиваясь в трубочку, удерживает остатки кольчужных колец бармицы. Размеры изделия 21,8×22 см (табл. XIV, 1).

Декоративное оформление основания старичьего шлема сближает его с релкинским. Однако конструкция тульи и сам характер выпуклин различны. Несомненно, он более поздний. По кольчужной бармице он может быть датирован не позднее XIV в., когда вместо нее на сфероконических шлемах появляются металлические науши⁶³. Не противоречит этой дате и найденная вместе со шлемом слабоизогнутая в верхней трети сабля с прямым перекрестием.

Самыми ранними в серии боевых наголовий с территории лесной полосы Западной Сибири являются два конических шлема из Истяцкого клада, датированные В. Н. Черенцовым концом I тыс. до н. э.⁶⁴ Шлемы, вероятно, были достаточно широко распространены на этой территории. Об этом можно судить по данным фольклора, в частности по именам богатырей, например «Семирядный медный шлем»⁶⁵.

Легендарные богатыри-предки «с каменной кожей», «с железной кожей», иногда называемые «иланы», или «йаланы» (железные богатыри), отличались, по преданиям, остроголовостью. По этнографическим материалам хорошо известны деревянные изображения таких духов-предков, головы которых, начиная со лба, затесывались в виде конусовидного острия. С точки зрения Г. И. Пелих, это отражало традицию искусственной деформации черепа⁶⁶, что, однако, не имеет пока надежных археологических подтверждений⁶⁷. Во всяком случае, на сегодняшний день данное явление вряд ли можно считать столь распространенным, чтобы оно могло канонизироваться в культовой сфере. Однако «остроголовость» можно трактовать как островерхий головной убор. Обычай надевать такой головной убор на изображение идолов зафиксирован Л. Шульцем у салымских остяков (хантов)⁶⁸. Г. Ф. Миллер, описывая белогорского идола, отметил надетую на него шапку⁶⁹. Этот список можно было бы продолжать достаточно долго, тем более что эта традиция дошла до этнографической современности. Известна и традиция облачения деревянных изображений богатырей-предков в боевую одежду. В этой связи особый смысл приобретает головной убор, который должен в определенной мере соответствовать убранству фигуры. В фондах МИКНС ИИФиФ СО АН СССР в культовых коллекциях, собранных И. Н. Гемуевым, имеется представительная серия таких наголовий. Особый интерес представляет их покроя. Уборы соответствуют форме голов идолов, которые далеко не все были приостренными. Такие фигуры (круглоголовые) рассматривались как изображения духов-помощников, главного божества культового места⁷⁰. Покрой шапок последних напоминает конструкцию боевого шлема, в частности релкинского. Следует отметить, что технология изготовления этого вооружения из отдельных пластин была достаточно распространена⁷¹. Лица идолов часто покрывались металлом⁷², своего рода маской. Вероятно, эту же функцию зачастую выполняли хорошо известные по археологическим материалам бронзовые личины. Поэтому верхнюю часть

изображения можно трактовать как головной убор, точнее, боевой шлем ⁷³.

Такие его детали, как сферокопническая форма, выраженное навершие (плюмажная втулка), налобные накладки, боевая полумаска позволяют, на наш взгляд, интерпретировать их как боевые наголовья. Это обстоятельство позволяет, хотя бы схематично, проследить общую эволюцию шлемов, взяв за точку отсчета истяцкие находки. Аналогичные черты (правильная коническая форма, монтаж из кольцевых составляющих, длинный наносник) имеет шлем парабельской личины (табл. XIV, 2). Личина с Леушинского городища II—III вв. (табл. XV, 3) демонстрирует несколько иной характер конструкции шлема: вытянутый сферокопнический с выделенной плюмажной втулкой, склепанный из радиально сходящихся пластин. Стороны боковых пластин леушинского наголовья, украшенные фигурными полукруглыми вырезами, внахлест заходят на лобную часть, придавая ей характерный декоративный вид. Нижний обрез лобной пластины переходит в средней части в прямой наносник. Шлемы такой конструкции были широко распространены в период раннего средневековья и, судя по верхнеаксеновской личине, существовали до конца I тыс. Характер конструкции и декоративного оформления находит свои реальные аналоги в материалах сопредельных территорий VIII—XII вв. ⁷⁴

Примерно в это же время появляется налобная накладка (бляха). Она рельефно выделена на бронзовой фигурке из Карыма (табл. XV, 4). На этом изображении представлен несколько иной, более приземистый тип шлема, близкий к хорошо известному релкинскому образцу. В последующее время, в середине и второй половине I тыс., шлем такого типа становится господствующим. К концу I тыс. шлем приобретает характерные крутобокие куполовидные очертания, отражающие процесс усиления защитных свойств. Очевидно, в это же время — конец I — начало II тыс. — на боевых оголовьях близ наносника появляются полукруглые вырезы для глаз (верхнеаксеновская личина), которые в скором времени замыкаются снизу в полумаску. Примером такой конструкции являются личины из Кинтусовского могильника и Абрамова (табл. XV, 6, 8). Особенно показательна кинтусовская личина (X—XIII вв.). Изображенному здесь шлему нетрудно подобрать реальный прототип, в частности из восточноевропейских образцов ⁷⁵.

В общих чертах наблюдаемые изменения защитного наголовья в данной зоне совпадают с процессами, имевшими место на сопредельных территориях ⁷⁶. Конические племена можно узнать и на так называемых воинственных, «танцующих» фигурах с оружием, процарапанных на серебряных блюдах. Результаты даже беглого анализа личин и имеющихся реалий позволяют говорить о раннем знакомстве западносибирского населения с коническими, а позднее и сферокопническими шлемами и достаточно широком распространении здесь в последующем этого защитного вооружения. Хотя такой тип боевого наголовья и был доминирующим, однако вряд ли он оставался единственным. Изобразительный материал дает единичные и пока что достаточно условные указания на шлем с круглой куполообразной тульей, наносником и полумаской. Судя по последней детали, изображения относятся к позднему кругу, не ранее конца I тыс. В Западной Сибири таких изделий не обнаружено. Однако они известны в Нижнем Прикамье ⁷⁷ (правда, без полумаски и более ранние —

V в.), откуда, учитывая устойчивые культурные связи, могли попасть и в исследуемый регион.

Особое место в ряду «воинственных» изображений занимают фигуры с саблями в руках и головным убором в виде трехлучевой короны. В литературе они устойчиво связываются с шаманской атрибутикой⁷⁸. Стилистические же особенности передачи шаманских корон в виде треугольников объясняются заимствованием художественных приемов у среднеазиатских народов, проникших в Приобье через кимако-кипчацкие объединения⁷⁹. Тюркские традиции просматриваются и в особенностях передачи лица на бронзовых личинах, в частности линии бровей⁸⁰. Добавим, что центральноазиатский доспех оказал сильное влияние на защитное вооружение лесных племен Западной Сибири. В свете этого вполне оправданным представляется сопоставление «трехрогих» головных уборов Приобья со шлемами сражающихся воинов на согдийском по происхождению блюде из Кулыгаш (VII—VIII вв.)⁸¹. Многообразие изображенного здесь оружия, позы воинов, выделенные нащечники не оставляют сомнения в боевом назначении шлемов, дополняющих комплекс защитного вооружения. С точки зрения целесообразности такого убора как средства защиты последний вряд ли можно признать рациональным. Скорее всего, он означал ранг сражающихся. В этом аспекте несомненный интерес представляет сравнение данного убора с изображенным на тюрко-согдийской монете VIII в. Последний представляет собой аналогичный шлем с нащечниками⁸².

Обратимся к материалам Приобья. Из обширной серии «танцующих» изображений в «трехрогих» головных уборах особое внимание привлекает литее, по всей видимости с Шайтанского Мыса (рис. 7, 2). По мнению А. А. Гейкеля, А. А. Спицына⁸³, опубликовавших эту вещь, она была привозной, но В. Н. Чернецов убедительно доказал, что она местного происхождения⁸⁴. Им же подмечена важная деталь наголовья, которую исследователь трактовал как надглазья на шлеме. Однако вопрос о «надглазьях» требует уточнения: тщательное рассмотрение бляхи позволяет заметить, что нижняя часть шлема передана резко отчеркнутой линией, которая затем переходит в прямоугольный наносник. Таким образом, надглазья, по сути дела, превращаются в глазные вырезы в полумаске. Шлемы же в этом случае изображены в боевом положении, надвинуты на лицо. Отметим, что такая важная деталь, как полумаска, была характерна именно для боевого наголовья. Очевидно, «трехрогие» головные уборы следует рассматривать не только как шаманские короны, но и, возможно, как военные шлемы. Однако вряд ли они были обычным воинским атрибутом. Ведь в военной сфере каждая инновация проходит строжайший отбор всего наиболее рационального. А по защитным свойствам «трехрогий» шлем едва ли сопоставим со сфероконическим. Кто же мог носить такое облачение?

По этому поводу можно высказать следующие соображения. В. Н. Чернецов интерпретировал фигуры на бляхе как изображения мзвивов-духов-предков фратрии Пор⁸⁵. В фольклоре духи-предки, родоначальники выступают как богатыри. На Салыме у хантов зафиксирован любопытный факт: далекий потомкам продолжали мстить за мифические подвиги предка-богатыря⁸⁶. Такие родоначальники, как и былинные князья и богатыри, выступают в эпических сказаниях как военные предводители

лиц. Организаторами походов и военными предводителями зачастую становились шаманы, которые часто боролись не только с помощью своей мистической силы, но и земными средствами с реальным врагом⁸⁷. В селькупском фольклоре сохранились предания о шамане как вожде и организаторе вооруженной борьбы. Такую же роль выполняли шаманы и у других сибирских народов⁸⁸. Селькупское же предание интересно тем, что здесь обращается внимание на внешний вид шамана в такой обстановке — «с рогами человек». На ранних этапах человеческого развития функции вождя, военного предводителя и служителя культа часто выполнял один человек⁸⁹. Во всех военных формированиях древности предводитель имел особые знаки отличия; на поле битвы он должен был хорошо различим своими воинами. Одним из самых существенных знаков был головной убор, который существенно (хотя бы внешним оформлением) отличался от облачения простых воинов⁹⁰. Последние могли защищать голову простыми, плетеными из подручных средств (прутья и т. д.) покрытиями. Так, в одном из вогульских преданий говорится о травяной шапке, которая дополняла комплект защитного вооружения⁹¹. Плетенные же из органических материалов доспехи, дошедшие до этнографической современности, хорошо известны, в частности на Востоке⁹². Вышесказанное позволяет предполагать, что «трехрогие» племена в Западной Сибири могли быть принадлежностью военных предводителей, чтобы выделить в сложной боевой обстановке ранг последних. По атрибутивному характеру в общих чертах они, очевидно, были близки к вышеупомянутым изделиям из Кулыгаша (наголовьям сасанидских владык). С известной долей условности «трехрогим» можно признать головной убор иссыкского вождя⁹³.

Период бытования изображений людей в «трехрогих» головных уборах с саблями в руках довольно узок, и он не выходит, по всей видимости, за рубеж IX—X вв.⁹⁴ и совпадает в целом со временем создания произведений тюркского искусства («трехрогие» короны) и распространения влияния тюркоязычного населения на жителей лесной зоны⁹⁵.

Очевидно, синхронно этому поднялась одна из волн военизации таежного населения, когда, по образному выражению Л. А. Чиндиной, «приходилось больше защищаться от своего агрессивного соседа, чем торговать»⁹⁶, когда оформляются воинские культы и «танцы с оружием». В последующее время в связи с постепенными ослаблением военной напряженности, замедлением процесса консолидации и парцелляризацией общества поступление оружия в таежную зону ограничивается. Редким становится клинковое оружие, а вместе с ним и шлем. Защитное вооружение и сфероконическое наголовье имеют только немногие «богатыри» — военные предводители. И именно оно становится отличительной чертой последних.

Щиты. Сами щиты или какие-либо их детали в материалах средневековых памятников лесной полосы Западной Сибири не обнаружены. Этот тип боевого прикрытия не получил отражения и в иконографии. В эпических преданиях той далекой героической эпохи, при весьма подробном перечислении всего арсенала боевых средств, который практически весь находит археологические аналоги, щит как самостоятельная единица вооружения не фигурирует. Единственной защитой воина, по этим данным, был пластинчатый либо кольчатый доспех. Эффективность защиты в первую очередь зависела от высокой индивидуальной физической подготовки, боевой выучки, доведенной до автоматизма реакции, которые формирова-

лись в постоянных тренировках и повседневной производственной деятельности. В тех случаях, когда в условиях боевой обстановки можно предполагать применение щита, богатыри не используют его, очевидно по причине отсутствия последнего. Во всех преданиях настойчиво подчеркивается, что воины уворачиваются от стрел или отбивают их подручными предметами⁹⁷. Г. И. Пелих приводит описание методов, которые, согласно устной традиции, позволяли добиться этого⁹⁸.

Сама природная обстановка (обширные закрытые пространства, высокая залесенность) давала массу естественных укрытий, использование которых значительно снижало уязвимость личного состава и эффективность лучной стрельбы противника. В фольклоре сохранились сведения о том, что на первом этапе схватки сражающиеся становились за деревья⁹⁹; отдельные, не совсем ясные отрывочные его сведения позволяют предположить, что в качестве щитов как коллективные средства защиты могли служить долбленные лодки. Такое использование этих транспортных средств известно в военной практике племен, стоявших примерно на одной ступени общественного развития, что и таежное население Западной Сибири в рассматриваемый период. В частности, у индейцев, проживавших в лесах Северной Америки, лодки служили не только щитами, но и лестницами при штурме укреплений¹⁰⁰.

Очевидно, как элемент защитного вооружения щит не характерен для средств ведения вооруженной борьбы на рассматриваемой территории на всем протяжении средневековья.

Глава IV

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

В основе типологии материала лежат функциональные особенности, вычленимые на основании кинематики удара¹. Все оружие, которое позволяет в нормальном случае (из расчета прямого перпендикулярного удара) проводить одноактно обе его фазы (расчленение, извлечение), мы относим к саблям. Основной критерий — кривизна полосы. Наклон стержня рукояти — индикатор внутригруппового деления. Особенности острия с учетом величины кривизны, наличия или отсутствия елмани служат выделению типов.

Однолезвийное оружие с прямой полосой рассматривается как палаши. Наклон рукояти в данном случае, как и в предыдущем, принципиально не меняет механизма удара, служит для выделения групповых различий. Форма острия — основа дальнейшего деления.

К мечам относятся все остальные виды обоюдоострого двухлезвийного оружия, внутреннее типологическое членение которого уже детально разработано в литературе².

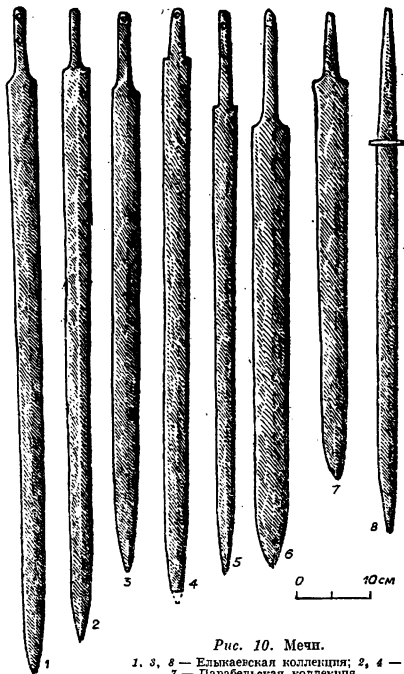

Рис. 10. Мечи.

1, 3, 8 — Елькаевская коллекция; 2, 4 —
7 — Парабельская коллекция.

МЕЧИ, 10 экз. (рис. 10). Размеры: 65—89, 75×3,5—4,5 см. Сечение варьирует от линзовидного к ромбовидному. Рабочая часть образована двумя параллельными сторонами, плавно переходящими в острие в последней трети длины. Конструкция несущей части позволяет разбить материал на два типа 1. С плечиками (рис. 10, 1—7); 2. Без плечиков (рис. 10, 8).

Известны по материалам Парабельской, Елькаевской коллекций, погребений близ с. Вахтовое Верхнекетского р-на Томской обл.³

В двух случаях сохранилось прямое перекрестие, сваренное из двух пластин и напущенное на место перехода рукояти в лезвие. По материалам сопредельных территорий, мечи с параллельными сторонами были распространены во второй половине I тыс. Более поздние образцы, в тех местах, где оружие этой разновидности не

было вытеснено саблями, характеризуются вытянуто-треугольной формой клинка с прямыми, сходящимися к острию сторонами⁴. В V—VIII вв. подобное оружие широко бытовало в Евразии⁵. Аналогичные мечи обнаружены на памятниках этого времени как в весьма отдаленных от лесной полосы Западной Сибири районах, так и в относительно близких, с населением которых жителей связывали исторически сложившиеся контакты. Оружие подобных форм известно в Кисловодской котловине, у салтовских племен, в Прикамье, Верхнем Прюбье⁶.

Оружие рассматриваемого типа в основе своей, вероятно, восходит к длинным мечам позднесарматского облика, с которыми они имеют большое типологическое сходство. Особенно показателен в этом смысле меч из Верхнекетского р-на⁷. Он близок по параметрам к сарматским мечам с

кольцевым навершием *, но отличается по конструкции. Если в сарматское время кольца-навершия изготовляли из отдельного железного прута, а затем приваривали к рукояти ⁸, то в средневековые прут, из которого формировали кольцо, сам являлся продолжением плоского рукоятчного стержня. В процессе обработки ему придавали округлую в сечении форму, после чего прут сгибали на вкладыше в кольцо. Конец его не сваривали в месте смычки, и кольцо оставалось, таким образом, как бы несомкнутым (петлевидным). В некоторых случаях навершия изготовляли по такой же схеме из железной пластинки и затем приклепывали штифтом к черешку рукояти. Сохранение архаичных элементов, выполненных, однако, на новом уровне, очевидно, было обусловлено определенной консервативностью носителей лесных культур. Она, в частности, проявилась, по справедливому замечанию В. А. Могильникова, в «наличии отдельных реликтовых частей когда-то широко бытовавших форм на оружии новых типов, которое по степени совершенства находилось на одном уровне с южными соседями»⁹.

В памятниках кочевого мира петлевидные навершия встречаются достаточно редко. Я. А. Шер, отмечая изображения подобного оружия на каменных изваяниях, указал на единственную находку сабли с аналогичным навершием в составе Перещелинского клада и подчеркнул типичность данной формы для аварских древностей ¹⁰. К этому списку можно добавить найденный В. В. Радловым в Берели палаш ¹¹. Дата всех этих изделий не выходит за пределы VII в. Это время в лесной полосе Западной Сибири ознаменовано появлением новых форм клинковидного оружия (палаша, сабли) и постепенным отказом от старых, которые, однако, полностью не утратили значения. При сохранении некоторых архаичных черт (приклеивание кольцевых наверший на палашах) традиции оформления оконечности рукояти в виде кольца (петли) угасают. Так, на большей части клинковидного оружия (мечи, палаша и сабли) этот элемент отсутствует. Учитывая вышесказанное, рассматриваемую группу мечей можно датировать VI—VIII вв., может быть, IX в.

ПАЛАШИ, 51 экз. Известны по материалам Елыкаевской, Парабельской, Ипимской, Холмогорской коллекций, могильников Релка, Еловский, Ямки, Березовый Остров у д. Черныльщиново ¹².

Сечение удлиненно-треугольной формы. Спинка прямая. По форме острия разделяются на виды: I. С односторонне скошенным, тупым острием (рис. 11, 12); II. С односторонне изогнутым (рис. 13, 7, 9; 14, I, 2, 6); III. Симметричным (рис. 13, 5); IV. Симметричным обоюдоострым (рис. 14, 8); V. Тупоугольным (рис. 15, I); VI. С елманью (рис. 15, 2).

Сознавая определенную условность подобного деления, отметим, что палаша с острием вида II, будучи близки к оружию вида I, могут рассматриваться как его варианты, а клинки вида IV можно считать разно-

* Эта деталь как традиционный элемент характерна и для оружия других групп (палаша), уже не связанных с сарматским миром. Поскольку подавляющая часть анализируемого оружия происходит из так называемых кладов, близких между собой по основным вещевым компонентам и отражающих, на наш взгляд, некоторое единие в своей основе явление социально-экономического порядка, представляется уместным отметить в составе этих комплексов наряду с прочими вещами скифского времени типичные сарматские книжалы с кольцевым навершием.

Рис. 11. Корреляция классификационных элементов палашей.

тип \ вид	I	II	III	IV	V	VI
1						
2						
3						
4						
5						

видностью вида III. Основой же для столь дробного членения послужили черты, отражающие постепенное акцентирование колющего удара. Каждое последующее подразделение — очередная ступень в развитии колющих свойств оружия. Последнее обстоятельство, очевидно, взаимосвязано с усилением индивидуального бронирования противника: легче было проколоть панцирь, нежели разрубить его¹³. Хронологически наибольшее разнообразие палашей приходится на вторую половину I тыс., когда защитное вооружение

было наиболее широко представлено количественно и типологически.

По характеру рукояти выделяются типы (рис. 11): 1. С прямоугольной рукоятью, равной ширине лезвия, без плечиков и сужения (рис. 14, 6, 7); 2. С симметрично треугольной рукоятью без заплечиков. Черенок в виде длинного равнобедренного треугольника, обе стороны которого плавно переходят в спинку и лезвие (рис. 12, 3; 14, 4); 3. С асимметрично-треугольной рукоятью с заплечиком (рис. 13, 1; 12, 4); 4. С прямой рукоятью и уступом от лезвия. Черенок в данном случае является как бы продолжением спинки (рис. 13, 5—9); 5. С прямой рукоятью и двумя заплечиками. Стержень расположен по осевой клинка и отделен с обеих сторон уступами (заплечиками). Характер рукояточной части идентичен мечу (рис. 13, 2; 14, 8, 9).

Наибольшим типологическим разнообразием отличаются палашы вида I с односторонне скошенным острием. Это, вероятно, обусловлено преимущественно рубящей функцией данного вида и поисками оптимальной формы. Не случайно поэтому представлены практически все возможные конструктивные комбинации несущей части. Более стабильным и выработанным характером отличается оружие видов III и IV, рассчитанное и на укол. Среди него встречаются только типы 5 и отчасти 3.

Все имеющиеся перекрестия прямые по конструкциям и аналогичны мечевым. Различие в осевом сечении, оно обусловлено морфологией оружия.

Некоторые палашы, как отмечалось, снабжены кольцевыми (петлевыми) навершиями. Особенность палашей определяется тем, что окончание прута (петли) примыкает к рукояти всегда со стороны лезвия. Это правило соблюдается и в том случае, если навершие было изготовлено отдельно. Как вариант кольцевых могут рассматриваться скобообразные навершия, отличающиеся от первых прямым срезом и уплощенностью ос-

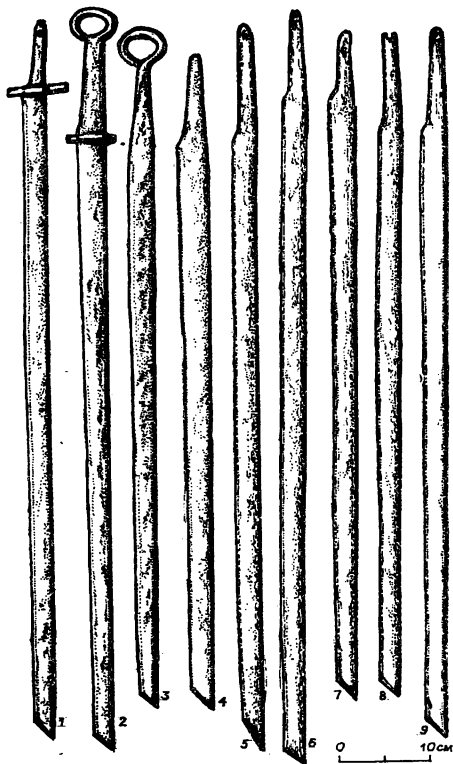

Рис. 12. Палаша. Елыкавская коллекция.

нования (рис. 14, 9). Их делали по аналогичной схеме: вместе с рукояточным стержнем и отдельно, с последующим монтажом. Факт находки оружия с навершиями таких форм в рамках единых комплексов, пожалуй наиболее надежно датированных на сегодняшний день (могильники Релка, VI—VIII вв.), позволяет, на наш взгляд, подтвердить время бытова-

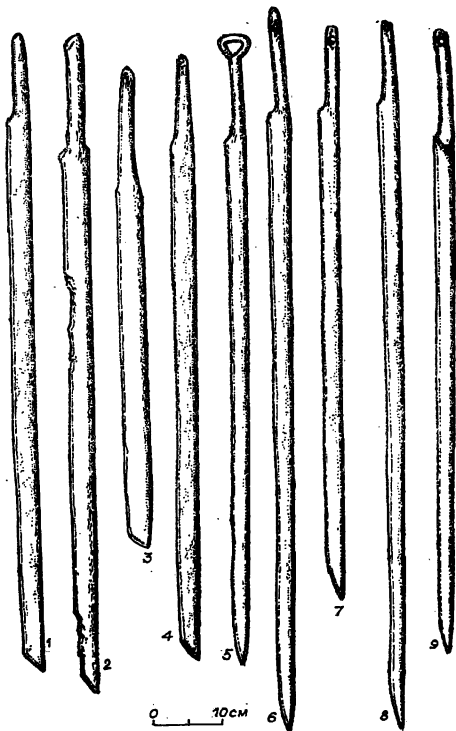

Рис. 13. Палашей.

1—4 — Ельскаевская коллекция; 5—9 — Парабельская коллекция.

ния основной массы оружия с петлей на рукояти и палашей с односторонне изогнутым, а также скошенным острием (виды I и II).

Одним из ранних палашей с кольцевым навершием является клинок, обнаруженный в уезде Шань-Ся в Китае, датированный концом династии Восточная Хань — рубеж II—III вв.¹⁴. Это оружие не характерно для этого времени данного региона и является скорее всего привозным. Оно

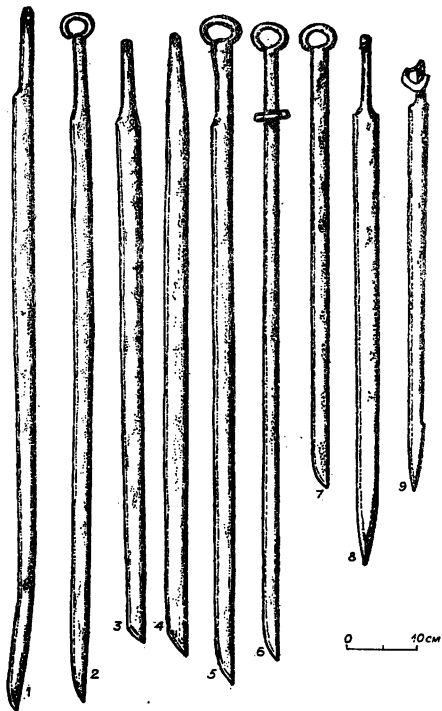

Рис. 14. Палаш.

1, 2, 5—7 — Паральская коллекция; 3, 4 — Ельмаевская коллекция; 8, 9 — Релка.

дает на сегодняшний день нижнюю дату появления подобных форм. Практически идентичные формы известны в раннем средневековье Японии¹⁵.

Аналогом является модель палаша из могильника Шурман-Тее в Туве¹⁶. Идентичным рассматриваемому оружию следует считать упоминавшийся клинок с кольцевым навершием и прямым перекрестием из Берел IV—V вв.¹⁷, а также оружие с несомкнутым кольцом из Кошибеев-

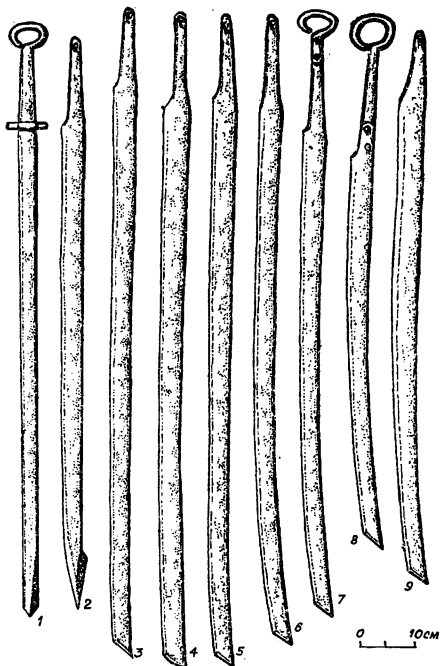

Рис. 15. Палаши и сабли. Елыкаевская коллекция.

ского могильника VI—VII вв. в Прикамье¹⁸. Многочисленные аналоги имеют палаши без навершия. Все они демонстрируют большую степень сходства (как по форме полосы, так и по характеру рукояточного стержня), отражающую, по всей видимости, общие моменты в развитии рубяще-колющего оружия. Аналогичные формы бытовали у населения Прикамья, Верхнего Приобья, племен верхнеобской культуры, а позднее — в VIII—X вв. — у носителей сроткинской культуры. Известны они и у енисейских кыргызов IX—X вв., чжурчжэней X—XI вв., японских воинов VIII—IX вв.¹⁹

Обобщая накопленный материал, представляется возможным наметить некоторые тенденции. Палаши видов I и II, очевидно, представляют

Рис. 16. Корреляция классификационных элементов сабель.

одну из ранних форм (по сути, каждый из них — симметричная половина меча). Появившись приблизительно в конце первой четверти I тыс., они продолжали существовать до его конца и, может быть, первых веков II тыс. Палаша вида II бытовали несколько дольше вида I. Верхней границей вида II можно считать, судя по материалам Еловского I могильника, XIII — XIV вв. В VI — VIII вв. активизируется формирование новых форм, идет поиск оптимальной конструкции рукояти и острия. Наиболее перспективным считалось оружие, допускающее возможность эффективного нанесения колющего удара, что было немаловажным в условиях закрытого лесного пространства (III и IV виды). Пятый вид (с тупоугольным острием) в силу конструктивного несовершенства дальнейшего развития не получил. Палаша видов III и IV, несмотря на малочисленность, становятся основной формой РКО и, постепенно деградируя, существуют вплоть до XVI — XVII вв. (могильники Черныльщиковский, Ямки). Скрепяваясь с боевыми ножами, они дают так называемые рубильные пожи — палма, длиной порядка 50 см — новый своеобразный вид наступательного оружия, известный в военной практике народов севера Западной Сибири.

В ходе активных контактов коренных народов таежной зоны с кочевым миром в конце I — начале II тыс. совершенствовались клинковое и прочее оружие, что стимулировало появление и распространение новых его образцов, в частности сабли.

САБЛИ, 20 экз. Известны по материалам Елыкаевской коллекции; могильников Басандайка, Релка, у с. Вахтовского на Кети, Туруновка, Садовка-2; случайных находок у с. Старица на р. Парабель; дореволюционных раскопок курганов на р. Томи в 7 верстах от Томска («Займка Савельева»), остяцкой могилы в Большебайгульской волости Томской губ., сборов в Васюганье²⁰.

Изделия по форме острия распадаются на виды (рис. 16): I. С односторонне скошенным острием (рис. 15, 6—9); II. С симметричным обоюдоострым острием (рис. 17, 6); III. С симметричным острием (рис. 17, 7, 8).

По конструкции рукояти выделяются типы: 1. С равнобедренно-треугольным черешком без запячечников (рис. 17, 5); 2. С прямым черенком с запячечником с обеих сторон (рис. 17, 4). Стержень является как бы геометрическим, продолжает ось лезвия; 3. С прямым слаботреугольным стержнем и запячечником от лезвия. Противоположная сторона плавно переходит в спинку или продолжает ее (рис. 15, 9); 4. С прямоугольно-треугольной

ВИД ТИП	I	II	III
	1	Штриховка \	
2	Штриховка \		Штриховка /
3	Штриховка \		
4	Штриховка \		
5		Штриховка /	Штриховка /
6		Штриховка \	

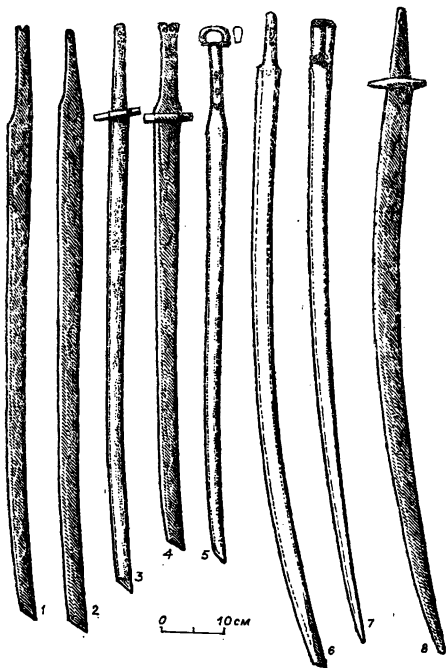

Рис. 17. Сабли.

1—3, 6 — Ельняевская коллекция; 4 — Старица; 5 — релка; 7 — Туруновка; 8 — Васюганье.

рукоятью, зашпечиком от лезвия (рис. 17, 2). Черенок этого типа имеет выраженный наклон к полосе; 5. С наклонным стержнем (рис. 17, 8). По сути данный тип является как бы развитием предыдущего; 6. Бесчеренковые со втульчатым принципом крепления рукояти (рис. 17, 7). Полоса в рукояточной части расклепывалась в виде двух трапеций с каждой из сторон оружия, которые затем петлеобразно загибались вокруг помещенной между ними рукояти, изготовленной из органического материала. Крепление последней, таким образом, осуществлялось на той же принципиаль-

ной основе, что и у железных втульчатых топорокельтов и кос VIII — первой половины IX в.²¹

Все немногочисленные перекрестия склепаны из двух пластин и по форме (если смотреть сбоку) разделяются на прямые, идентичные таковым у палашей, и ромбические.

Имеющиеся навершия, петлевидные и скобообразные, абсолютно аналогичны вышеописанному у палашей. В двух случаях они приклепаны к черешку.

Сабли вида I практически идентичны и различаются лишь по степени кривизны полос. По характеру рабочего окончавия, способу оформления рукояти и навершия чрезвычайно близки к палашам с односторонне скошенным острием. Представляется возможным рассматривать их как явления одного культурно-технического круга, генетически родственными между собой.

Сабли вида II — типичные клинки для кочевников, широко распространенные в их среде и имеющие аналогии среди изделий этого круга. Известны по находкам конца I — начала II тыс. в Минусе, на Алтае, в Верхнем Приобье, Восточном Казахстане, на Южном Урале, Северном Кавказе, в восточноевропейских степях, Прикамье²².

Появление и дальнейшее совершенствование сабель тесно связано с развитием легкой кавалерии, применявшей тактику рассыпного строя²³. Появившись в VII в. на юго-востоке страны, в частности в Южной Сибири и Средней Азии²⁴, прежде чем стать «общекочевническим элементом», сабля длительный период сосуществует с другими образцами клинкового оружия. Процесс выработки ее оптимальных форм, по справедливому замечанию Д. Г. Савинова, завершился не ранее X в.²⁵ За это время она получает значительное распространение и становится важнейшим видом оружия у самых различных племен, соприкасавшихся со степью²⁶.

В силу специфики природной обстановки и особенностей направления социально-экономического развития населения массивы западносибирской тайги вряд ли будет правомерно отнести к районам происхождения сабли. Однако знакомство с ней произошло здесь достаточно рано. Это оружие встречается среди материалов Релкинского могильника VI—VIII вв. О значительном распространении сабель в этот период позволяют говорить и многочисленные, типологически близкие клинки из Елькаевской коллекции. Дополнительным свидетельством широкого бытования изогнутых клинков на рубеже VIII—IX вв., а также в X в. могут служить уже упоминавшиеся палимпсесты «танцующих воинов» на серебряных блюдах. В каждой руке у танцующих — оружие с прямым перекрестьем, кривой полосой и наклонной рукоятью. И хотя в силу стилистических особенностей изображения трудно провести конкретную типологическую идентификацию оружия, тем не менее есть основания отождествлять его с саблями.

Западно-сибирские сабли ранних форм, как, впрочем, и сабли кочевников, имеют еще совсем незначительный изгиб в последней трети клинка. Острие односторонне скошено (вид I). Рукоять, как правило, не имеет выраженного наклона. Это оружие исключительно рубящее и, по сути, является видоизмененным палашом (виды I и II). Отличие этих образцов от кочевнических, которые могли выполнять колющую функцию, позволяет считать сабли вида I с односторонне скошенным острием результатом

творчества автохтонного населения, вызванного к жизни знакомством с комплексом средств вооруженной борьбы южных тюркоязычных народов, когда заимствованная идея воплощалась в привычную форму.

В конце I тыс. облик сабельной полосы начинает меняться. Клинок в последней трети приобретает плавное сужение. Наибольшее же расширение приходится на зону перекрестья. В результате изменения формы рабочего окончания оружие приобретает колющую функцию. Эти инновации, наметившиеся, судя по некоторым изображениям на блюдах, едва ли раньше рубежа IX—X вв., окончательно закрепляются в формах оружия II тыс. Таковыми являются сабли из Васюганья, Басандайского и Садовкинского могильников. Изделия с первых двух памятников одновременно и самые поздние в серии. Судя по характеру перекрестья и формы полосы, васюганский клинок может быть датирован XI—XIII вв., басандайский — XII—XIV вв. Распространившиеся в лесной зоне во II тыс. ромбические перекрестья характерны для огромных территорий Евразии от Южной Сибири до Венгрии. Появившись впервые еще в I тыс., в XI—XII вв. они становятся постоянным элементом²⁷.

В более поздних археологических памятниках лесного населения наличия сабли не зафиксировано, как и собственно клинкового рубяще-колющего оружия²⁸. Отчасти это можно объяснить его возрастающей ценностью, особенно если учесть сравнительную редкость находок рубяще-колющего оружия на сопредельных территориях и наличие намеренно деформированных клинков в погребениях предшествующего периода²⁹. Но все же, как представляется, основные причины таились в ином. Отмечаемые исследователями изменения в погребальной обрядности, находящие аналоги в тюркских памятниках, связываются с проникновением в лесную зону тюрков и внедрением их в среду местного населения³⁰. Этот далеко не мирный процесс в VII—VIII вв. нашел отражение как в распространении вещей тюркских форм, так и в общем комплексе вооружения. Сильное влияние проявляется в наконечниках стрел, защитном вооружении, клинковом рубяще-колющем оружии, имеющем аналоги в тюркском мире. В это время происходит знакомство лесного населения с саблями. С ростом могущества Тюркского каганата усиливается его влияние на племена северных районов. Приток сюда южан и, как следствие, тюркизация аборигенов особенно усиливаются в XIII в. в связи с походами татаро-монголов. Разумеется, речь идет не о прямом завоевании, а об общих изменениях этнической карты Сибири, опосредованных этими событиями. В частности, к этому времени относится разгром государства енисейских кыргызов, вызвавший отток части последних на северо-запад. Данное событие обусловило продвижение самодийцев по правобережью средней Оби на север и их столкновение с уграми³¹. О борьбе угров с самоедами говорится в угорском героическом фольклоре³².

Вооружение VII—XIII вв. характеризуется наибольшим типологическим разнообразием и количественной представительностью. Это время ознаменовано бурным строительством городищ. Его активизация в IX—XII вв. объясняется мощными миграционными процессами³³. В это же время происходит видовая смена сабли: она, по сути, становится копией южный образцов. В условиях увеличения плотности населения, расширения и интенсификации контактов усиливается процесс социальной консолидации, в результате формируются военно-потестарные структуры, до-

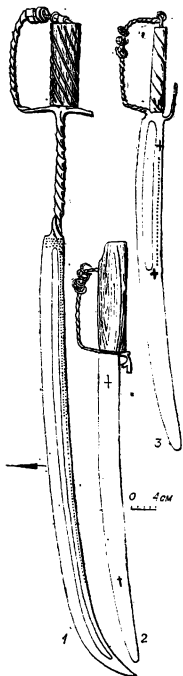
стигающие высших стадий родового строя, что сопровождалось общей военизацией быта и культовой сферы. На стадии военной демократии, которой в общих чертах соответствуют сложившиеся типы социальной консолидации³⁴, развивается культ богов войны, которыми нередко становятся племенные божества³⁵. Археологическим отражением этого, на наш взгляд, являются личины со шлемами на голове, блюда с изображениями воинов, а также «клады» с оружием (Парабельская, Елыкаевская, Ишимская, Холмогорская и др. коллекции), включающие военные атрибуты исполнявшихся обрядов, в том числе и «танцев с оружием», некогда широко распространенных в древних обществах.

В последующий период, который характеризуется резким ослаблением миграционных волн, если так можно выразиться — политической разрядкой, внедрявшиеся с юга группировки в новых условиях трансформировали свою производственную деятельность, сопровождавшуюся ростом удельного веса присваивающих форм, усвоением традиционного для региона хозяйства. Это неизбежно сопровождалось рассасыванием, децентрализацией населения, стабилизацией отношений с соседями, естественным ослаблением военного противостояния и более спокойным и плавным характером этногенеза. Контакты со степью, по-видимому, ослабли или стали более мирными. Археологическая карта региона отличается и незначительным количеством сравнительно небольших памятников. Данное обстоятельство еще требует объяснения, пока что его можно трактовать как следствие «парцелляризации» населения. В такой обстановке основное направление развития боевых средств определялось поисками универсальных форм, которые отвечали бы военным и хозяйственным нуждам. Требовалось создать комплекс вооружения для эффективного использования на охоте и в бою. Клинковое оружие с этой точки зрения не вызвало интереса: эффективность его использования в условиях закрытой местности была не столь высокой, кроме того, его производство отличалось сложностью и дороговизной. Не случайно в фольклоре отмечается наличие клинкового оружия лишь у отдельных князей и богатырей. Основным, наиболее распространенным универсальным рубяще-колющим оружием ближнего боя становится рубильный нож (пальма). Будучи насаженным на древко, он позволял наносить колющие и рубящие удары, заменяя одновременно и палаш (саблю), и копье. Он мог использоваться и на охоте. Основой для создания данной формы, как представляется, послужили палаша, боевые свойства которых допускали, в отличие от сабли, такую возможность. По сравнению с мечом они проще в производстве, при соответствующих изменениях позволяли полнее сконцентрировать массу на удар. К тому времени меч исчезает как оружие. На базе палашей в результате создания слегка выпуклого лезвия, уменьшения размеров до 40—50 см, увеличения массы появился рубильный нож, который сохранил ряд морфологических черт своего предшественника.

На этом тем не менее история сабли в западно-сибирской тайге не закончилась. Она пережила здесь, образно говоря, второе рождение. Это явление уже более позднего порядка и связано со знакомством с русскими образцами. Археологические источники в этом смысле не дают полноценной информации, но этнографические материалы наводят на определенные размышления. Речь идет о шаманских средствах ведения борьбы. Не разбирая здесь вопроса в целом, остановимся лишь на некоторых моментах.

Рис. 18. Шаманские сабли.

1 — селькупские (сборы И. Н. Гемуева); 2, 3 — эвенкийский (сабли А. Г. Ивигина).

Как известно, всякая религия является фантастическим отражением внешних сил, господствующих над людьми в повседневной жизни³⁶. Ранние же формы (в частности, шаманизм) характеризуются активной ролью субъекта, который путем выполнения ряда регламентированных действий может влиять на эти силы, противостоять им, бороться с ними и, одержав победу, принудить их исполнить свою волю³⁷. В свете этого шаманская атрибутика, отражающая борьбу с враждебными духами, а также сами способы сражения являются своего рода переосмысленной, несколько трансформированной совокупностью средств и приемов ведения реальных войн, в подоснове имеющих повседневную практику. Шаман как настоящий земной воин имеет средства и защиты, и нападения. В разделе о защитном вооружении уже говорилось об использовании его боевых форм (кольчуги) при камлании. Аналогичные сведения имеются и об оружии ближнего боя³⁸. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что состав их вооружения и соотношение в нем различных видов оружия отражали некогда существовавшую картину.

И. Идес, описывая в конце XVII в. шаманский костюм тунгусов Обь-Енисейского бассейна, называет такие военные средства, как топоры, ножи и сабли³⁹. Последним имеют реальные этнографические соответствия. В фондах Музея истории культуры народов Сибири ИИФпФ СО АН СССР хранится серия селькупских и эвенкийских шаманских сабель, собранная

И. Н. Гемуевым в районах лесного Приобья. Две сабли эвенкийского шамана А. Г. Ивигина находятся в Колпашевском краеведческом музее⁴⁰ (рис. 18, 2, 3). Все клинки снабжены витыми гардами с напизанными на них шумящими кольцами. На полосах колпашевских сабель выбиты кресты, на одной из них вдоль одностороннего дола просверлена цепочка отверстий (31 шт.), с обеих сторон она замкнута крестами. При всех различиях во внешнем оформлении обращает на себя внимание необыкновенное сходство оружия с русскими армейскими пашками.

Эти явно поздние изделия созданы под непосредственным влиянием русской военной техники. Трудно сказать, насколько подобные образцы были распространены в военной среде и как часто практиковалось их применение. Известны указы, запрещавшие русским служилым людям

продавать сырье и оружие коренным народам Сибири⁴¹. Однако уровень развития металлургии позволял местным кузнецам копировать, творчески переосмысливать сложные образцы боевых средств. Они, очевидно, оснащали ими в достаточной степени военные формирования. Ведь действительно, по меткому замечанию А. Н. Кирпичникова, «в создании своего военного потенциала народ проявляет такую граничащую с чудом находчивость, изобретательность и восприимчивость к чужим достижениям, которые в условиях древности кажутся просто неправдоподобными»⁴².

Для выяснения конструктивных особенностей таких деталей клинкового оружия, как рукоять и ножны, изготовленных из органических материалов и поэтому не дошедших до нас, вполне оправданным кажется обращение к ножам и культовым саблям. По сути, последние также являлись клинковым оружием малых форм, находясь в тесной, не всегда явно воспринимаемой связи со своими, если можно так выразиться, большими аналогами. В принципе здесь всегда можно найти своеобразные соответствия и мечу (кинжал), и палашу (прямообушной нож), и сабле (кривой нож со скошенным черенком). Аналогичны и принципы, лежащие в основе крепления рукояти.

По имеющимся материалам возможно предложить следующие реконструкции их типов: 1. С боковыми накладками. Применялся большей частью, если исходный рукояточный стержень снабжен несъемным навершием (рис. 19, 16); 2. Цельнодеревянные. Применялись в тех случаях, когда черенок был достаточно острым и тонким (рис. 19, 26). На торцовый конец могла насаживаться накладка. Иногда черенок проходил рукоять насквозь. В таких случаях он загибался с обратной стороны, чтобы предотвратить соскальзывание. Именно такой загиб можно видеть на палаше из Релкинского могильника (см. рис. 14, 8). Рукоять могла изготавливаться из вываренной бересты, которую называли послойно на черенок, наподобие косточек на счеты (рис. 19, 3). Через отверстие, расположенное на самом окончании стержня, пропускалась заклепка, жестко фиксировавшая всю конструкцию. Аналогично расположены крепежные отверстия на ряде клинков из Елыкаевской и Парабельской коллекций (см. рис. 14, 3, 4; 15, 2—6). Впрочем, такой способ едва ли был широко распространен. Несмотря на очевидные преимущества этой конструкции (легкая, не скользит в руке), по механической прочности она уступала вышеописанным.

Ножны делали преимущественно из древесины. Для этого выбирали дерево, соответствовавшее в целом размерам оружия, но по диаметру шире клинка. Существовало два способа изготовления ножен: первый — брусок раскалывали вдоль, выбирали сердцевину по форме клинка, далее склеивали половинки и отделявали; второй — выдалбливали в спинке заготовки глубокий треугольный паз под лезвие, потом его заклеивали в спинке тонким брусочком-клинышком. Готовые ножны иногда оклеивали кожей. Ножны дополнительно скрепляли парными скобами в устьевой и срединной частях. Каждую пару скоб соединяли декоративной накладкой, с изнаночной стороны которой находилась петля для португейского ремня (рис. 19, 1а; 20, 1, 2). Между скобами мог проходить невысокий деревянный бортник с португейским отверстием. В этом случае скобы не соединялись, это были круглые обоймы (рис. 19, 2а; 20, 4, 6).

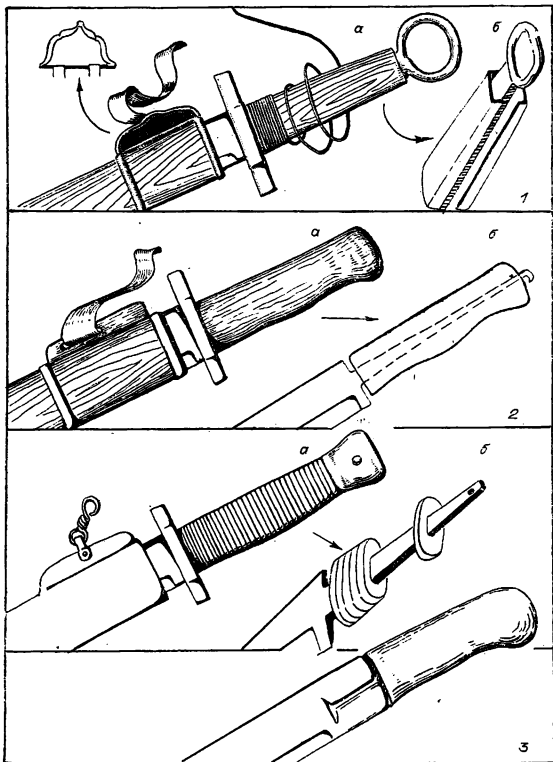

Рис. 19. Способы португезийского скрепления ножен клинкового оружия и конструкции рукоятей.

Известны ножны из тонкого металлического листа, порой гофрированного для большей жесткости (рис. 20, 9). Остатки таких каркасов найдены в могильнике Релка⁴³. Прикрепившая к клинку металлическая оболочка хорошо заметна на оружии из могильников Ямки и у с. Чернильщигово. Эти ножны также армировались парными скобами. Накладки зажимали как сами скобы, так и бортик между ними (рис. 20, 1).

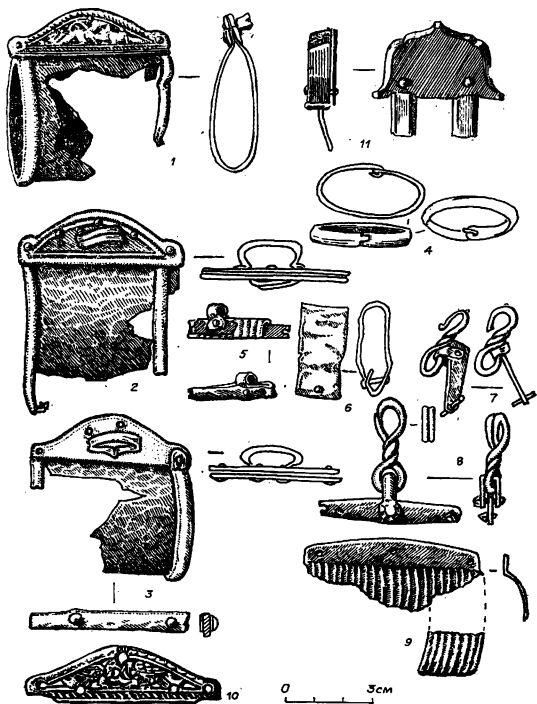

Рис. 20. Фрагменты крепежных звеньев ножен.
1—9 — Релка; 10 — Умца-2; 11 — Черныльщицково.

Для ношения оружия иногда вместо жестко смонтированных с основной петлей делали подвижные витые петли-шарниры. Они известны по находкам из могильника Релка и Тимирязевский курганный I (рис. 20, 7, 8). Такие петли имели форму перекрученной восьмерки, через верхнее кольцо продевался портупейный ремень, а нижнее с помощью пропущенной в него скобы крепилось к бортику ножен. Соединительный штифт в основном обеспечивал свободное шарнирное качание относительно оси футляра.

Аналогичные приспособления для ношения оружия использовались в третьей четверти I тыс. племенами верхней Оби. Шарнирный принцип подвески в VI—X вв. известен в Южной Сибири⁴⁴ и в XII—XIII вв. в Восточной Европе⁴⁵.

Все описанные приспособления предполагают наклонное ношение оружия, хорошо известное по материалам тюркских изваяний⁴⁶. Регулируя длину портупейных ремней, можно было менять угол наклона оружия от практически нулевого (параллельного поясу) до весьма большого и подбирать наиболее удобное его положение. Аналогично прикрепляли оружие и воины лесной полосы. В пользу этого, в частности, свидетельствуют изобразительные материалы. С наклонно свисающим оружием изображены два воина, найденные в с. Новоильинки (рис. 7, 1), всадники из могильника Релка, Шутовского культового места. Однако этот способ был не единственным. На бронзовой подвеске из Релки и гравюре на гальке с поселения Малгет⁴⁷ оружие показано вертикально свисающим вдоль ноги (рис. 7, 3, 5). Такой обычай более древний и восходит еще к скифскому времени, когда он был распространен практически повсеместно. Широко он практиковался в сарматской среде до конца IV в., а также в послесарматский период до сасанидского времени⁴⁸. Особый интерес вызывает способ ношения длинных мечей сарматского типа, которые в отличие от коротких скифских акинаков, привязываемых за ножны к ноге, носили на портупейном ремне, пропущенном через скобу в верхней части ножен, и могли произвольно двигаться в ту или иную сторону. Оружие находилось в свободном подвешенном состоянии и занимало вертикальное положение (именно такой способ запечатлен на западно-сибирских изображениях). Подобная традиция носить оружие была распространена на огромной территории от Корейского п-ва до Восточной Европы⁴⁹. Принимая во внимание данное обстоятельство, а также генетическую связь раннесредневековых мечей с сарматскими образцами, типичность ношения таким образом в предшествующий период именно меча, сравнительно небольшой хронологический отрезок до времени широчайшего распространения как самого оружия, так и способа его ношения, большую степень традиционности культур лесной полосы, можно допустить, что в эпоху средневековья вертикально носили в основном мечи. Палаш же и сабли носились в наклонном положении, что хорошо известно по материалам соседних территорий. Амплитуда колебаний оружия при вертикальной подвеске доставляла известные неудобства как пехотинцу, так и всаднику (особенно при быстром перемещении в лесу). Очевидно, поэтому таежное население охотно заимствовало у соседей новые формы оружия и способы его ношения. Однако можно полагать, что в лесной полосе способ ношения меча изменился раньше, чем само оружие вышло из употребления.

КИНЖАЛЫ (47 экз.) — холодное оружие рукопашного боя, средство нападения и активной защиты в тех случаях, когда другие виды оружия оказывались недостаточно эффективными: при единоборстве, схватках в тесноте, внезапных и бесшумных нападениях. Кинжалы характеризуются массивным обоюдоострым лезвием, достигающим порой значительной длины. В некоторых случаях колющей части линзовидного в сечении оружия придавалась ромбическая огранка с целью повышения его проникающей способности. Имеющиеся в наличии экземпляры происходят из Айдашинской пещеры, Парабельской, Елыкаевской, Ишимской,

вид \ тип	I	II	III
1			
2			

Рис. 21. Корреляция классификационных элементов кинжалов.

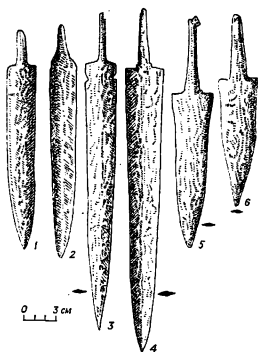

Рис. 22. Кинжалы.

1 — Айдашинская пещера; 2 — Васюганье (ов. Тох-Пугол?); 3—6 — Ельмаевская коллекция.

Холмогорской коллекций, Плехановского городища, могильников Томский, Имшегал, Смолокуровский, Абрамово-10, случайных находок⁵⁰.

По форме клинка кинжалы разделяются на виды: I. Ланцетовидные (рис. 21; 22, 1, 2). Размеры лезвия: 14—30×2—4 см; II. Удлиненно-треугольные. Размеры лезвия: 16—27×25—35 см (рис. 22, 3, 4); III. Пятиугольные. Размеры лезвия: 11—17×3—4 см (рис. 22, 5, 6).

Множественность промежуточных форм может быть обусловлена постепенным изменением абриса лезвия в процессе постоянной эксплуатации, износа и регулярно производимой заточки. Это сказывается тем больше, чем меньше размеры оружия. Кроме того, возможно целенаправленное изменение в колющей части в связи с возникшей необходимостью. В этом смысле черешковая часть дает более стабильный материал.

По форме несущей части выделяются типы: 1. С прямым стержнем и покатыми плечиками (рис. 22, 1); 2. С прямым стержнем и прямыми плечиками (рис. 22, 3—6). Конструкция кинжалов с прямыми плечиками предполагает возможность установки перекрестия. У некоторых экземпляров для этого имеется расширение у основания черешка (рис. 22, 3—5) или специальные вырезы в самом начале лезвия. Ланцетовидные и удлиненно-треугольные образцы находят очевидные параллели среди оружия скифского времени и прежде всего сарматских форм с прямыми перекрестиями, к которым они, вероятно всего, и восходят. Широкое бытование этого оружия в исследуемой зоне в предшествующее время вряд ли вызывает сомнения. Помимо типично сарматских форм с кольцевым и волютным навершиями здесь бытовали образцы, являющиеся результатом несомненно местного переосмысления привнесенных традиций, со своеобразными ажурными волютными навершиями, внутренняя часть которых резкими изломанными линиями образует крестовую фигуру. Такие кинжалы наряду с собственно средневековыми образцами встречены в «кладах», в том числе Ишимском и Холмогорском.

Среди аналогов кинжалам вида I и II можно назвать изделия из Тухтатского «клада», могильников Зевакино, Иня, Чаэты-1, Бай-Даг, Мунгаш-Чирик, территориально охватывающих районы Тувы, Верхнего Прииртышья, Верхнего Приобья, Северного Кавказа⁵¹.

Самобытной формой являются пятиугольные клинки, аналоги которых на сопредельных территориях не известны.

Период бытования основной массы кинжалов как самостоятельной единицы вооружения, вероятно, ограничивается первой половиной IX в. В течение этого времени они вместе с мечами постепенно исчезают, заменяясь ножами как более универсальными орудиями. Процесс этот, вероятно в какой-то мере связанный с изменениями в характере защитного вооружения, был повсеместным и охватывал не только лесную зону. Во всяком случае, этих форм оружия в комплексах, которые можно было бы уверенно отнести к X—XI вв., здесь пока не встречено. Исключение составляют два позднесредневековых кинжала из Смолокуровского и Абрамовского (10-го) могильников, которые могут быть датированы в пределах XV—XVII вв. Они, однако, существенно отличаются от классических образцов и ближе к ножам, чем к кинжалам. Хотя тот и другой сохраняют характерную форму, второе лезвие практически атрофировано и превращено в слегка приостренную спинку.

НОЖИ, 200 экз. По своим возможностям являются, пожалуй, наиболее универсальным орудием, широко распространенным во времени и пространстве, составляющим в том или ином виде необходимый элемент практически всех древних культур. Большинство ножей с равным успехом могло использоваться на охоте и в бою, а также при выполнении целого ряда производственных операций. По своим основным параметрам боевые возможности ножа ограничиваются рукопашной схваткой, а при высокой степени оснащённости воинского контингента различным рубяще-колющим оружием длинных форм они в отдельных случаях отодвигались на второй план, в разряд вспомогательных средств.

Ножи, в силу их универсальности и неспецифичности формы, зачастую относятся исследователями к орудиям труда и не включаются в состав вооружения. Так, по мнению А. В. Арциховского, А. Н. Кирпичникова, «ножи нельзя причислять к оружию, хотя бы к массовому», «употребление ножей, как правило, связано не с борьбой организованных масс людей, а с единоборством богатырей, убийством или увечием поверженного и обезоруженного человека»⁵². Однако еще Рашид-ад-дин в списке оружия, необходимого для пополнения arsenалов, наравне с мечами, стрелами и кинжалами упоминает 5 тыс. ножей⁵³. Боевое использование ножей отмечалось П. Савваитовым — одним из первых исследователей русской материальной культуры⁵⁴. Среди перечисленных им типов — ножи поясные, подсадачные (подсадашные), засапожные. Эти названия говорят больше о способе ношения, чем о применении, но засапожные ножи, согласно установившемуся мнению, основанному на русских исторических документах⁵⁵, считаются боевыми. В ряде работ по истории оружия и военного искусства подчеркивается тезис о том, что даже на Руси с ее гибкой и разноплановой системой военной оснащённости нож вместе с топором, луком и копьем долгое время оставался основным оружием рядовых воинов⁵⁶.

Очевидно, сходную картину можно было наблюдать и в азиатской час-

ти страны. В Сибири, где основное снаряжение массы воинов было примерно таким же, нож считался серьезным оружием. Яркое свидетельство боевого использования ножа в лесной полосе дают документы Сибирского приказа. «Да в той же государь, Кондинской волости, — жаловался пельмский воевода в 1654 г., — в твоих государственных людях чинится у них великое воровство и убийство, друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и разбивают из луков стреляются и ножи режутся и побиваются меж собою до смерти»⁵⁷. «Ясачные» использовали нож и в схватках со «служильными людьми»⁵⁸. Неудивительно поэтому, что ножи, как и сабли, копы, пищали, топоры и панцири, фигурируют в кадастрах русской администрации среди запрещенного к продаже в Сибири оружия⁵⁹. Небезынтересно использование ножа остаяками при клятве и принесении присяги (шертовании). Считалось, что острое этого оружия покарает нарушителя — принесет ему смерть⁶⁰. В героических преданиях нож выступает орудием богатярского единоборства. Любопытно отметить, что крупнейший знаток остяцкого эпоса С. К. Патканов при публикации текстов героических былин в отдельных случаях, когда речь заходит о вооружении, пользуется в переводах термином «меч», сохраняя в подстрочнике собственное значение слова «нож»⁶¹. Очевидно, это было данью исторической традиции не относить их к оружию, ибо, зная многообразие и оснащенность клинковым рубяще-колющим оружием древних остяцких обществ, представляется маловероятной такая невыработанность терминологии. Обращает на себя внимание и находка в погребении Окуневского могильника согнутого ножа. Умышленная порча характерна как раз для обращения с оружием и широко практиковалась в Евразии в раннем средневековье⁶². Список свидетельств в пользу боевого применения ножа можно продолжить, однако, очевидно, это будет излишне. Обратим внимание лишь на факт, что аналогичные археологическим многоцелевые ножи кустарного производства в годы первой мировой войны находились на вооружении под названием «нож армейский для нижних чинов инородческих отрядов русской армии», а в годы второй мировой войны нож входил в состав вооружения некоторых специальных контингентов войск⁶³.

Известно, что сила удара рукой взрослого мужчины достигает порядка нескольких сот килограммов. Согласно расчетным данным А. И. Мартынова, колющего удара силой в 11—12 кг достаточно для безусловного поражения противника⁶⁴. Отсюда легко можно представить поражающий эффект оружия с коротким клинком, если им нанесен удар с силой хотя бы в 100 кг. Тем более, если учесть, что для летального исхода достаточно глубины раны в 10 см. Фактически же, учитывая податливость тканей, глубина проникновения может быть значительно больше наличной длины клинка⁶⁵. С этих позиций практически любым ножом может быть нанесено серьезное повреждение. Однако далеко не все из них можно отнести к холодному оружию? В археологической литературе до сих пор не выработано критериев для ножа как холодного оружия; более того, не будет ошибкой сказать, что каких-либо твердых стандартов, видимо, вообще нет. Очевидно, нож должен обладать какими-то минимальными параметрами, гарантирующими поражение и обеспечивающими надежность оружия. Если обратиться к охотничьим ножам (однозначно считаются холодным оружием), можно заметить, что согласно стандартам толщина их клинка не менее 3 мм, длина же не менее 100 мм⁶⁶.

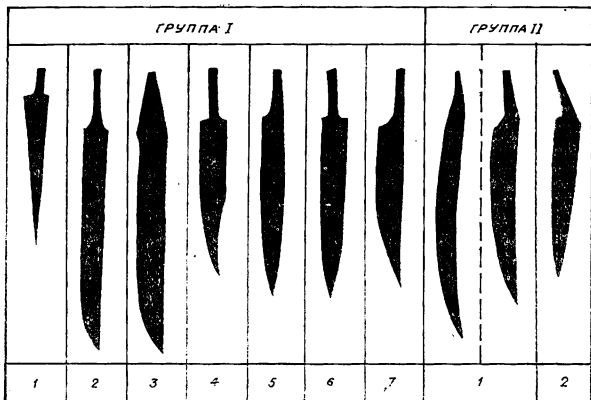

Рис. 23. Классификационная схема ножей.

От этих минимальных параметров мы и будем отталкиваться при рассмотрении конкретного материала, который происходит из Елыкаевской коллекции, могильников Релка, Басандайка, Тоянов Городок, Тохтамышевский, Берегаевский, Пачангский, Тургайской группы, Десятковский, Молчановский, Балагачевский, Пяпистые Курганы, Смолокуровский, Березовая Грива, у оз. Тиквет, Чернильщиковский, Архиерейская Займка, Бедеровский Бор; Максикли Яр, Ямки, Чистый Яр, Гребенщико-Окунево, Имшегал, Кыштовка-1, 2, Льнозавод-2, Садовка-4, Абрамово-10, Гжатск, Бровка, Барсов Городок, Кинтусовский, под Обдорском, Халас-Погор, Кипо-Куларского поселения; городищ на Чувашском Мысу, Искер, Люли-Кар, Ус-Толт, Вертинис, Богатырские Бугры, Новоникольское; находок под Березовым, на о. Фаддея и в заливе Симса, в Мангазее. Серия включает 300 экз.

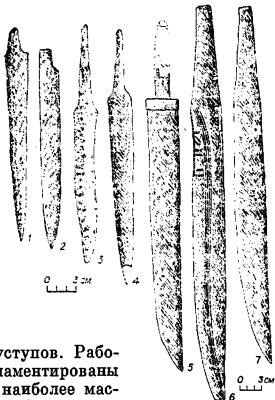
Поскольку форма клинка не постоянна и может меняться в процессе эксплуатации⁶⁷, в основу типологической схемы боевых ножей нами положено сочетание неподвижных элементов⁶⁸. С этих позиций геометрическое положение несущей части относительно оси клинка служит основой для группового членения; форма спинки, взаимное расположение ее и черенка с учетом общего характера режущей части являются базой для выделения типа (рис. 23).

Группа I. Нож с черешком, соосным клинку.

Тип I. Удлиненно-треугольные ножи с прямой спинкой, прямым лезвием, сходящимся под острым углом к острию. Сравнительно короткий черешок с обеих сторон отделен резкими уступами. Перед черешком, поперек ножа, может идти небольшой валик-упор. Длина 20—25 см (рис. 24, 1).

Рис. 24. Ножи группы I.

1 — тип 1 (Окунево); 2 — тип 5 (Кипо-Кулары);
3 — тип 4 (Кыштопка-2); 4 — тип 6 (Абрамово-10);
5 — тип 2 (Пуданский могильник); 6, 7 — тип 3
(7 — Балагачёво).

Тип 2. С прямой спинкой, заостренным черешком, отделенным от нее уступами. Лезвие в значительной степени прямолинейно и параллельно обуховой части. У острия плавно поднимается к спинке. Длина наиболее крупных ножей этого типа 19—50 см (рис. 24, 5).

Тип 3. С прямой или слегка загнутой; вверх у острия спинкой, с прямолинейным лезвием, несколько расширяющимся в верхней трети. Черешок в виде равнобедренной трапеции без уступов. Рабочая часть и обухок могут быть орнаментированы продольными полосами с насечками. У наиболее массивных экземпляров толщина спинки до 0,8 см, длина 40—48 см (рис. 24, 6, 7).

Тип 4. Спинка с коленом, расположенным в середине или в верхней трети лезвия, и скосом к острию. Черешок отделяется небольшим уступом и как бы продолжает геометрическую ось клинка. Лезвие, как правило, прямолинейное или же слегка вогнуто в нижней трети, очевидно в результате многогранных заточек. Длина 20—30 см (рис. 24, 3).

Тип 5. Ножи с симметричным лезвием, спинкой, закругленной к острию, и широким плоским черешком, являющимся продолжением спинки. Длина 14—20 см (рис. 24, 2).

Тип 6. Ножи с симметричным лезвием, спинкой, закругленной к острию, приостренным черешком, отделенным с обеих сторон уступами. Длина 17—28 см. Кинжаловидная форма (рис. 24, 6).

Тип 7. С прямой или слегка вогнутой спинкой, плоским черешком, продолжающим ее линию; и лезвием, плавно восходящим к острию примерно с середины длины клинка. Длина 13—25 см (рис. 25, 1).

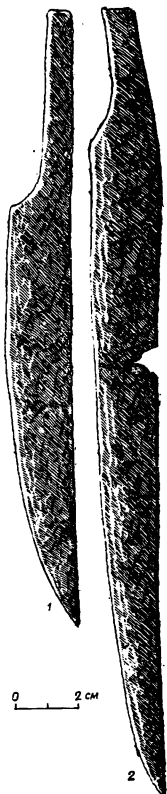
Группа II. Ножи с наклонной рукоятью.

Тип 1. С прямой или несколько вогнутой спинкой, плавно переходящей в черешок, расположенный под некоторым углом к геометрической оси лезвия. Характерная саблевидная форма. Длина 15—30 см. Выделяются варианты: 1. С максимальной шириной и выпуклостью в средней части. Пропорции 1 : 10, 1 : 12 (рис. 26, 1). Лезвие в значительной части дугообразно; 2. Лезвие более прямолинейно и расширено в предобуховой части. Пропорции 1 : 5—1 : 10 (рис. 25, 2).

Тип 2. С выпуклой (горбатой) спинкой, наклонным черешком, отделенным от нее уступом. Режущая часть прямолинейная. Наибольшее расширение в предчерешковой части. С одной стороны может быть дол. Длина 12—18 см (рис. 26, 2, 3).

Рис. 25. Ножи.

1 — группа I, тип 7 (Барсов Городок); 2 — группа II, тип 1, вариант 2 (Чистый Яр).

О специализированном назначении ножей можно сделать следующие замечания. Группа I: тип 2 — характерные поясные ножи, появились в середине I тыс. и практически без изменений просуществовали до прихода русских, широко бытовали и в этнографической современности. Встречены в составе колчанных наборов (Абрамово-10). Учитывая габариты ножей этого типа, большую часть из них можно отнести к военным поясным тесакам и подсаадчным ножам.

Тип 3. По характеру рабочей части близок к предыдущему, однако резко отличается от него шириной и массивностью, что делает его неудобным в повседневном бытовом обращении. Ширина черешка предполагает значительную толщину рукояти, превосходящую рациональные габариты. Это типичный рубильный нож, насаживающийся на длинный деревянный стержень и использовавшийся как наиболее универсальное колюще-рубящее орудие — пальма. Хотя по имеющимся археологическим материалам весьма затруднительно определить этот тип орудия, однако сравнение с образцами недавнего этнографического прошлого позволяет со значительной долей уверенности трактовать такие ножи как наконечники пальмы. В пользу этого свидетельствуют декоративное оформление клинка, ширина и вес полотна, допускающие эффективный рубящий удар. Очевидно, самые длинные и массивные образцы ножей типа 1, лезвие которых достигает 43 см, также могли использоваться в качестве наконечника пальмы. Время появления таких форм (тип 3) определить затруднительно. Можно лишь сказать, что на памятниках I — начала II тыс. их пока не обнаружено. С известной долей условности можно считать, что распространение они получают не ранее XIII—XIV вв.

Ножи группы II с наибольшим правом претендуют на роль боевых типа «засапозных». В пользу этого свидетельствуют как сама форма, так

и наличие долов и перекрестий сабельного типа, зафиксированные, например, на материалах из Релки и Архиерейской Заимки⁶⁹. Ножи носили, во всяком случае типа 2, в ножнах, которые крепились (с помощью двух скоб и португейного ремня или цепочки) к поясу в параллельном или наклонном положении. Ножи этого типа, бытовавшие в Западной Сибири

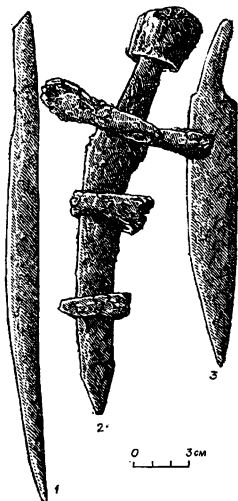
Рис. 26. Ножи группы II.

1 — тип 1, вариант 1; 2, 3 — тип 2 (1 — Бедеровский Бор, 2 — Архирейская Запка; 3 — Релка).

в IV—IX вв., хорошо известны и на сопредельных территориях Верхнего Приобья, Алтая, Тувы, Минусы⁷⁰ по находкам и изображениям на стенах тюркского времени, а также предшествующего периода. Время бытования подобных форм на исследуемой территории, вероятно, следует ограничить IX — началом X в. В последующем они сильно уменьшаются в размерах (что не позволяет причислять их к боевым) и окончательно исчезают в первой четверти II тыс. Ножи типа 1 этой же группы, сохраняя свое боевое назначение, продолжают бытовать в поздние средневековья. Они встречаются в материалах памятников II тыс. (Бедеровский Бор, Чистый Яр, в несколько измененном виде — Кыштовка-2)⁷¹. Самые ранние образцы таких ножей (их острье позволяло довольно эффективно пробивать кольчужный доспех) происходят из Елыкаевской коллекции VII—VIII вв. Подобные ножи хорошо известны, например, у салтовских племен и амурских чикурчижаней⁷². Заметим, что вряд ли целесообразно исключать из категории боевых даже сильно отточенные ножи группы I, поскольку такое зауженное острье способно легче проникать сквозь кольчатую защиту.

Оружие типа 1 было распространено преимущественно в эпоху раннего средневековья. Аналогичные формы известны в памятниках тюрок Тувы, салтовских племен и раннеболгарских⁷³. Они использовались в основном в VII—VIII — первую половину IX в. Позднее как оружие они, видимо, перестают употребляться. Ножи типа 6, очевидно, восходят к кинжалам, вследствие чего нижняя граница их появления может быть определена IX—X вв. Как оружие они использовались до позднего средневековья, но не были ведущей формой. Дополнительным подтверждением в пользу боевого использования ножей типа 4 могут служить находки аналогичных образцов в составе тайников с оружием в европейской части страны⁷⁴. Видимо, появление такой формы в Западной Сибири можно связывать с русским влиянием.

Определить же типы, специфические для исследуемой территории, пока не представляется возможным. Ножи с прямой спинкой и черешком с уступом появляются в лесном Приобье не позднее середины I тыс.⁷⁵ Изделия этого типа найдены на городище Ус-Толт (II—III вв.). Их лезвие идентично этнографически известным «мужским» ножам⁷⁶. В. Н. Чернецов считал его результатом местного производства и связывал с хантый-

ским и мансийским населением. Местными, по мнению С. И. Руденко, были аналогичные предметы, обнаруженные в остоядком могильнике под Обдорском ⁷⁷. Уже в усть-полуйское время железные прямообушнные ножи были одним из основных орудий ⁷⁸. Таким образом, в лесном Приобье существовала длительная традиция изготовления и применения ножей, восходящая еще к скифскому времени. Такая прямообушная форма была одна из самых распространенных среди древнерусских клинков, так называемых ножей славянского типа ⁷⁹. К этому же типу относятся чукотские ⁸⁰, корякские, ненецкие, нанайские, бурятские ножи. Следует при этом отметить, что бурятские ножи тождественны монгольским, тибетским и многим другим.

Углубляясь в прошлое, приходится констатировать, что в процессе постоянных, интенсивных контактов, особенно в условиях растущего обмена, происходит быстрое распространение наиболее рациональных форм инвентаря и технологии его производства. Они уже почти не несут на себе отпечатков конкретного этноса, вернее, эти приметы все же есть, но они проявляются, судя по данным этнографии, в специфике внешнего декоративного оформления, которое до нас, как правило, не доходит. Очевидно, только по форме, способу украшения рукояти и ножен можно различить хантыйские, селькупские, ненецкие, бурятские, русские или, скажем, корякские ножи.

ДРЕВКОВОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Основой для его выделения служит длинная несущая часть, приводящая в действие сравнительно небольшой металлический проникающий, укрепленный на ее окончании. Особенности конструкции обусловили узкую функциональную специализацию оружия: рубящее и колющее. Среди сибирских материалов почти нет комбинированных форм. Исключением является палма, рассмотренная выше. Рабочая часть данного оружия позволяет использовать его в клинковом и древковом вариантах. Особенности археологических источников затрудняют конкретную дифференциацию образцов, поэтому в данном разделе они не рассматриваются. Основные формы древкового оружия представлены топорами, копьями, кистенями и булавами. Единичные находки кистеней и булав (по 1 экз.) позволяют лишь ставить вопрос о наличии их в комплексе средств вооруженной борьбы.

ТОПОРЫ. По характеру сочленения несущей и поражающей частей оружия выделяется два его вида — втульчатые, так называемые кельты, и проушные. Известную сложность представляет разделение втульчатых бойков на топоры и тесла, так как направление оси рукояти здесь в подавляющем большинстве случаев не ясно. Морфологические различия топора и тесла обуславливаются прежде всего механизмом работы орудия, а следовательно, и нагрузкой на него. При рубящем ударе обе стороны бойка испытывают приблизительно равную нагрузку; при тесании и долблении основная доля работы приходится на одну из сторон, в основном заднюю (рис. 27). Отсюда различия в вертикальном (профильном) сечении проникающего. Наиболее рациональная форма топора — клин, тесла-

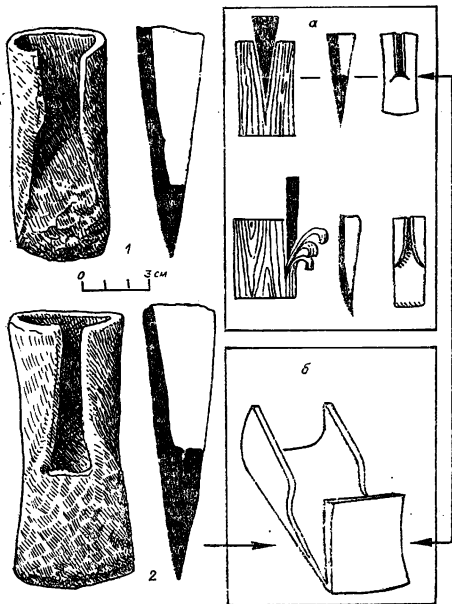

Рис. 27. Втульчатые топоры и тесла.

а — схема работы тесла и профиль сечения; б — конструктивная схема топора.

полуклин. Для последнего характерна асимметричность и односторонняя заточка лезвия.

Из серии проанализированных материалов в качестве топоров вероятнее всего использовались массивные бойки со строго симметричным лезвием, которое зачастую с боков имеет выделенные грани. Рабочая часть таких орудий образована путем поперечного загиба и дальнейшей расковки нижней части заготовки. Впрочем, она могла собираться из пакета металла с последующей кузнечной сваркой. Во втулке образуется характерный выступ-упор, препятствующий дальнейшему проникновению рукояти вглубь. В сформировавшемся виде орудия этого типа были известны в середине I тыс. (Малая Тебендя, Александровка II, Кипо-Куларское поселение, раскопки Б. А. Коникова) и бытовали на протяжении II тыс. до прихода русских. Самые поздние образцы известны в могильниках у Тоя-

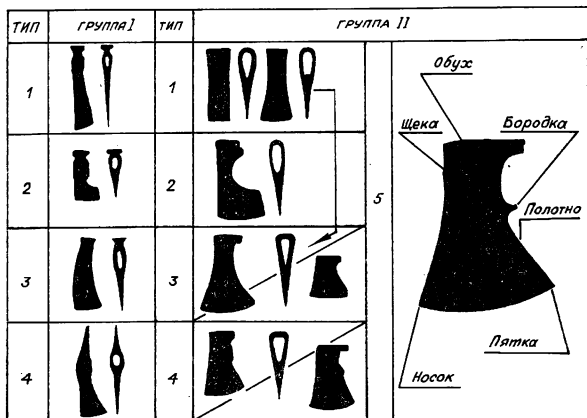

Рис. 28. Классификационная схема проушных топоров.

нова Городка, Тургайский, Абрамово-10⁸¹. Однако к этому времени они уже практически повсеместно вытесняются проушными топорами.

По конструкции обушной части проушные топоры разделяются на группы шпеноквых и плоскообушных. Форма щековой, тыльной стороны полотна, наличие или отсутствие бородки служат основанием для выделения типов. Кроме этого учитываются пропорции бойка (рис. 28).

Группа I. Шпеноквые топоры, 6 экз. Происходят из Малотепендинских курганов, Тоянова Городка, Чернильщикова могильника, городища Аксеново⁸².

Тип 1. С молотковидным обухом со шляпкой и продолговатым треугольным лезвием (рис. 29, 1). Общая длина 12—18,3 см, ширина лезвия 2—6 см, диаметр шляпки 2 см.

Тип 2. С молотковидным обухом со шляпкой, выемкой и оттянутым назад лезвием (рис. 29, 2). Общая длина 6 см, ширина лезвия 3,3 см, диаметр шляпки 2 см.

Тип 3. С молотковым обухом без шляпки, общей изогнуто-трапециевидной формы. (рис. 29, 3). Общая длина 14 см, ширина лезвия 5 см.

Тип 4. С острым чекановидным обухом и опущенным вниз, назад секторовидным лезвием (рис. 29, 4). Общая длина 17 см, ширина 5,5 см.

Согласно расчетным данным, длина рукоятей бойков данной группы колебалась в пределах 60—75 см, КПД 79—83%⁸³.

Группа II. Плоскообушные, 47 экз. Особенность этих изделий — плоская (при взгляде сбоку) обушная часть. Происходят из могильников Чернильщикова, Гжатск, Садовка-4, Ликинский, Кыштовка-1, 2, Льюно-

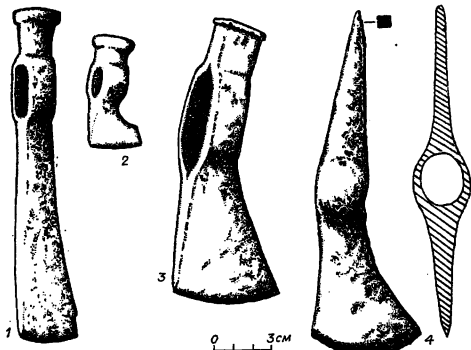

Рис. 29. Проушные топоры группы I, шпеньковые.
1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 3; 4 — тип 4 (1, 2 — Малая Тебенди
(по В. А. Могильникову), 3 — Тоянов Городок, 4 — Черныльщиново).

завод-4, Абрамово-10, Тоянов Городок, Чердатский, у оз. Тиквет, Молчановский, Балагачевский, Тургай-1, 5, Максимкин Яр, Кустовский, Белый Яр, Халас-Погор; из остяцких могил под Обдорском, городищ Искер, Саровское, Тан-Варуп-Эква, сборов в Нарымском крае на р. Чая⁸⁴.

Типологическое членение материала произведено с учетом следующих признаков: а) различия в обушной части; б) наличие или отсутствие бородки, а также различия в ее конструкциях; в) форма (прямая или с вырезом) тыльной стороны полотна. Критерием для выделения типов служат общие пропорции топора и форма лезвия⁸⁵. С этих позиций выделяется пять типов изделий.

Тип 1. (рис. 30, 1, 2). Массивные, грубо откованные, клиновидные в сечении топоры. Обух закругленный, лезвие симметричное, подпрямоугольное или слегка расширенное книзу. Общая длина 8—14 см, ширина лезвия 3—8 см, длина рукояти 48—52 см; КПД 73—76%.

Тип 2 (рис. 31, 1). С боковыми щекавицами на обухе, с выемкой и опущенным лезвием. По классификациям В. А. Колчина и А. Н. Кирпичникова, типы соответственно 1 и 5⁸⁶. Общая длина 19—21 см, ширина лезвия 6—9 см, длина рукояти 35—55 см; КПД 80—91%.

Тип 3. Клиновидные бойки с треугольным проухом. Верхняя площадка обуха для лучшего скрепления с рукоятью имеет выступ в сторону топорнища. Бородка отсутствует. По общим пропорциям лезвия выделяются два варианта: 1-й — 1 : 1,2 — 1 : 3 (рис. 30, 3; 31, 3); 2-й — 1 : 0,1 — 1 : 0,8 (рис. 30, 4; 32, 1, 2). Общие длина 11,2—14 см, ширина лезвия 8,5—13 см, длина рукояти 40—51 см; КПД 79—82%.

Тип 4. Выделяются два варианта: 1. В сечении клиновидные, верхняя площадка обуха уплющена, общая ее протяженность (по сравнению с пре-

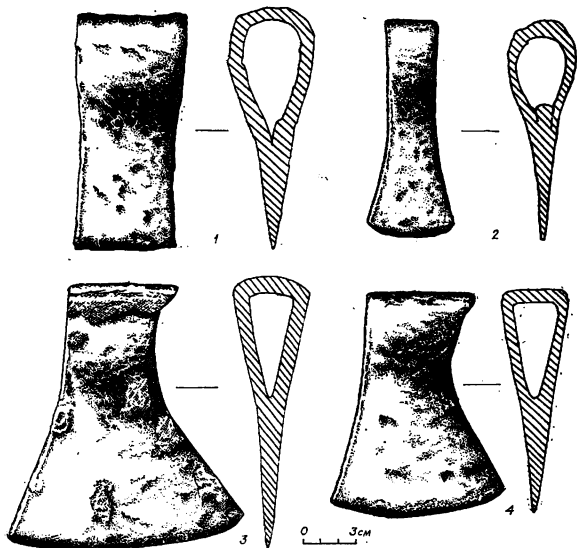

Рис. 30. Проушные топоры группы II, плоскообушные.
1, 2 — тип 1; 3, 4 — тип 3 (1, 3, 4 — Кыштовка-2; 2 — Садовка-4).

дыдущим типом) несколько сокращается, появляется слабая бородка (ее конец отделяется от тела топора небольшим пропилом), лезвие секторовидное, проух небольшой треугольный (рис. 33, 1, 2); 2. С более вытянутой верхней площадкой обуха и симметричным лезвием (рис. 32, 3, 4). В обеих группах встречены экземпляры с вырезом в обушной части. Пропорции вариантов колеблются в одинаковых пределах — 1 : 1,2—1 : 1,6. Общая длина 13,5—14,7 см, ширина лезвия 8—11 см, длина рукоятки 41—46 см; КПД 82—84%.

Тип 5 (рис. 33, 3, 4). Отличительная черта — широкое лезвие. Задний конец его приподнят к рукоятки. Верхняя грань обуха уплощена и вытянута. Бородка четко профилированная, нижняя ее часть отделяется от бойка и поднимается к топоричку. Топоры в сечении клиновидные, в профиль имеют трапецевидную форму. Группы не выделяются. Длина 12—14 см, ширина лезвия 11—14 см. Длина проуха 5,6—7 см, ширина 3,4—4 см, бородка 1—1,3 см, примерная длина рукоятки 40—50 см; вес 85—1050 г.; КПД 80—86%.

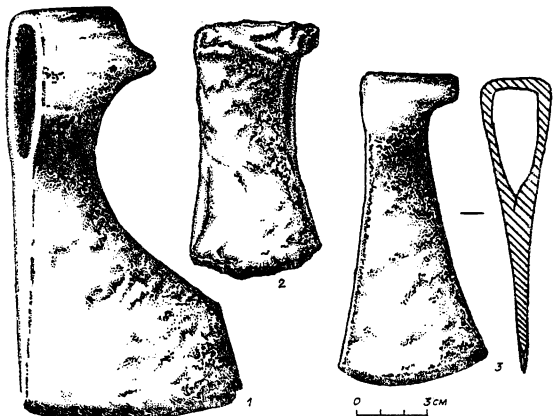

Рис. 31. Проушные топоры, группы II, плоскообушнные.

1 — тип 2; 2, 3 — тип 3 (1 — Липкинский могильник, 2 — Искер, 3 — Толянов Городок).

Внешне топоры типа 4 приближаются к современным. Это же можно сказать и об их динамических качествах (КПД 85%).

Геронческие предания донесли до нас представление о топоре как о грозном оружии. Им рубятся богатыри на поединках («Будем сражаться топром и мечом (соб.: ножом)»); им пробивают палисады штурмуемого городища, при этом откалывая «огромные щепы величиною с деревню, величиною с город»⁸⁷; осажденные прикрывают топором бойницы от стрел и, уловив момент, поражают зарвавшегося неприятеля⁸⁸. В могильниках встречаются погребения, на костях скелетов которых заметны следы травм, полученных от ударов оружием, в том числе топорами (Кыштовка-2, Сопка-2).

Шпепьковые топоры, являясь комбинированным оружием, были широко распространены в степной полосе Евразии в VIII—XII вв. и применялись чжурчжэнями, киданями, енисейскими кыргызами, алтайскими тюрками, хазарами, печенегами, булгарами, русскими дружинниками⁸⁹.

Близкие аналоги бойкам типов 1 и 2 можно найти в оружейном комплексе ломоватовской культуры (V—IX вв.) Прикамья, а также в материалах караякуповских памятников (IX—X вв.) Южного Урала⁹⁰. Вероятно, боевые топоры таких форм являются древнейшими и восходят еще к военным средствам эпохи бронзы. В скифское время это оружие уже было обычным⁹¹. В эпоху раннего средневековья оно по-прежнему остается в комплексе боевых средств кочевых народов.

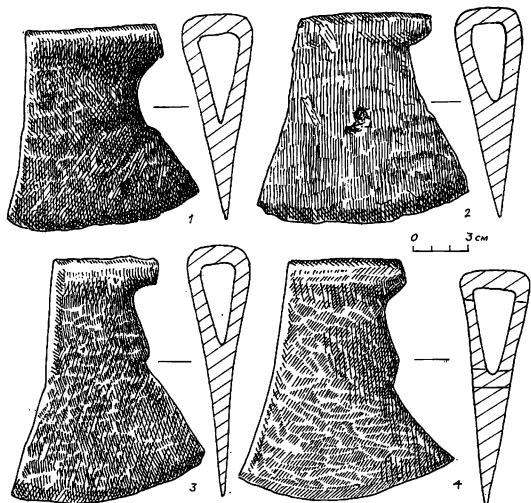

Рис. 32. Проушные топоры группы II, плоскообушные.

1, 2 — тип 3, вариант 2; 3, 4 — тип 4, вариант 2 (1—3 — Кыштовка-2; 4 — Максимкин Яр).

Появление шпеньковых топоров в лесостепной и лесной полосах в эпоху раннего средневековья было, очевидно, обусловлено, с одной стороны, традицией оружейного производства, с другой — растущим влиянием южного кочевого мира, наметившимся с VII—VIII вв. На рубеже тысячелетий шпеньковые топоры начинают вытесняться более простыми, но не менее эффективными плоскообушными. Но их спорадически использовали до XVI—XVII вв.

Основой для формирования плоскообушных топоров послужили, очевидно, бойки типа 1. В пользу этого свидетельствуют данные о сосуществовании их с численно доминирующими кельтами, архаичность формы, низкие динамические показатели, наиболее ранний круг аналогов. Подобные бойки известны среди древностей Приуралья в V—VIII вв.⁹² Обнаружены они и на памятниках XIII—XIV вв. Поволжья⁹³.

В лесной полосе Западной Сибири подобные бойки просуществовали до XVI—XVIII вв. Они стали одной из основ для формирования плоскообушного топора типа 3. Промежуточная форма известна на городище Искер. Появление топоров типа 2 в X—XIII вв. несомненно обусловлено знакомством с русскими образцами. Судя по аналогам из Новгорода,

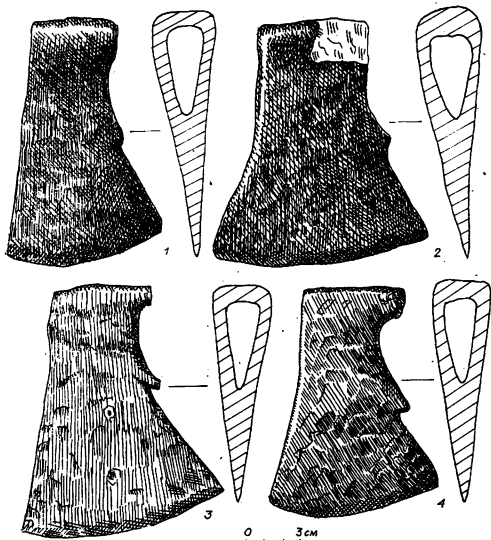

Рис. 33. Проушные топоры группы II, плоскообушные.
1, 2 — тип 4, вариант 1; 3, 4 — тип 5 (1-4 — Кыштовка-2).

Приладожья и Прикамья⁹⁴, время их бытования не выходит за рамки XIII в. При высоких динамических показателях топоры этого типа были неудобными в работе⁹⁵. Видимо, поэтому данные топоры не оказали существенного влияния на позднейшие формы*. Оно прослеживается лишь по некоторым деталям оформления обушной части позднесредневековых бойков. Характерные выступы щек топоров типа 2 по мере эволюции лезвия смещаются вверх, вплотную приближаясь к верхнему срезу обуха (топор типа 3 с культового места Ворсик-Ойки, верховья р. Ляпин)⁹⁶. В дальнейшем они, целиком выходя на обушную часть и сливаясь с ней, образуют полукруглую выемку (вырез) в тыльной части топора (тип 4, Кыштовка-2, Тургай) (табл. XVI). Последующее развитие бойков связано, с одной стороны, со становлением местной традиции, с другой — со знакомством с русскими образцами, что проявилось, на наш взгляд, в групповом разномое внутри типов, в существовании архаических форм наряду с довольно совершенными. Аналоги бойкам типа 3 имеются среди материалов по Якутии XVII в.⁹⁷, а также среди казахских боевых топориков⁹⁸.

КЛАСС I											КЛАСС II						
ГРУППА I			ГРУППА II														
1	2	3	1	2	3	4	5	6	7	8	9	1	2	3			
отдел 1										отдел 2		отдел 3					

Рис. 34. Классификационная схема копий.

Основная их часть для топоров типов 3—5 происходит с территории европейской части страны⁹⁹. Однако имеющиеся материалы не позволяют определить хронологию последовательности типов. Как критерий для их сравнения взят возможный КПД, который, являясь величиной постоянной, отражает степень механического совершенства орудий¹⁰⁰. С позиций изменения динамических показателей и расположены тивы. Полученная схема, как представляется, примерно соответствует данным этнографии. Среди материалов самых поздних могильников, практически уже этнографического времени, встречаются топоры уже только типов 3 и 4. Топоры типа 1 исчезли на рубеже XVI—XVII вв. в силу динамического несовершенства. Бойки типа 3 в общих чертах дошли до современности как инструмент для рубки дров¹⁰¹. Бойки промежуточного типа 4, которые сыграли определенную роль в процессе оформления топора современного типа 5, исчезают к XIX в.

КОПЬЯ. Известны по материалам Елыкаевской, Ишимской, Холмогорской, Парабельской коллекций, Айдашинской пещеры, могильников Релка, Басандайка, Халас-Погор, Абрамово-10, Ликинский, Томский, Мурлинский-1, Тискино, Чердат, Каменный Мыс, Седова Заимка, Кип, городищ Потчеваш, Старобибеево-4; случайных находок в районе Обь-Енисейского канала, университетского сада в г. Томске, у с. Ваганово-Томской губ., пос. им. Дзержинского Томской обл., в Венгеровском р-не Новосибирской обл., сел Новоильинское, Толмачево, Тобольской губ.¹⁰²

По способу крепления копья делятся на классы; по сечению пера — на группы; по форме — на типы; по особенностям несущей части — на отделы (рис. 34).

Класс I. Втульчатые.

Группа I. Двухлопастные. Особенность — выраженный выступ (ребро) по середине пера, как бы продолжающий втулку.

Отдел I. Без шейки с конической, не сомкнутой у основания втулкой.

Тип 1. Пламевидные с округлым ребром, 3 экз. Общая длина 25,5—28 см; перо 13—16×3—5 см; пропорции 1 : 6. Выделяется вариант с более

узким, вытянутым пером (1 экз.). Общая длина 28 см, перо 3 см; пропорции 1 : 9.

Тип 2. Удлиненно-треугольные с ромбическим в сечении пером, 1 экз. Длина 30 см; перо $14 \times 4,5$ см.

Тип 3. Крылатые 1 экз. Длина 23 см; перо 8×3 см.

Г р у п п а II. Линзовидно-ромбовидные.

Тип 1. Удлиненно-шестигульные, 3 экз. Длина 21—29 см; перо $9-15 \times 2,5-3$ см.

Тип 2. Ромбовидные, 19 экз. Варианты: 1. С длинной втулкой и узким пером. Длина 13,5—30 см; перо $6-13,5 \times 2-3,5$ см; пропорции 1 : 9, 1 : 10; 2. С короткой втулкой и широким пером. Длина 17—25 см; перо $13-17,5 \times 3-4,5$ см; пропорции 1 : 6, 1 : 7.

Тип 3. Асимметрично-ромбические с прямыми сторонами, 7 экз. Варианты: 1. С длинной втулкой и узким пером. Длина 23,5—27 см; перо $10-11 \times 1,9-2,5$ см; пропорции 1 : 10, 1 : 14; 2. С короткой втулкой. Длина 28—30 см; перо $16-17,5 \times 3-4$ см; пропорции 1 : 7, 1 : 9.

Тип 4. Двухшпильные, 4 экз. Варианты: 1. С треугольной головкой. Длина 14—21 см; перо $5-6 \times 2-3$ см; 2. С ланцетовидной головкой и шаром (яблоком) у втулки. Длина 39,5 см; перо $18,5 \times 3,7$ см.

Тип 5. Пики, 1 экз. Длина 27 см, перо $16,5 \times 1,7$ см.

О т д е л II. С граненой или округлой шейкой.

Тип 6. Асимметрично-ромбические, 1 экз. Длина 29 см; перо $11 \times 2,5$ см.

Тип 7. Листовидные, 3 экз. Варианты: узкий-иволпстный, широкий-лавровлистный. Длина 32—43 см; перо $13-21 \times 1,6-6,5$ см.

О т д е л III. Со втулкой типа «кельт».

Тип 8. С ромбическим пером, 1 экз. Длина 14; перо $5 \times 1,5$ см.

Тип 9. С широким ланцетовидным пером, 2 экз. Длина 34,5 см; перо $21-23 \times 3,5-5$ см.

К л а с с II. Черешковые.

Тип 1. Ромбовидные. Черешок приблизительно равен перу, 2 экз. Длина 42—43 см; перо $23 \times 5-56$ см.

Тип 2. Ромбические короткочерешковые, 1 экз. Длина 37 см; перо 31×7 см.

Тип 3. Листовидные, 1 экз. Длина 33,5 см; перо $21,5 \times 7$ см.

Двухлопастные наконечники группы I, очевидно, самые древние. По характеру оформления пера и втулки они наиболее близки к наконечникам скифского времени. Аналогичные формы бытовали, в частности, у ананьинцев Прикамья¹⁰³. Определение верхней границы затруднено. Наличие наконечников данного типа в составе кладов VII—IX вв. вместе с наконечниками более поздних средневековых форм — слабый аргумент для выводов о столь позднем их бытовании. Лишь с большой долей условности и с поправкой на местную традиционность можно считать, что они доживают до этого времени как анахронизм и встречаются спорадически. Наконечники типов 2 и 3 являются переходными к линзовидно-ромбической группе. Аналогами наконечников типа 2 являются копыя, известные на памятниках I тыс. в Прикамье¹⁰⁴. Очень похожие наконечники найдены в Лядинском могильнике X—XI вв. Здесь они зафиксированы вместе с характерными средневековыми наконечниками линзовидно-ромбической группы (типы 1, 3, 4, 6). В этом же могильнике обнаружены на-

конечники, являющие известный аналог типу 3 рассматриваемой группы ¹⁰⁵. Отдаленное сходство имеет наконечник VIII—IX вв. из могильника Телячий Брод ¹⁰⁶. Но он более напоминает овально-крылатые, по классификации Ю. С. Худякова, наконечники стрел IX—XII вв. ¹⁰⁷

Практически все типы группы линзовидно-ромбических наконечников характерны для раннего средневековья, особенно для периода конца I — начала II тыс., поэтому проведение аналогий теряет смысл. Наконечники копий отдела III данной группы со втулкой типа «кельт», судя по материалам могильников Тискино, Чердат, городища Старобибеево-4, распространяются не ранее XIV в. и бытуют до XVIII в. Аналогом можно назвать находку из могильника Усть-Талькин, в Восточной Сибири ¹⁰⁸.

К периоду позднего средневековья относятся, очевидно, и изделия отдела II с длинной граненой или округлой шейкой. Все известные экземпляры происходят из комплексов XVI—XVII вв. (Абрамово-10) и даже более поздних, близких к этнографическому времени (Халас-Погор). К этому же периоду, вероятно, можно отнести и черешковые копья. Распространению наконечников этого класса способствовали, с одной стороны, опыт применения палмы, технологичность изготовления, с другой — инновации, привнесенные, судя по находкам, русскими. Как представляется, к позднему средневековью (не ранее третьей четверти II тыс.) относится двушипный наконечник с «яблоком» (шаром) у основания втулки. По данным А. Н. Кирпичникова, «яблоко» на оружии на Руси появляется лишь на рубеже XII—XIII вв. ¹⁰⁹ Так, пики могут быть датированы в пределах X—XIII вв. И хотя их использовали, например, в Восточной Европе до XVI—XVII вв. ¹¹⁰, на исследуемой территории изделий этого времени не обнаружено. Это, однако, не означает исчезновение пик. И. Н. Гемуевым при обследовании культового места близ пос. Саран-Пауль на р. Ляпин обнаружен идол, основу которого составляла массивная железная пика. Несмотря на прекрасно оформленную проникающую часть, широкая укороченная втулка ставит ее в разряд votивных. Пика изготовлена едва ли раньше конца XIX в., скорее всего позднее. Тем не менее знакомство мастера или заказчика с реальным прототипом не вызывает сомнений. Это позволяет говорить о бытовании пик вплоть до этнографического времени. Очевидно, этому немало способствовал культ оружия, в частности копья, которое само почиталось в качестве «шайтана» и использовалось в культовых церемониях ¹¹¹.

Рассматривая развитие древкового колющего оружия, можно отметить постоянное существование двух разновидностей господствующих типов. С одной стороны, широкие массивные формы, явно охотничьи (рогатины), с другой — облегченный вариант противодоспешного характера. Эволюция его завершилась появлением длинных и узких наконечников с вытянутой граненой или округлой шейкой, сочетавших в себе таранные возможности пики и поражающие копья. Очевидно, на этом и заканчивается развитие копья как боевого оружия. Дальнейшая его история связана уже с функционированием в качестве наконечника хорей и промыслового орудия.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОГО ДЕЛА ЛЕСНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Географическая среда выступает важнейшим фактором материальной жизни общества, но степень ее влияния зависит от уровня материального производства. При этом К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны связаны; до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹. В военной сфере природная среда выступает в качестве постоянно действующего материального фактора, с одной стороны, в опосредованном качестве преобразованного человеческой деятельностью вещества — военной техники, укреплений и в совокупности со способом производства и количеством населения образует военный потенциал общества; с другой — в качестве театра военных действий, определяющего в зависимости от уровня социально-экономического развития тактические особенности и временную протяженность военных действий, боевую практику войск. В военных доктринах всех эпох при планировании операций, независимо от их масштаба, исключительно большое значение придается анализу местности и географической среды в целом в театре военных действий, элементами которого являются рельеф, гидрографические условия, почвогрунты, растительный покров, климат и др.²

Ландшафтными особенностями Западно-Сибирской равнины, в том числе ее лесным массивам, посвящен целый ряд специальных монографических и популярных работ, статей, рассматривающих как общие экономические, географические, климатические, ботанические, так и геологические аспекты³. Поэтому, отсылая читателя к ним, мы ограничимся лишь наиболее общими замечаниями в интересующем нас плане.

Около 4/5 всей территории Западной Сибири приходится на Западно-Сибирскую равнину, или, как ее еще называют, низменность — самую большую в Советском Союзе и одну из самых обширных на земном шаре, выделяемую по характеру рельефа и особенностям геологической истории⁴. Большую часть (60%) всей территории равнины занимает лес, образующий массив равнинной тайги, раскинувшийся между 66—60° и 56—57° с. ш.⁵ Лесная область начинается от Северного полярного круга и тянется на юг на расстояние более 1 тыс. км. Границы лесной зоны выражены весьма нечетко, поскольку, например, на севере тундра, а на юге лесостепь на водоразделах проникают в лес, который, в свою очередь, вклинивается в них по долинам рек. Данное обстоятельство в историческом прошлом во многом определило направление и ряд особенностей этнокультурных контактов различных групп древнего населения. Собственно лесная растительность в исследуемой зоне занимает 39%

территории, болота тянутся на 55% ⁶, но их доля в отдельных районах возрастает до 70—80% ⁷. Последние во многом обуславливают повышенную густоту речной сети — 0,2 км на 1 км² и более. Ширина междуречий в основном не превышает 12 км, а максимальное удаление от реки составляет не более 5—6 км ⁸. Течение рек медленное. У притоков, подпитаемых стержневыми водами, порой трудно определить направление стока. Паводки на главных реках создают даже встречное движение воды, переливающейся через водораздел в соседние бассейны ⁹. В это время поймы почти всецело скрываются под водой. Паводки характеризуются обильным затоплением и долгим стоянием (у рек Кондинского края, например, они затягиваются до поздней осени)¹⁰. В период весенних разливов русла рек особенно интенсивно загромождаются «заломами» из рухнувших деревьев, преграждающих реки на десятки метров и представляющих непреодолимое препятствие при движении по этим почти единственным путям сообщения ¹¹. В гидрографическую систему лесной полосы кроме рек входит обширная сеть озер, изобилующих рыбой.

Меридиональное расположение Западно-Сибирской равнины обуславливает ландшафтный колорит, отличающийся выраженной зональностью и наличием практически всех переходов от тундры и лесотундры через тайгу и мелколиственные леса к лесостепи и степи. Эти зоны простираются почти вдоль параллелей ¹². Ландшафт в лесной полосе с севера на юг зонально изменяется следующим образом: I. Подзона редколесья или редкостойных лиственнично-сосновых лесов. Протянулась узкой полосой — 100—150 км. Преобладают болота (75—80% территории). Запас древесины 40—50 м³/га; II. Подзона северной тайги, сосново-кедровых заболоченных лесов. Протянулась на 600—700 км. Заболоченность достигает 70%. Запасы древесины возрастают с 50—60 до 90—130 м³/га. Выделяются четыре геоморфологические провинции: левобережье Оби, Прикамые, бассейны рек Надьма и Пура, бассейн р. Таз; III. Подзона средней тайги, урманно-болотистая — 59—64° с. ш. По растительным ассоциациям близка к подзоне северной тайги. Заболоченность падает до 48%. Запас древесины от 90 до 150—180 м³/га. Выделяются четыре геоморфологические провинции: бассейн р. Северной Сосьвы, левобережье р. Конды, Приобье, бассейны рек Ваха и Тьма; IV. Подзона южной тайги, хвойно-березовых лесов — 57—60° с. ш. Заболоченность снижается до 30%. Средние запасы древесины 500 м³/га. Территория покрыта преимущественно березово-сосново-темнохвойными лесами. Выделяются пять провинций: Приуралье (между Уральскими горами и долинами рек Тавды и Тобола), Конда-Тавдинская низина, Тобол-Иртышская равнина, Васюганье, бассейны рек Кети и Чулыма (Обь-Енисейское междуречье); V. Подзона осиново-березовых лесов, лиственно-лесная. Замыкает с юга неширокой (80—100 км) полосой огромную лесоболотную зону. Южнее постепенно переходит в лесостепь. Запас древесины 200—400 м³/га. Леса занимают приблизительно половину площади, на другую приходится торфяные, реже сфагновые болота, еще реже луга. Выделяются четыре провинции: Предтоболье, междуречье Тобола и Иртыша, междуречье Оби и Иртыша, правобережье Оби ¹³.

Среднегодовое количество осадков в лесной полосе 400—500 мм. Средняя температура в июле +14—19°, в январе —30°. Годовые минимумы могут опускаться до —55° ¹⁴. Животный мир лесной зоны богат и много-

образен, только млекопитающих здесь насчитывается более 70 видов¹⁵. Ее «гиблые места с коварными трясинами, глухомань, буреломы — рай для медведей, лосей, росомх, соболей... и для охотников на пушного зверя»¹⁶.

Такова характеристика экологической ниши, в которой протекала жизнедеятельность коренных групп населения Западной Сибири, обусловившая во многом становление и формирование хозяйственно-культурной специфики материальной базы, определившей конкретное направление исторического развития, своеобразие ряда общественных явлений, в том числе военного дела. Подобная экстраполяция основана на относительной стабильности природно-климатических условий, отмеченных для рассматриваемого периода, что подтверждается и неоднократно фиксируемыми особенностями традиционного развития форм материальной культуры коренного населения в эпоху средневековья. В историческом прошлом смещение ландшафтных зон затрагивало в большей степени южную периферию лесной полосы. При общей тенденции смещения лесной растительности к югу в сравнительно близкое к современности время под воздействием антропогенного фактора древесные формации отступили к северу. За 175 лет, которые прошли со времени посещения П. С. Палласом Сибири, площадь западно-сибирских лесов уменьшилась примерно на 80 млн. га¹⁷. С особой силой этот процесс проявился в XIX в. Так, только в результате пожаров 1860—1870 гг. пострадало несколько десятков миллионов гектаров лесных площадей. В начале нашего века Б. Н. Городков, разрабатывая схему ботанико-географических зон Западной Сибири, отметил южную границу леса в Барабинской лесостепи по линии форпост Каргат — южная оконечность оз. Убинского¹⁸, которая проходила через район Каинска (ныне г. Куйбышев). В настоящее время в этой зоне (Куйбышевский р-н) можно найти лишь редкие березовые колки: лесные массивы отступили на север. Не найдем мы сейчас в Барабе и отмеченных в XVIII в. И. П. Фальком обширных смешанных лесов — «урманов»¹⁹. Вряд ли есть необходимость продолжать перечисление ландшафтных изменений, достаточно вспомнить, что только в 1915 г. в Сибири от пожара погибло около 100 тыс. км² леса²⁰.

Подводя итог, можно отметить, что в исследуемое время в качестве театра военных действий рассматриваемая зона характеризовалась следующими специфическими чертами: 1) большой протяженностью закрытого пространства и ограниченной зоной видимости; 2) высокой степенью заболоченности (до 70%), повышенной густотой речной сети (0,2 км на 1 км² и более), как следствие этого, сильным затоплением и долгим стоянием паводков, что исключает или крайне затрудняет проведение военных операций на большей части территорий, по крайней мере в летнее время; 3) довольно сложным пересеченным рельефом, который в совокупности с залесенностью и заболоченностью ограничивает сообщение и крайне затрудняет или практически исключает передвижение войск; 4) повышенными естественными защитными свойствами местности; 5) континентальным климатом, который вместе со всем комплексом природно-географических факторов предполагает сезонное ограничение размаха военных действий. Все эти особенности могли оказывать различное влияние на характер операций и сам облик военного дела (в зависимости от общего уровня социально-экономического развития населения и в первую

очередь производственной базы). При одном и том же уровне социально-экономического развития и в сходных условиях природно-географической среды у народов, даже не связанных между собой исторически и относящихся к разным этническим и языковым группам, возникают сходные явления в хозяйстве и материальной культуре. Они определяют облик хозяйственно-культурного типа, под которым понимается комплекс особенностей хозяйства и культуры, исторически складывающийся у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях природной среды²¹. В рамках хозяйственно-культурного типа мы попытаемся рассмотреть некоторые вопросы военного дела. Разумеется, речь может идти только о наиболее общих, потенциально возможных аспектах, ибо провести углубленную и всестороннюю детализацию на нынешнем этапе исследования пока не представляется возможным. Однако это не исключает изучения военного дела вообще, а лишь накладывает на него ограничительные рамки, позволяя использовать при интерпретации метод моделирования с дальнейшей верификацией полученных результатов конкретным этнографическим материалом. При этом встает вопрос о корреляции базовых категорий археологической культуры (АК) и хозяйственно-культурного типа (ХКТ), их сопоставимости и правомерности реконструкций. Данная проблема уже нашла свое разрешение в теоретических работах; в частности, выдвинуто положение, что «...АК прямо коррелирует с ХКТ именно там, где она является прямым и косвенным отражением конкретной реальности, а именно хозяйственно-производственной деятельности своих носителей, безотносительно к характеру той гипотетической общности, которая может скрываться или не скрываться за данной АК. ...В тех же случаях, когда мы имеем дело с АК высшего порядка или с комплексами различных дробных, но близко-родственных АК или АК, сходных по наиболее важным, связанным с хозяйственной деятельностью показателям, правомерно говорить об общности ХКТ, находящей свое отражение в АК, т. е. об общности на более высоком, нежели этнический, уровне, общности на суперэтническом уровне»²².

Говоря о методике археолого-этнографических сопоставлений, М. Ф. Косарев отмечает, что применение их «наиболее правомерно тогда, когда сопоставляемые археологические и этнографические факты отражают экологическую обусловленность явления, представляют собой закономерный результат рационального приспособления человеческого коллектива к окружающей среде»²³. Особенности же среды анализируемого района, традиционность и преемственность местных культур, непрерывность их исторического развития, сопровождаемая определенной консервативностью черт материальной культуры, отмечаемые исследователями²⁴, позволяют с наибольшей обоснованностью использовать эти сопоставления в русле ретроспективного метода, так как аналогичными оказываются условия времени, пространства и культурного сходства групп, дающих два ряда сравниваемых данных (археологических и этнографических).

В пределах Западно-Сибирской равнины еще с бронзового века формируются три основные хозяйственные зоны: 1) область производящего хозяйства (стенная полоса, юг лесостепи); 2) область традиционной присваивающей экономики (лес, тундра); 3) область многоотраслевого

комплексного хозяйства, сочетавшего производящие отрасли и присваивающие промыслы (север лесостепи, юг леса)²⁵. Исследуемая зона, таким образом, попадает в сферу распространения комплексной и большей частью присваивающей экономики. Комплекс природно-географических особенностей обусловил формирование хозяйственно-культурных типов, в которых традиционно значительную роль в различных сочетаниях играли охота и рыболовство, чей баланс имел тенденцию к смещению в ту или иную сторону в зависимости от сезонности, а также общих изменений среды. Здесь, еще с эпохи неолита и ранней бронзы, существуют четыре типа такого хозяйства, различающиеся преимущественно ориентацией на вид промысла. Локальные особенности, зависящие от местных физико-географических условий, не нарушали общей однородной натуральной основы хозяйства этих групп. Сама же «архаичность хозяйственного уклада аборигенов западносибирской тайги и связанная с ним консервативность материальной культуры объясняются относительной стабильностью ландшафтно-климатической обстановки в таежной зоне и отсутствием подходящих условий для внедрения в экономику производящих отраслей хозяйства»²⁶.

Сложение этнографически зафиксированных годовых циклов хозяйственной деятельности, вероятно, также относится к довольно раннему времени и совпадает с процессом становления охотничье-рыболовецкого хозяйства как такового. Поскольку все разновидности промыслового хозяйства, распространенные к приходу русских, основывались на присвоении готовых продуктов природы²⁷, взаимосвязь с ней, с последовательной сезонной сменой основного продуктивного звена, выступала в наиболее жесткой форме. Допустимая плотность населения, которая бы не нарушала сложившийся баланс, — 1 чел. на 30—40 км². М. Ф. Косарев отмечает, что вряд ли в древности она была выше²⁸. Высокая степень заболоченности, уменьшающая выход полезной биомассы, фактически еще более снижала эти показатели. Приуроченность наиболее высокопродуктивных участков к речным дренированным террасам и «гривам» вблизи водосборов обусловила специфику расселения и направленность хозяйства. В силу этих факторов высокопродуктивные, как и все пригодные, участки были освоены и закреплены уже в самые отдаленные времена. Результаты этого процесса зафиксированы этнографически. Так, П. С. Паллас писал о вогулах: «Живут они обыкновенно по лесам семьями или роднею вместе, и каждая семья присваивает своему владению столько земли, сколько окрестные соседи за ловлею объезжать им позволяют»²⁹. С этими сведениями смыкаются данные И. Лепехина, который в 1770 г. отмечал, что «всякой семье или юрте только в своих дачах ловить рыбу и промышлять дозволяется»³⁰. Аналогичное явление на селькупском материале прослежено Г. И. Пелих, которой выделено три типа земельных владений: 1) группы родственников; 2) несколько таких групп; 3) территориальная община (наиболее поздняя форма). Нарушение их границ, очевидно, было не столь уж редким, хотя и каралось смертью³¹. Здесь особенно остро проводилась линия свой — чужой. Представляется, определенные черты поземельных отношений нашли отражение и в формах материального воплощения верований. Например, одним из структурообразующих элементов святилищ, очевидно, можно считать территорию, где они расположены и на которую распространялась власть духа как

непосредственного хозяина. Такая территория имела собственное наименование, и здесь категорически запрещалось заниматься какой бы то ни было производственной деятельностью: будь то даже просто сбор ягод, не говоря уж об охоте или рубке деревьев. Божество выступало, таким образом, в качестве прямого земельного собственника. По свидетельству В. Ч. Зуева, «все места, кои в лесу богом отведены, как дачи, шли по протокам или урочищам и горам, в таком святом у них почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради ниже дерево рубят, ниже из реки против того места пьют до тех пор, пока пределы его границ проедут с такой осторожностью, чтобы и близко под берег не подъехать и веслом до земли не коснуться»³².

Хозяйственная структура, сложившаяся в южной полосе лесной зоны, несколько отличалась от рассмотренной выше. Хозяйственно-культурный тип сочетал здесь производящие и присваивающие отрасли. Исторически его основные черты прослеживаются с эпохи бронзы до этнографической современности, варьируя во времени и пространстве в основном за счет баланса отраслей. Они были обусловлены стремлением сочетать скотоводство с земледелием, охотой, рыболовством и собирательством. При этом отсутствовала специализация в какой-либо из форм хозяйственной деятельности. Уровень развития каждой отдельно взятой экономической культуры был невысоким³³.

Исторически и археологически зафиксированные миграции южного населения в лесную зону также должны были охватывать в первую очередь экологически наиболее благоприятные районы. Однако широкие полосы болот, существенно ограничивающие связи между соседними районами и являющиеся природными барьерами, направляли пути миграционных потоков вдоль рек или узких проходов между болотными массивами³⁴, уже, как правило, заселенными. Это вызывало процессы активного уплотнения населения и консолидации различных объединений, носивших милитаристский характер, которые сопровождалась бурными военными контактами. При этом усиление военизации и связанные с ней формы социального сплочения не исходили из экономических потребностей общества, не были следствием объективного развития производительных сил. Г. И. Пелих, в частности, отмечала, что самым страшным бедствием для селькупов было возникновение специфической военно-потестарной организации, которая создала такие условия для жизни народных масс, что само существование народа было поставлено под угрозу»³⁵. Как отмечает М. Ф. Косарев, рассматривая волнообразность социального развития западно-сибирских аборигенов, «с затуханием долговременной опасности, „главной и по существу единственной“ причины возникновения здесь политических образований типа „военной демократии“, должен был исчезать или, во всяком случае, затухать стимул, поддерживающий жизнь таких политических объединений. Именно в силу этих обстоятельств процесс перехода от родового строя к государству на протяжении нескольких последних тысячелетий, видимо, возобновлялся здесь неоднократно, но в условиях присваивающей экономики не шел (и не мог идти) дальше этой начальной стадии»³⁶. Бесспорно, становление государственности возможно лишь на базе производящего хозяйства, там, где существуют усло-

вия для сравнительно быстрого роста производства и связанной с ним высокой плотности населения, способствующих ускоренному формированию позднепотестарных и государственных структур³⁷. Разреженность же населения является деструктивным моментом и отрицательно сказывается на степени централизации социальной организации³⁸. С другой стороны, выделение организационных функций внутри общества началось раньше, чем оно достигло сравнительно высокой производительности труда (последнее необязательно было связано с появлением достаточного избыточного продукта, не говоря уже о прибавочном)³⁹. В этом смысле уровень общественного производства, достигнутый аборигенным населением лесной полосы, представляется вполне достаточным для формирования развитых позднепотестарных структур. Они зафиксированы в русских документах как многочисленные остяцкие княжества, серьезные столкновения с ними произошло еще в 1499—1500 гг. При этом в системе производства в условиях активных военных контактов особое значение приобретает пушной промысел. Он достаточно рано оформляется в самостоятельную отрасль и постепенно выдвигается на первый план. Меха служат одним из основных продуктов обмена. «Различные общины, — подчеркивал К. Маркс, — находят различные средства производства и жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»⁴⁰. Развитие процессов обмена вызвало по конечным целям все большую товаризацию хозяйства, при сохранении прежней натуральной основы и охотничье-промысловой направленности. Свидетельством сложения такого рода отношений еще в средневековье могут служить многочисленные находки на территории Западной Сибири сасанидского и другого привозного серебра⁴¹. Ал-Гаранати описал торжища с остяками, одним из предметов обмена на которых были восточные клинки⁴². Сферы подобных отношений охватывали целые регионы. В этом смысле показательна находка в Приполярном Урале средневековой сабли с армянской надписью⁴³. Сведения об обмене оружия на так называемых немых торгах содержатся и в русских документах⁴⁴. Уже в XI—XIV вв. на сибирских торжищах все более активную роль начинают играть торговые люди из Новгорода и Ладоги, к которым вскоре присоединяются поморы и москвичи⁴⁵. Видно, не случайно предметы вооружения приобретают в это время большое значение. Это увязывается с социальными процессами, происходившими в угорско-самодийских обществах. Экономическая структура стала существенно изменяться. Начался процесс смены ценностной ориентации. Охота, причем пушная, постепенно выдвигается на первый план. Как отмечено Г. И. Пелих, изменения в области охотничьей деятельности не носили прогрессивного характера. Шло отмирание одних ее видов (например, загона диких оленей) и консервация других, уничтожение зачатков прогрессивных форм производственной деятельности⁴⁶. Хотя эти процессы в полной мере проявились к приходу русских, их зачатки, видимо, следует искать в более отдаленном прошлом.

Во всяком случае, к моменту включения Западной Сибири в состав России «угорское общество было затронуто имущественным и социальным

расслоением в значительно большей степени, чем самодийцы сибирской тундры. В хозяйстве выделившейся знати применялся труд рабов и разорившихся общинников. Патриархальный род все больше распадался на семьи. Возникали соседские общины, коллективно владевшие промысловыми угодьями. На смену старым родовым организациям приходили земельные территориально-племенные объединения»⁴⁷.

Такое направление общественно-экономического развития порождало социальные противоречия. В этих условиях особый характер приобретали поземельные отношения. Проблема ресурсов и территорий всегда была одной из ключевых практически на любом этапе общественного развития. В условиях промыслового хозяйства или же при большей его доли в общем балансе она особенно остра и не затухает по мере общего социально-экономического развития. Земля выступает важнейшим исходным звеном производственного процесса и одним из его средств. Имущественная и опосредуемая ею социальная дифференциация имеют в своей основе различное отношение к средствам производства. Процесс закрепления и перераспределения территорий имел, таким образом, далеко идущие социальные последствия. Дополнительным ускоряющим фактором было развитие внутреннего и внешнего обмена, который разлагал равенство сородичей. Хотя основная экономическая база — охотничья, промысловая территория накануне прихода русских остается собственностью рода, и экономические отношения между родичами определенно очерчены, род перестает быть целостной экономической единицей⁴⁸. Такое положение дел не мешало в общем и целом, не выходя за рамки традиционных отношений, возникновению их новых социальных форм при длительном параллельном существовании старых, причем не обязательно в виде пережитка⁴⁹.

Ф. Энгельс намечал два возможных варианта формирования классового общества: путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта и через монополизацию общественной должностной функции. При этом в основе процесса как такового остается присвоение прибавочного продукта⁵⁰. В условиях, близких к предельной интенсификации производства, на первый план выдвигается экстенсивное освоение территорий, связанное с освоением новых участков и узурпацией родовых территорий и, соответственно, получаемого с них продукта. Обладание промысловыми угодьями создавало условия для эксплуатации соплеменников. Охотничье-промысловое хозяйство не требует крупных вложений для воспроизводства. Для него, наоборот, характерно накопление сокровищ⁵¹. В тех случаях, когда появлялась в силу каких-либо причин, в том числе экологических изменений, возможность хозяйственного освоения новых площадей, она немедленно реализовывалась коллективами. Именно этим объясняется массовое проникновение лесного населения на юг в эпоху железа, хорошо фиксируемое археологически на материалах Верхнего Приобья. В результате сдвигов лесных ландшафтных границ кулайское население, следуя привычной экологической среде, осваивало новые районы⁵².

В этой обстановке существенно возрастает роль военного фактора. Вследствие борьбы за землю учащаются военные столкновения и соответственно возрастает власть военных вождей. С завоеванием и обложением данью появляются дополнительные источники дохода, которые испол-

зуются для привлечения на свою сторону людей, не связанных с традиционными структурами власти⁵³. Это находит отражение в формировании типов представителей потестарной власти. Например, у селькупов были военный вождь (богатырь), стоящий во главе ополчения родоплеменной общности, и князцы (коки, мютыкоки), обладающие военной насильственной властью над захваченной территорией и населением, границы которой складывались вне связи с ареалами былых родоплеменных объединений и определялись лишь военными возможностями того или иного князца. По силе военной власти и широте потестарных прерогатив выделяются «большие князья», возглавляющие объединения, состоящие из территорий более мелких «князей». В целом, отмечает Г. И. Пелих, власть кока была чужда старинной родоплеменной структуре⁵⁴. Выделяются два типа земельных владений (земли родоплеменной общности и территориальное объединение, образованное силой оружия) и соответствующий им тип народного собрания. Различия между этими представителями потестарной власти проявляются и в культурной сфере. Связь с духами, защищающими землю вместе с ее живыми хозяевами, экстраполировалась по мужской линии. Мистические отношения между ними выражались в том, что матуры сент-пра — духи мифических хозяев территории — считались «живыми» до тех пор, пока был жив кто-либо из их потомков, и теряли силу и власть над ней после смерти последнего мужчины⁵⁵. Отсюда кровопролитные войны, зачастую тотальное уничтожение населения, прежде всего мужского. Предания рисуют жестокость, беспощадность нападавших, которые «всех убили, даже собаки, привязанной к песту, не оставили»⁵⁶. Жестокость была характерна для столкновений доклассового общества, когда, по словам Ф. Энгельса, до определенного «времени не знали, что делать с военнопленными, поэтому их попросту убивали»⁵⁷.

Аналогичные процессы происходили и в обско-угорском обществе. Разложение родовых отношений и выделение различных социальных прослоек, в том числе и военизированной родовой аристократии (как это было у селькупов), на материалах фольклора зафиксировал С. К. Патканов⁵⁸. Сравнительно недавно многие вопросы, и в первую очередь связанные с характером общественного строя, социально-экономического развития обско-угорского общества, были предметом острой дискуссии. И хотя часть их них еще не нашла окончательного разрешения, можно констатировать наличие у обско-угорских народов, как и в селькупском обществе, князей, богатырей, рабов⁵⁹ и других промежуточных социальных прослоек, границы которых не вполне ясны и четки. Представляется возможным говорить и о своего рода дружинной прослойке: военной аристократии, составлявшей специализированный контингент военных формирований. Однако собственно о профессиональных воинах речь, по всей видимости, идти еще не может, поскольку имеющиеся материалы не свидетельствуют об отрыве их от непосредственного производственного процесса. Формирование слоя профессиональных воинов — явление уже более позднего порядка и связано со складыванием государственности. В материалах Сибирского приказа эта прослойка зафиксирована в виде категории так называемых служилых остяков. Она наиболее заметна в тех случаях, когда власть князца носила территориальный характер, т. е. распространялась на ареалы различных родоплеменных объединений.

В этой ситуации она, в общих чертах, формируется на основе групп, под эгидой которых проходило объединение. Так, все кодские ханты, жители первоначальной «вотчины» князей Алачевых, в отличие от населения впоследствии присоединенных территорий были «служилыми»⁶⁰. Сходное явление наблюдалось и в селькупских объединениях. Люди (в русских документах — «товарищи»), с которыми выступают в походах князья, именовались в устной традиции «ляками», что значит воин, стрелок⁶¹. Однако стать воином князю мог не каждый. Одним из необходимых условий было наличие у неопита духов — покровителей предков, культ которых устойчиво связывается с родовой территорией⁶². Ляк обязывался нести военную службу во время предпринимаемых князьями походов и набегов. В связи с вопросом генезиса и перспективы развития аналогичных военизированных образований Ф. Энгельс писал, что возникающие рядом с родовым строем объединения людей, жаждавших добычи, вокруг удачливых военных вождей для ведения войн частного порядка постепенно приобретают регулярный характер. Вождь (в данном случае «князь») устанавливает среди них известную иерархию; для малых походов они служили отрядом телохранителей, всегда готовым к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом⁶³.

Аморфность и нечеткость этой прослойки в остячко-самоедском обществе проявлялась уже в том, что она не отрывалась от непосредственной производственной деятельности, как, собственно, и сам князь. Хотя монополизация общественной должностной функции, как отмечал К. Маркс, и сокращает прямое физическое участие в материальном производстве того, кто ее монополизировал, сам по себе управленческий труд остается производительным⁶⁴. Подобное явление, видимо, было характерным для населения лесной полосы.

Позднее, во времена, зафиксированные русскими архивными документами, служившая военной прослойка в отличие от других категорий перестала платить князю яsak, который взимался только с населения присоединенных областей⁶⁵. Как и прежде, эти воины должны были являться по первому зову к князю, что они, очевидно, охотно и делали, поскольку грабеж соседей приносил им немалые доходы. «Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей... Грабеж им кажется более легким и почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения или расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»⁶⁶.

Военизированные формирования богатырей и князцов, по сути, являлись еще милиционными образованиями. Имеющиеся источники позволяют предполагать, что собственно военные формирования состояли из двух неравных частей, большую из которых составляло ополчение. Материалы героических сказаний и устной традиции живо рисуют эту картину: когда вопрос о походе решен, «младший муж встал, взял из-за чувала полено, нарезал на нем три грани и отметил зарубками 150 мужей со своей стороны: (где) был плох отец, зарубался сын, (где) был плох сын, зарубался отец». Так же поступал и другой брат. Далее назначалось время и место сбора, даются наставления⁶⁷. В случае особо грозной опасности выступление носило, видимо, тотальный характер в рамках племенного

объединения. Относительно селькупов, например, известно, что в старину при крайней необходимости в военные формирования включались женщины и подростки, т. е. все, способные носить оружие⁶⁸. Ханты, призывая на войну, посылали специальную стрелу, на которой были начертаны магические знаки: «А на стреле нарезано одиннадцать шайтанов с рубежи, да и стрельное железо терто»⁶⁹.

Низшей военной единицей, очевидно, выступала группа родственников. В пользу этого свидетельствуют данные о хозяйственной структуре, сложившемся характере поземельных отношений и материалы фольклора. Причиной военных столкновений часто было нарушение земельных границ. Хозяева угодий могли убить любого чужака, зашедшего без разрешения на их землю или посягнувшего на право промысла на ней. Земля распределялась на семейные участки⁷⁰, которые из-за определенной территориальной распыленности защищались в первую очередь именно семьями. В силу своей незначительности семьи не могли выставить большое число воинов и были в состоянии отразить лишь спорадические, непродолжительные нападения таких же групп. Военным предводителем в этих случаях выступал глава семьи или хозяин стойбища. Образ такого начальника запечатлен во многих преданиях: хантыйских, селькупских, ненецких, чулымских⁷¹.

По мнению С. К. Патканова, содержание войн представляло собой «военные походы остяцких князей или богатырей друг против друга или самоедов ради добычи невест или войны напавших на них ради той же цели соседями»⁷². Это замечание относится, на наш взгляд, в большей степени к форме войн. Исследование общего направления социально-экономического развития, характера взаимоотношений с соседями позволяет расширить и конкретизировать этот вопрос. Глубокий анализ войн как социального явления был дан классиками марксизма-ленинизма. Они отмечали, что их генезис уходит корнями в глубь доклассовой истории человечества⁷³. Ф. Энгельс указывал на различия войн доклассовой и классового общества. Практически любая сфера социальной структуры, взятая на каком-либо этапе, характеризуется сложным переплетением компонентов. Не составляет исключения и военная. Несомненно, первая стадия в развитии войн к моменту зарождения и сложения эпоса (конец I — начало II тыс.) у народов лесной полосы Западной Сибири была уже пройдена, однако в нем зафиксированы ее отзвуки, которые в преданиях и богатырских сказаниях северных групп носят более выраженный характер. Здесь более рельефно прослеживается роль регламентирующих правил и стариков, примиряющих стороны, прекращающих кровопролитие (например, былина «Три богатыря с Вор-я-реки»⁷⁴). Идею о том, что ослабевшая сторона может с полным правом потребовать передышки, о запрете на возобновление битвы без предупреждения можно найти в целом ряде сказаний⁷⁵. В преданиях этого круга не встречаются сведения о пленниках или же целенаправленном грабеже противника. Чаще всего речь идет о столкновениях во время походов за невестами или же о совершении акта кровной мести. Пленных в те времена не брали, противника или убивали, или отпускали, иногда увечного «для памяти». Однако, как можно понять, увечье наносили тем, кто нарушил договорные обязательства⁷⁶. В сказаниях постоянно присутствуют сюжеты, связанные с обычаем кровной мести⁷⁷.

Хотя, по преданиям северной группы, здесь, так же как и в более южных остяцких княжествах, высятся городки богатырей, окруженные в «семь рядов палисадами», «вершинами, за темные тучи задевающими», войны носят иной характер. Они ведутся, по выражению Ф. Энгельса, «чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной», но не для грабежа. «Седоголовые старцы» народных собраний еще в силе. Князцы, несмотря на сравнительно поздний характер былии, в которых нашли уже отражение встречи с русскими, не упоминаются.

Несколько иную картину рисуют фольклорные данные более южных областей, особенно тех, в которых к приходу русских сложился упомянутые выше княжества. Здесь со все большим постоянством начинают звучать сюжеты, связанные с грабительским характером столкновений. Так, в предании о богатыре с р. Сабуна повествуется о его борьбе с самоедским богатырем. С последним просят расправиться находящиеся в зависимости мужчины, обижаемые «самым бесчеловечным образом». К сожалению, «обиды» эти не конкретизируются, и можно лишь строить предположение об их экономических причинах. Это, по нашему мнению, подтверждается последующим после победы разделом имущества и фразой, оброненной при этом богатырем-победителем: «Это он у вас взял, вашего же нам ничего не нужно». Однако богатырь с Сабуна не такой уж альтруист. Чтобы увеличить причитающуюся за ратный труд долю, которая, очевидно, представляется ему малой, он проделывает маленькую и весьма показательную хитрость. Одержав с помощью прямого вмешательства своего брата, нарушившего своим участием регламентирующие правила единоборства, победу, «забрали... из юрты лучшее добро, пошли по лабазам и из них выбрали, что получше, и спрятали неподалеку; потом, как ни в чем ни бывало, воротились к самоедам, которые еще спали»⁷⁸. После этого начинается дележ. Таким образом, имея ограниченные возможности в доле, победитель добывается своего обходным путем. В предании «О Лорвожском соре» богатырь Ерыньодыр (самоед) за военную помощь в трудную минуту получает «все пожитки и оленей», а также право безвозмездного пользования Лорвожским сором, «чтобы в будущем никто из обитателей Лорвожского сора не препятствовал моему народу — самоедам — производить рыбную ловлю»⁷⁹.

В обширной серии героических преданий пртышских остяков (хантов), собранных С. К. Паткановым, отчетливо звучат захватнические мотивы походов. Один из предводителей такой экспедиции вполне честно и однозначно определяет ее цели: «Брат, зачем спят так долго мужи, (намеревающиеся) завоевать изобилующие рыбой источники чужой земли?»⁸⁰ С. В. Бахрушин приводит документы, свидетельствующие именно о таком характере набегов кодских «князей», о постоянных опустошительных войнах приобских хантов с самоедами, сопровождавшихся тотальным грабежом и являвшихся существенным источником патриархального рабства.⁸¹ И хотя в фольклоре богатыри порой посылают предупреждения о нападении, это звучит уже как отзвук старой традиции и выглядит скорее исключением, чем правилом. Сюжеты же, связанные с внезапными набегами, становятся вполне обычными⁸². Мнение «седоголовых старцев» в военных вопросах не пользуется здесь уже столь непререкаемым авторитетом. Их в большинстве случаев выслушивают и поступают по-своему.

Характер эпохи запечатлелся и в сие еме космогонии. Мифология выступает здесь идеологическим отражением общественного бытия⁸³. Божества и мифические герои предстают в весьма воинственном виде. Реалиям, в том числе войнам — их причинам, характеру и цели, созвучны сюжетные коллизии. Третий сын Нуми-Торуа — верховного божества обско-угорского пантеона — Нюр-Ойка, несмотря на миролюбивый характер, из-за своего огромного богатства подвергается частым нападениям, которые он вынужден отражать⁸⁴. Не обходит стороной беда и самого Нуми-Торуа. Божество царства теней Куль-Одырь приходит к нему в гости «полюбоваться его домом, а если возможно, то и отнять». Он предпринимает попытки нападения, проводит целенаправленную осаду. Нуми-Торуа вынужден отсиживаться за крепкими запорами⁸⁵. Весьма показателен воинственный облик божества Тахыт-Котл Торуа. В мифах о нем нашла отзвук поземельная вражда. Тахыт-Котл Торуа не удовлетворяет место, где он родился и вырос (родовые угодья). Тогда он переправляется через реку и захватывает новые территории, побивая при этом всех окрестных богатырей. Здесь строит городок, своего рода ставку, закрепляя тем самым свою власть и право на эту землю⁸⁶. Налицо типичное новое территориальное образование, созданное силой оружия. В реалии образования подобного рода хорошо известны. Сфера идеологии, таким образом, становится в значительной мере подчиненной интересам освящения культа, силы и воинской доблести.

По мере постепенной трансформации общества среди форм психологического воздействия ведущее место занимают религиозные представления, важнейшей составной частью которых и формой выражения служит ритуал. В этом аспекте определенный интерес представляют материалы культовых коллекций из Приобья. Значительную долю среди Елыкаевской, Парабельской, Холмогоской коллекций составляет оружие. Скорее всего, эти остатки этнографически хорошо известных культовых амбарчиков отражают единое явление культурно-исторического плана, а именно «танцы с оружием», известные по материалам обских угров⁸⁷.

Все вышеупомянутые комплексы, даже если отвлечься от оружия, составляющего львиную долю находок, демонстрируют определенное сходство по составу инвентаря, его семантической окраске, отражающей, видимо, какой-то общий культовый, знаковый и, вероятно, всего, идеологический пласт. В пользу этого соображения свидетельствуют оружейный комплекс, а также бронзовые личины, круглые бляхи-зеркала, изображения коня и всадника, терпоморфное литье.

Сходны и условия их обнаружения. Так, Парабельская коллекция, как указывал Р. А. Ураев, была найдена на берегу р. Вяловки (левый приток Оби) в 1,5 км к западу от пос. Парабель. На этом месте вдоль берега реки на территории протяженностью около 2 км расположено более 100 крупных невысоких бугров (курганы?) овальной формы. Их диаметр 10—50 м, высота 1—2,5 м. На восточном склоне одного из бугров в мае 1955 г. была выпахана большая коллекция кулайского типа. «Заложенный квадрат размерами 1,5×1,5 м дал более 10 ажурных поделок и показал, что на этом месте в древности стоял священный амбарчик, по-видимому в виде поздних остяко-самоедских»⁸⁸. Ишимский клад был обнаружен в 1911 г. крестьянами с. Ишимка, расположенного в 50 верстах к северу от Ачинска на островке боровой растительности, близ берега

мохового болота в таежной, низменной местности при распахке пашни⁸⁹. В сходных условиях во время нефтеразведок был найден и Холмогорский клад.

Скопления антропо- и зооморфного литя достаточно часто встречаются в Нижнем Приобье. Они бытовали здесь долго, начиная от усть-полуйского и кулайского времени. Вспомним Мурлинский, Истяцкий, Лозьвинский, Кривошеинский, Васюганский и другиеклады⁹⁰, во многих из которых присутствует оружие. Если культовая принадлежность данных памятников почти не вызывает сомнения, то с вопросом датировки дело обстоит сложнее. Его решение осложняется тем, что вкладах присутствуют вещи различного времени.

В. А. Могильниковым высказана гипотеза о происхождении Елыкаевского клада с жертвенного места, где некогда стоял небольшой амбарчик. В нем «находились деревянные идолы (тонги, или лозы), которым в качестве жертвы приносились различные изделия, в том числе и особо чтимые древние вещи. Когда святилища оказывались заброшенными, деревянные части их разрушались, а металлические вещи компактной массой попадали в землю»⁹¹. Это предположение хорошо коррелируется с приведенными выше наблюдениями Р. А. Ураева при обследовании места обнаружения Парабельской коллекции. Известно немало таких амбарчиков. Сообщения о них встречаются почти во всех работах путешественников и исследователей, посещавших в отдаленном и не столь отдаленном прошлом глухие таежные районы.

Еще Гр. Новицкий писал, что остяки «на холмах же превысочайших и мезьцах израдных, всякому видению приятных, кумиры свои поставляют, иногда далече от своих жилищ... Се же в знамение чести угодныя изобретають мезьца, кумирни пространные созыдають, в них же покладають кумиры и тамо приносимыя перед ними сьедають свои жертвы»⁹². Однако не без участия того же Гр. Новицкого множество таких «кумирок» и «кумирен» было разорено. И уже Н. Л. Гондатти отмечал, что месторасположение жертвенных мест «скрывается от всех и только одни сборщики да очень небольшое число посторонних лиц знают, где оно находится»⁹³. Справедливости ради следует отметить, что, очевидно, жертвенные места старались скрывать и раньше. И. Идес и А. Брандт, проезжавшие по Сибири в 1692—1695 гг., свидетельствуют о потаенности культовых мест⁹⁴. П. С. Паллас пишет, что «все места, божкам посвященные, ограничены от остоков или реками, или ручьями, или другими приметами, и таковые идолов дащ так от их хранимы, что без огорчения, по их мнению, божка владетель того места ни под какую нуждою ни травы сорвать, ни дерева срубить, ни за зверем гнаться, ниже рыбы ловить, ниже в том месте воды не смеет, и есть ли кому мимо плыть случиться, то остерегаются невозможнейше, чтоб не подъезжать близко»⁹⁵.

Обычно в подобных «кумирнях» было оружие. Гр. Новицкий отмечает здесь многочисленные «знамения воинских дел, шабель, панцеров множество обретається, но вся сия ветхая, а напаче при кумирах, и отуду является, что древних лет сей народ упражняшеса воински дель»⁹⁶. П. П. Инфантьев, осмотревший на Конде одно из таких мест, обратил внимание, что среди подношений лежало старинное оружие, в том числе лук и стрелы⁹⁷. Аналогичные свидетельства приводит К. Доннер, он упоминает среди прочего меч и саблю⁹⁸. В. Шавров при обследовании остяцких

(хантыйских) идолов зафиксировал, что один из них — Ортик — был «поставлен в переднем углу хранины на вызвышении, в виде стола сделанном, и окружен копиями и саблями, воткнутыми в стол»⁹⁹. «Мужские идолы, — замечает А. Кастрен, — нередко имеют при себе меч сбоку и броню»¹⁰⁰. Е. Д. Прокофьева, специально обследовавшая ряд культовых мест селькупов, дает описание одного из них: «Около амбара с изображением Ыя, на площадке лицом к дверям амбара, имелось другое изображение Ыя в боевом наряде. Фигура сделана из дерева так же, как и находящаяся внутри амбара, но по бокам обрубка вколочены палки, изображающие руки. На Ыя надета железная кольчуга, та, что селькушы называли... „железная парка“»¹⁰¹. О наличии в священных местах копий и стрел и другого оружия, носившего зачастую сакральный характер, сообщают В. Ф. Белявский, Г. Ф. Миллер, Б. Н. Городков¹⁰². Сведения подобного рода не редки, их можно встретить в самом широком круге работ. Известны и случаи, когда основой «тряпичного» изображения божества служило оружие (пика, сабля, наконечники стрел), на которое сверху друг на друга надевались рубахи и халаты¹⁰³.

Обращают на себя внимание изображения лиц «идолов», или «пайтанов», установленных в культовых местах. Гр. Новицкий в начале XVIII в. видел в Шокоровских юртах хантыйских божков. По этому поводу он писал: «... в среде поленце отпятьдесят лет прикладными обитое сукнами, а наверху з жести изваянная личина, мало что быше подобие человека <...> кумир изсечен из дерева в подобие человеце, сребрено имеющ лице»¹⁰⁴. Г. Ф. Миллер отмечал, что белогорский идол «представлял фигуру человека небольшого роста, очень грубо сделанную из дерева. Но дерево нельзя было заметить, т. к. все лицо идола было покрыто белой жестью и имело только отверстия для глаз и рта»¹⁰⁵. По свидетельству В. Шаврова, «кумиру» Ортика было «приделано лицо, выбитое из серебра»¹⁰⁶. Об обычае украшать лица деревянных изображений духов металлическими бляхами говорит и А. Кастрен¹⁰⁷. Эту характерную деталь также отмечает Е. Д. Прокофьева: «В амбаре находились изображения самого Ыя и его семьи (жены и детей), вытесанные из дерева. Эти деревянные фигуры характерны и для обских угров — длинный обрубок не толстого дерева, на одном конце которого грубо вытесаны голова и лицо; другой конец заострен в виде кола. Лицо Ыя и его жены обиты жестью, на месте глаз вставлены бусины; лица детей вырезаны из дерева»¹⁰⁸. Этот список можно пополнить свидетельствами Л. Р. Шульца и Б. Н. Городкова, которые отмечают одну весьма важную и принципиальную деталь: хотя по истечению определенного срока (7 лет) деревянные изображения идолов меняются, «жестяное лицо главного тонха не делается вновь, а прикрепляется на нового тонха. Все остальные металлические изделия тоже сохраняются»¹⁰⁹.

Таким образом, антропоморфные личины в составе «кладов» можно, очевидно, интерпретировать как накладки на лица деревянных идолов. Вероятнее всего, к атрибутам последних относятся и предметы бронзового литья. В. Ф. Белявский обращает внимание на то, что у идола с Воксарских юрт «платье окладено разными медными и железными из блях фигурками, всяких животных изображающими»¹¹⁰. Любопытную информацию о литых оловянных, медных и железных фигурках ящериц, змей, птиц, положенных или завернутых в прилад деревянным «пайтанам», можно

почерпнуть из сообщений В. Ф. Зуева, В. Шаврова, А. Кастрена, Сирелиуса, Е. Д. Прокофьевой¹¹¹. Как отмечает Н. Л. Гончарова, ненцы, ханты, манси вешали многочисленные подвески и бляхи на идолов или на деревья в местах так называемых идольских чтилищ. Ею же приводятся архивные сведения о том, что при сожжении одного из них по указанию властей в 1837 г. вместе с идолом было уничтожено не менее 2000 «привесок»¹¹².

О терiomорфных изображениях К. Ф. Карьялайнен писал, что они, собственно, являются «помощниками» основного антропоморфного духа или приносились как жертва последним, хотя фигурки тех или иных животных могли выступать в качестве самостоятельных духов. По его мнению, «эти помощники прежде были не чем иным, как формой проявления духа, так сказать маскировкой, к которой прибегал дух в силу обстоятельств»¹¹³. Конкретизируя эту мысль, В. М. Кулемзин отмечает, что подобные существа, облик которых мог принимать дух, помогали проникать ему в труднодоступные места. Информаторы называют также фигурки детьми духа. Каждая из них заворачивалась в отдельную тряпочку и прикладывалась к идолу¹¹⁴. Впрочем, предметы литья могли служить и основой (сердцевиной) фигурки-символа божеств, составленной из ткани и надетых друг на друга одежд, а также ассоциироваться каким-то образом с представлениями о душе или тотемных предках¹¹⁵.

Наличие в комплексах разновременных предметов, особенно бронзового литья, также находит свое объяснение. «Археологические предметы... пользовались у обских угров особым почитанием и становились предметами культа. Чаще всего это были небольшие фигурки животных и людей, многим из которых ханты и манси приписывали небесное происхождение», — замечает С. В. Иванов. При этом «особое внимание уделялось небольшим литым изображениям всадников, коньков, птичек, медведей и некоторых других животных, в образах которых обские угры видели персонажей собственной мифологии и культа, усматривали сходство с животными тотемами»¹¹⁶. Г. И. Пелих отмечает, что факту находки «упавших с неба громовых стрел», а также различных антропо- и зооморфных изображений придавалось огромное значение. Считалось, что фетиши сами выбирают себе нового хозяина и заставляют найти и принять их. Согласно традиции, нашедший необычную вещь или старинное изображение мог считать себя избранником духа¹¹⁷. В этом смысле представляется весьма показательным тот факт, что еще сравнительно недавно жители таежной полосы «узнавали» в показанных им археологических вещах персонажи конкретных духов.

Персонализация предметов соответственно собственному восприятию была использована торговыми людьми, снабжавшими местное население различными привозными изделиями, в частности украшениями. При этом сюжеты поделок с различными зоо- и антропоморфными изображениями, в том числе вооруженных людей, несомненно, представляли собой мотивы, созвучные условиям материальной жизни¹¹⁸ и, безусловно, идеям аборигенного населения. Широкое распространение вещей подобного рода, видимо, позволяет сделать вывод о существовании каких-то общих мировоззренческих принципов. В эпоху раннего средневековья — в середине и второй половине I тыс. — они отразились в привозной сасанидской серебряной посуде и последующих палимпсестах на ней, в том числе и в воинственных фигурах.

Оружие являлось атрибутом целого ряда культовых действий. Об использовании «югрой» в ритуалах клинкового оружия сообщает Абу Хамил Ал-Гарнати. Н. Л. Гондатти описывает обряд камлания с использованием топора, вместо которого иногда употреблялись нож или «старинная шпага». Считалось, что божество Мир-Сусне-Хум сообщает о своем появлении ударами стрел. По Е. Д. Прокофьевой, лук и стрелы в отдельных случаях заменяли шаманский бубен. На использование в обрядах подобного оружия указывает Н. Костров¹¹⁹. Кроме того, оружие несло и знаковую нагрузку — выступало широким символом. Так, в одной селькупской легенде говорится: когда новорожденного мальчика первый раз вывозили на родовое озеро, в воду бросали лук и стрелу¹²⁰, как залог (символ) будущего охотника и воина. Последнее проступает особенно рельефно, если вспомнить, что название воина «лака» в своей этимологической основе означает военную стрелу¹²¹. Подобный ритуал известен у васюганско-ваховских хантов. Только здесь лук и три стрелы вешали на ель или сосну. Салымские же ханты помещали лук и стрелы в амбарчик, точно так же поступали и манси¹²². Этнография зафиксировала обряд, который, кажется с большей степенью вероятности, отправлялся в культовых местах, откуда происходят рассматриваемые «клады». Это «танцы с оружием». Подробные описания этого обряда, оставленные В. Шавровым и А. Кастреном¹²³, очень близки и различаются лишь второстепенными деталями, некоторыми стилистическими особенностями, что наводит на мысль о некотором едином первоисточнике или же о поразительной устойчивости обряда.

Церемония начиналась около 20 ч и продолжалась до 2 ч. Каждый приходящий сюда остяк «вертелся по три раза перед кумпром и потом садился на правой стороне юрты на полу или на нарах... Левая же сторона нар была закрыта занавесом, за которым находились остячки, кои при входе также вертелись перед кумпром»¹²⁴. По другим сведениям, за левую перегородку уходили совершить по три поклона только некоторые остяки¹²⁵. «Наконец, как все собрались, шаман загремел саблями и копьями железными, заблаговременно приготовленными и лежавшими над кумиром на мостках, каждому из предстоящих, кроме женщины, кои были закрыты занавесом, дал или саблю, или копье, а сам, взяв по сабле в ту и другую руку, стал спиной к кумпру. По получении сабель обнаженных и копий остяки стали вдоль юрты рядами, и на нарах также все выстроились, вернулись все вдруг по три раза, держа перед собою сабли и копыя. Шаман ударил своими саблями одна о другую, и тогда по команде его разными голосами вдруг загайкали, кланяясь из стороны в сторону. Гайкали то редко, то вдруг очень часто, то опять редко, не отставая один от другого, и при каждом повторении гай („хай“, по А. Кастрену) переваливались то направо, то налево, осаживая копыя и сабли несколько книзу и подымая вверх. Крик сей и движение или перевалка остяков продолжались около часа.

Остяки чем более кричали и качались, тем более, казалось, приходили в некоторый род изступления, и наконец так, что я без ужаса не мог глядеть на лица их, кои весьма много сначала меня занимали», — продолжает В. Шавров. «Нагайкавшись довольно, все замолкли и перестали качаться, вернувшись по-прежнему, отдали сабли и копыя шаману, который, собравши их, положил туда же, где они прежде лежали». Затем из-за занавеса выходят женщины, и начинается пантомима и пляски совместно

с мужчинами. «Посл. сего Шаман снова раздал сабли и копыя. Остяки, получив их, как и прежде, вернулись, довольно времени также гайкали, опять вернулись, в заключение, стукнув концами сабель и копий в пол три раза, отдали их обратно и разошлись по своим юртам»¹²⁶.

А. Кастрен отмечает, что в этом описании выступает только один идол и праздник выглядит так, будто его справлял только один род. Им же собраны сведения о более крупных мероприятиях. Далее он поясняет, что, по рассказам, «празднество это продолжается десять ночей сряду, и что в каждую эту с оружием в первую ночь пляшет перед идолами только один шаман, во вторую — два остяка, в третью — три и так далее, в той же прогрессии, до последней ночи, когда все присутствующие, даже женщины, имеют право воздать идолам эту почесть»¹²⁷. После всего, дополняет С. В. Иванов, участники праздника приносят жертвы и поедают мясо¹²⁸.

У хантов обряд воинственных танцев сохранился до недавнего времени, их наблюдали уже в наши дни¹²⁹. У манси мужчины, участвовавшие в пантомиме, надевали особое платье и укрепляли на лбу специальные серебряные или посеребренные пластины¹³⁰. О существовании такого ритуала у селькупов достоверных сведений не сохранилось. Однако есть основания полагать, что он практиковался в прошлом. Парабельская коллекция найдена на территории, традиционно попадающей в зону расселения селькупских и протоселькупских групп. Прослеживается определенная преемственная связь между коллекцией и этнографическими материалами этих этнических образований. Кроме этого известно, что в ритуальных танцах (например, у манси) использовались деревянные мечи¹³¹. Естественно, среди археологических материалов они не сохранились, однако в числе находок Д. Т. Яновича с могильника Халас Погор и жертвенного места Воде-Нял на о. Хэя есть несколько деревянных сабель и мечей, которые скорее всего связаны с пясками с оружием. Учитывая, что памятник расположен в контактной зоне угорского и самодийского населения, можно сделать предварительный вывод о знакомстве северных самодийцев с такими танцами. Выше уже упоминалось о хранящихся в фондах Музея истории и культуры народов Сибири и Колдашевском краеведческом музее шаманских селькупских и эвенкийских саблях. С. В. Ивановым опубликована эвенкийская фигурка человека с копыями в руках в позе, как принято считать, танца. Неожиданные соответствия средневековым «танцующим фигуркам» можно найти на удэгейском шаманском нагруднике: на нем изображен человек со слегка согнутыми ногами и разведенными в стороны руками, с зажатыми в них кривыми клинками. На груди у него показаны крохотные фигурки антропоморфных духов-помощников¹³². Поза человека, характер его вооружения вызывают ассоциации с известными средневековыми «танцующими фигурами» на серебряной посуде угров. На основании всего комплекса фактов можно высказать предположение о знакомстве с вышеописанным обрядом тунгусских групп Обь-Енисейского междуречья, и прежде всего населявших контактные зоны.

В целом «военные танцы», видимо, имели достаточно широкое распространение. Во всяком случае, в восточных хрониках конца VI в. встречаются свидетельства о существовании их у тунгусских племен, знали их и савиры Северного Кавказа, отголоски этого ритуала отмечены у юго-восточных групп башкир Южного Урала, известны действия такого рода, наконец, среди индейцев Северной Америки, переживавших пример-

но сходную стадию общественного развития¹³³. Причины появления этого феномена, несомненно, кроются в той религиозной основе, которая сложилась на базе господствующей формы хозяйственной деятельности, когда в силу ряда внешних и внутренних причин усиливались военные тенденции позднестарших структур и древние общества вступали в эпоху «военной демократии».

О времени его возникновения и характере могут быть высказаны лишь предположения. Несмотря на нередкое использование материалов «кладов» в специальной литературе, датировка их представляет значительные трудности в силу эклектичности комплексов. Однако для нас важно учитывать вторичное использование в рамках одного явления материальных следов другого, пусть даже относящегося к одной сфере — идеологической. В. А. Могильниковым Елыкаевская коллекция обоснованно датирована VII—VIII вв.¹³⁴ Эту дату, видимо, и можно принять за основу. Следует, однако, отметить, что Елыкаевская коллекция, очевидно, является все же самой поздней. Комплексы остальных «кладов» больше тяготеют к середине I тыс. Таким образом, представляется возможным считать, что ко второй половине I тыс. данное явление (танцы с оружием) предстает в законченном, сформировавшемся виде. Это, кажется, подтверждается известными бляхами и блюдами с процарапанными и отлитыми в рельефе вооруженными фигурами, стоящими на чуть согнутых ногах. Серебряное блюдо хазарского, по заключению В. П. Даркевича, производства¹³⁵ с угорскими палимпсестами, найденное в Березовском уезде, относится ко времени между VIII—X вв. Бронзовая бляха из Тобольского музея с тремя вооруженными танцующими фигурами, опубликованная А. Гейкелем и А. Спицыным, также датируется VI—IX вв.¹³⁶ По сюжетным и стилистическим особенностям к ним вплотную примыкает собранная А. Спицыным серия вторичных, процарапанных на блюдах фигур с мечами в обеих руках¹³⁷. В этот же сюжетный пласт, по всей видимости, входит и схематичное изображение человечка с мечами в руках из Ишимбаевского могильника на Южном Урале, датированное Н. А. Мажитовым IX—X вв.¹³⁸ К VI—VIII вв. — Л. А. Чиндина относит зарождение богатырского эпоса лесного населения Приобья¹³⁹. Как известно, ни одно явление не возникает в готовом виде. На период VI—X вв. можно говорить, видимо, о максимальном распространении традиции культа, его истоки следует искать гораздо раньше. В этой связи интерес вызывают гравировки на панцирных пластинах эпохи раннего железа — кулайской и усть-полуйской культур¹⁴⁰. В обоих случаях изображена личина с мечами скифского типа с двух сторон. В. И. Мошинской поставлен вопрос о существовании военных танцев уже в усть-полуйское время¹⁴¹. В. Н. Чернецов отмечал, что появление уже в этот период «изображений воинов с мечами (например, гравированное изображение на нагрудной пластине из Усть-Полуя), пожалуй, еще в большей степени, чем городища, свидетельствует о значительном возвышении роли начальника»¹⁴².

Ю. А. Плотниковым высказано мнение, чтоклады, судя по наличию в них большого количества самого ценного клинкового оружия, представляют собой «культовые центры крупного объединения — племени либо „княжества“ и что, эти центры не могли посвящаться предкам-охранителям». Ему же принадлежит интересная, на наш взгляд, попытка персонализации культовых мест. По мнению исследователя, «небесным адре-

сатом» являлось божество более высокого ранга, чем семейный или родовой дух-охранитель. Анализируя сообщения специалистов о сакральных функциях остяцких божеств — Ортика, Матерко, Еяна, он пришел к выводу об их тождественности в общих чертах между собой и с популярнейшим представителем угорского пантеона — Мир-Сусне-Хумом. Отзвуки культа Мир-Сусне-Хума дошли до нас рассматриваемые клады. Свои выводы Ю. А. Плотников подкрепляет данными изучения литых бронзовых антропо- и териоморфных изображений, широко представленных в этих комплексах. Он акцентирует внимание на изображениях птиц (крылатый Карс, по мнению исследователя) и солярных бляхах — аксессуарах солнечного божества Мир-Сусне-Хума, чей культ постепенно приобретает дружинный характер¹⁴³.

Эти положения представляют безусловный интерес, однако на данном уровне исследований представляется правомерным говорить пока только об иерархии божеств, поскольку при всех общих элементах и конечной сакральной направленности эти комплексы имеют под собой различную этнокультурную основу.

Ф. Энгельс отмечал, что независимо от формы «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают силу неземных»¹⁴⁴. Принципиальное отличие ранних форм верований от религии состоит в активной роли субъекта, когда он «не упрощает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъестественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его (божества. — А. С.), сколь бы великой он ее не считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной». В своих действиях субъект «часто имеет дело с духами, то есть с личными агентами, что роднит... с религией. Но... обращается с ними точно так же, как... с неодушевленными силами, то есть вместо того, чтобы подобно религии умолюбить и умиротворять их... принуждает и заставляет»¹⁴⁵. В свете этого не удивительно большое количество оружия, которые мы застаем в культовых местах, и военизация ритуальных церемоний, которые отражают специфику социально-экономических отношений.

В таких условиях некоторые отмеченные выше космогонические принципы, лежавшие в основе системы верований, сыграли роль платформы. На ней, видимо, конвергентно развился феномен, который мы условно называем танцами с оружием, хотя термин «танцы» может быть не совсем адекватен содержанию ритуала камлания — борьбы с враждебными духами или, наконец, с другим шаманом. Сама активная роль человека в сакральной системе обусловила своего рода «военизацию» атрибутики и в конечном итоге самого культа. Объективно отражая и отождествляя в образах божеств, их взаимоотношений и иерархии различные стороны общественной жизни, культовая сфера в зависимости от конкретно-исторических условий приобретает ту или иную выраженность черт. Важным атрибутом этой борьбы было оружие, которое, несмотря на свою ритуальную окраску, а во многих случаях и форму, адекватно отражало существующие реалии¹⁴⁶. В частности, его состав, соотношение различных видов на шаманском костюме отражают существовавшую в действительности картину. В общих чертах, видимо, здесь можно проследить и определенную эволю-

дью. Из этнографии известно об использовании при камлании боевых образцов, а также о том, что шаман, проверяя готовность к ритуалу, испытывал на себе боевые качества оружия и получал при этом серьезные травмы¹⁴⁷. Очевидно, в этом проявлялись архаичные черты. Если оружие из кладов имеет тщательную заточку лезвия и, являясь по сути дела боевым, хорошо вписывается в общую схему развития данного вида и коррелируется с синхронными материалами смежных территорий, то более позднее (относящееся к этнографической современности) приобретает бутафорский, если так можно выразиться, вид, весьма своеобразно копируя шашку армейского образца, т. е. того оружия, которое, очевидно, часто наблюдалось. К сожалению, пока мы не располагаем достаточными археологическими материалами, чтобы детально рассмотреть этот процесс, намечаемый пока только в общих чертах.

Вероятнее всего, танцы с оружием следует связывать с военной магией, практически повсеместно распространенной, особенно на ранних этапах. Война, вызывающая самые глубокие человеческие эмоции, всегда сопровождалась весьма разнообразными и порой очень сложными ритуалами и табу, направленными на сохранение безопасности собственных воинов и нанесение урона врагу. Причем обряды подобного рода не только предшествуют непосредственным военным действиям, но и зачастую продолжают на всем их протяжении. Д. Фрезер, проанализировавший большую серию подобных ритуалов самого разного плана, о танцах делает такое замечание: они «...по убеждению вселяют в воинов силу, придают им мужество и сопутствуют удаче; поэтому в такое горячее время они (танцующие. — А.С.) не дают себе поблажки»¹⁴⁸. Соблюдались эти обычаи, как правило, со всей строгостью.

В литературе высказано мнение, что танцы с оружием обских угров связаны с охотничьей магией¹⁴⁹. Возможно, данный вывод правомерен, поскольку факт производности боевого оружия от охотничьего общеизвестен. Однако, очевидно, уже с кулайского времени мы имеем право говорить о военно-сакральном характере обряда. В пользу этого говорят факты нанесения изображений на панцирные пластины и характер оружия, а также свидетельства, правда значительно более поздние, очевидцев, воспринимавших ритуал именно в таком плане¹⁵⁰.

М. О. Косвен отмечал физкультурно-тренировочный и своего рода эмоционально-возбудительный характер широко распространенных, по его мнению, танцев, исполняемых перед отправлением в поход¹⁵¹. Участие в «военных танцах», например у американских индейцев, автоматически означало заявку на присоединение к организуемому походу, выступление или возвращение из которого служили поводом для торжеств¹⁵².

Чрезвычайно интересным представляется вывод С. А. Токарева, рассмотревшего военные танцы с точки зрения эволюции ритуала. Им поставлен вопрос о том, что репетиционно-тренировочная функция плясок с оружием первична, магическая же — вторична. Магическое значение появляется как субъективное осмысление действующими лицами действий, ставших традиционными. Этот обряд, предпринимаемый перед началом военных действий, можно рассматривать как акт имитативной, но в то же время инициативной магии. В развитом виде он совершается особыми лицами-военным вождем или колдуном (шаманом в нашем случае). В сфере

военных отношений долгие всего сохраняются магические представления и обычаи самого первобытного вида. Однако в последующем своем развитии, определяемом ходом истории, обряд поемному теряет свой чисто магический характер. «Военные обряды, пляски и церемонии начинают связываться с представлениями о личных сверхъестественных существах — духах и божествах, покровителях». Происходит анималистическое переосмысление обрядов. В связи с этим «старинные магические идеи сменяются идеями проциального культа: вместо непосредственного обеспечения победы над врагом при помощи колдовских действий на смену выступает узнавание воли богов, испрашивание у них помощи, жертвоприношения с умплостивительными целями и пр.» На стадии военной демократии развивается культ богов войны, они же обычно племенные боги-воители. Образ «бога войны» нередко сливается с образом племенного бога¹⁵³.

Очевидно, такие же или близкие к ним процессы происходили и в Западной Сибири, и с этих позиций нужно рассматривать воинственные пляски аборигенов лесной зоны. Отдельные, не совсем ясные сведения о каких-то обрядах, совершаемых накануне выступления в поход, содержатся в остяцких былинах. Так, в одной из них говорится: «Многочисленные прозябшие мужи принесли в руках режущее железо с острым клинком... Многочисленные прозябшие мужи развели при помощи дерева огонь (многоязычный рот девы Тари)... приготовили мертвое жито (?) и питающее жито, поставили блюда и берестяные кузова, чтобы созвать туда (добрых) духов, (живущих) на сотнях возвышенных мысов, чтобы созвать туда лесных духов, (живущих) на сотнях мысов, и (от них) просить [там] спинную силу и от них [там] просить брюшную силу»¹⁵⁴. Любопытно, что в этом эпизоде упоминаются «режущее железо с острым концом» и «блюда», а именно на последних и встречаются изображения танцующих фигур с саблями. Воины просят у духов спинной и брюшной силы — той самой, которая так воспевается в былинах и всегда приносит богатырям победу. В сказаниях успех без помощи духа, божества, т. е. без участия посторонней высшей силы, немислим. Поэтому в представлениях людей этой эпохи за войной народов стоит борьба божеств. Очевидно, в обряде «воинственных танцев», некогда широко распространенном и носившем первоначально военно-тренировочный характер, с известной долей осторожности можно видеть своего рода культовое действие. Оно предпринималось накануне выступления в поход и было обращено к личному сверхъестественному существу-покровителю с целью заручиться успехом в предстоящей акции. Учитывая это, не удивительно, что шаман занимал видное место в системе военной организации. По преданиям, он неоднократно выступает в роли военачальника, организатора обороны. Зачастую именно ему приписывается успех того или иного военного мероприятия. Согласно поверьям, шаман и после смерти продолжает сражаться, помогая по мере сил своей стороне¹⁵⁵. «Но сибирские шаманы, — замечает С. В. Иванов, — боролись не только с воображаемыми духами. Во время военных столкновений с соседними племенами шаман, надев свою одежду, сражался с реальными врагами»¹⁵⁶. Однако образ шамана не столь характерен для героического эпоса Западной Сибири, точнее, для определенной стадии его развития. Создается впечатление, что в отдельные периоды могли сливаться функции вождя и служителя культа. Во всяком случае, предельны монополизации вождем не только военной, но и религиозной посреднической

функции хорошо известны¹⁵⁷. Подобные явления нередко возникали в обществах, стоящих на грани перехода от позднестарых структур к ранним образованиям государственного типа. В ходе дальнейшего поступательного развития и стабилизации государственной власти вновь наступало разделение власти. В случае же распада непрочных политических объединений религиозная жизнь возвращалась к старым формам¹⁵⁸. Очевидно, именно такая ситуация сложилась в таежных обществах Западной Сибири, которые под воздействием мощного внешнего фактора вплотную подошли к самой грани, отделяющей позднестарые структуры от государственных, но так и не смогли сделать завершающего шага.

В соответствии с характером эпохи формируются образы божеств, которые принимают все более воинственный характер. Весьма показательно выделение у угров божества войны Тахыт-Котл Торума. Он, согласно мифологическим сюжетам, постоянно участвовал в набегах и схватках. Н. Л. Гондатти описал посвященное Тахыт-Котл Торуму культовое место, где неподалеку от хранилища шайтана и его амбаров «есть дерево, кругом обставленное железными стрелами, и всякий инородец должен принести в жертву хотя бы одну стрелу»¹⁵⁹.

Согласно селькупской традиции, после смерти хозяина его оружие (в частности луки, стрелы и др.) часто приобретало культовую окраску, и его с прикладами помещали в соответствующие места. Е. Д. Прокофьевой описан такой амбарчик, в котором хранилось много деревянных фигурок умерших предков с прикладами¹⁶⁰. В таких местах могло в течение длительного времени накапливаться значительное количество оружия. Возможно, таким образом образовались «клады», чем, видимо, можно объяснить рассмотренную выше эволюцию форм при сохранении общих морфологических черт. Во всяком случае, период их существования не был столь продолжительным, чтобы в собранных комплексах проявились какие-либо принципиально новые черты.

В заключение необходимо сказать о «военной» роли культовых мест. П. П. Инфантьевым отмечен любопытный факт: у вогулов все сокровища, считавшиеся собственностью шайтана, находились в ведении шамана, и каждый нуждающийся мог во всякое время приходить к нему и с его разрешения брать из них все, что ему нужно, с условием последующего вознаграждения¹⁶¹. «Подобные запасы (жертвенные вещи из амбарчика.— А. С.), — писал Н. Л. Гондатти, — имеют большое значение в жизни инородцев в случае несчастных происшествий как у отдельных лиц, так и у целых родов, т. к. из них можно было брать заимообразно какое угодно количество вещей с тем, понятно, чтобы потом, при улучшении условий, все возвращалось обратно с известным увеличением»¹⁶². «Обычно на это не нужно было разрешение старшего в семье — роде, требовалось лишь согласие шамана указать дорогу к амбару. И не было случая, чтобы долг не был возвращен. Этот материальный фонд был собственностью всего рода, всех членов», — добавляет (но уже по материалам селькупов) Е. Д. Прокофьева¹⁶³.

Культовые места, таким образом, могли служить своего рода арсеналами. Оружие из них в экстремальных ситуациях использовалось по своему прямому назначению. В таких случаях сам идол выступал в роли боевого фетиша, который должен был укреплять дух своих подопечных, приносить им победу. Характерный пример этому дает история белогорского шайтана,

культ которого носил выраженный территориальный характер. Именно ему кроме обильных приношений была пожертвована одна из кольчуг Ермака, вещи которого (и даже земля с могилы), как сообщает Г. Ф. Миллер, по мнению «инородцев», имели чудодейственную силу и всегда приносили несомненный военный успех¹⁶⁴. Фигуру идола из Белогорья несли остяки в бой против Ивана Мансурова, осажденного в Обском городке в устье Иртыша. Они доставили ее сюда после нескольких неудачных штурмов: «...и на утро паки приидоша к городку и начаша приступати и принесоша с собою кумира своего, его же чтяху и ему жертвы многие приношаху, и поставиша его близ городка под неким дровом, и начаша перед ним жрети, чающе себе помощи от него»¹⁶⁵. «Ег' да же Россиян случаем из пушки поражен и сокрушен бе идол, убоящася видевше сего сокрушенна... бегством от Россиян отступиша»¹⁶⁶. Толпы остяков рассеялись, они теперь «ни на кого уже больше не могли надеяться», — заключает Г. Ф. Миллер¹⁶⁷.

Особенностью военных формирований народов лесной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья был их миллионный характер. Принципы всеобщего вооружения и связанная с ними система военной подготовки были обусловлены нуждами и возможностями присваивающего хозяйства, а формирование воинских качеств у населения таежной зоны объективно связано с их непосредственной производственной деятельностью. Умение пользоваться в совершенстве оружием, ловкость, физическая сила и выносливость — эти качества, равно необходимые воину и охотнику, с детства прививались в повседневных занятиях. Общеизвестно то значение, которое придавалось в древних обществах охоте как средству тренировки воинских формирований.

В условиях лесной зоны Западной Сибири охота здесь являлась одним из основных производственных занятий и, как правило, лучший воин являлся прекрасным охотником. Следовательно, развитие и совершенствование воинских и производственных навыков были неразрывно связаны. Поэтому провести четкое разделение между системами производственного и военного обучения не представляется возможным, и в дальнейшем изложении эти вопросы мы будем рассматривать вместе, по мере возможности акцентируя внимание на специфике последнего.

По свидетельству Г. Новицкого, с самого раннего возраста юноши включаются в систему общей подготовки будущих воинов-охотников. С детских лет их учили пользоваться оружием. Эта, своего рода коллективная, подготовка, длительность и непрерывность которой имела особое значение, проводится взрослыми. Они «сих убо хитростей и чада свои изучает и от младых ногтей принаравливаются к стрелянию из лука». Этим молодежь занималась постоянно, «ничем бо иным через все житие свое не упражняются, яко сим единым промыслом, и таково хитростно в своем рукоделии изучены, яко всяк в младости своей изучился лук себе из дерева и стрелы делать». В результате каждый приобретает такое высокое мастерство в обращении с луком, что «и наикрепчайших зверь: медведя, лосей, оленя убивают, и даже... птиц всяких не толико по воде плаваю-

щих, но и по воздуху летающих в самом летании стрелами улучают», — подводит итог Г. Новицкий¹⁶⁸.

Детские игры большей частью имитировали занятия взрослых, во время которых получались и закреплялись необходимые навыки. У мальчиков любимой игрушкой был лук со стрелами, а с девяти лет они участвовали в охоте¹⁶⁹. Это имело большое значение в воспитании физической силы, выносливости, в отработке системы коллективного взаимодействия, согласованности в последующих тактических операциях. У хантов, например, охота выступала как некоторое подобие игры в шахматы — «топис, где противниками являются охотник и зверь, поймающие ходы друг друга и реагирующие на них»¹⁷⁰.

По данным фольклора, любимым занятием князей и многочисленных богатырей была охота преимущественно на крупного зверя. Они тренировались в беге на лыжах и натягивании тугих луков¹⁷¹.

Подготовки участвовали в играх-тренировках, в ходе которых необходимо было сбить шесть палочек, воткнутых в землю по три в ряд¹⁷², или попасть в мишень-дощечку. Попавший приближался к мишени на длину лука. В случае промаха стрелу забирал противник. Выигрывал тот, кто первым достигал дощечки¹⁷³.

Специфическими были упражнения, с помощью которых вырабатывались ловкость, умение защищаться от стрел. Для этого юношу ставили на открытое место и стреляли в него из лука тупыми стрелами. «Сперва тихонько пускают стрелы, потом больше, больше. Когда он совершеннолетний станет (15—16 лет), он уже полностью все знает. Это по всей нашей национальности было...», — свидетельствует устная селькупская традиция. Согласно той же традиции, у будущих охотников и воинов проверялась острота зрения. Критерий оценки был сформулирован следующим образом: «Если на кошке (Большой Медведицы) в середине видит звезду, значит хорошее зрение»¹⁷⁴.

Описанные методы подготовки имели, вероятно, достаточно широкое, если не повсеместное, распространение. Во всяком случае, они известны у народов Крайнего Северо-Востока Сибири¹⁷⁵. Примечательно, что в западно-сибирском фольклоре говорится о богатырях, ловко уклоняющихся от пущенных в них стрел, быстро приседающих или высоко подпрыгивающих, а то и попросту отбивающихся от них веслами, палкой и другими подручными средствами. И, несмотря на кажущуюся фантастичность, эти сведения, очевидно, отражали реальность. С помощью определенного комплекса довольно несложных упражнений психологического плана можно развить реакцию настолько, что можно даже ловить стрелу, а не только уклоняться от нее¹⁷⁶.

В записках И. Идеса и А. Брандта есть сообщение, касающееся, правда, тунгусских групп контактной зоны лесного Обь-Енисейского междуречья, о практикуемых тренировках, также развивавших силу, выносливость, ловкость, быстроту и реакцию. Мужчины «образуют круг, один из них становится в середину, в руках у него длинная палка, и ею он, обочиваясь, ударяет кого-либо в кругу по ногам. Но они умеют так быстро поднимать ноги и избегать предназначенного для них удара, что, как ни странно, редко удар попадает в цель. Когда же это случается, получившего удар бросают в воду, пока он не вымокнет»¹⁷⁷.

Особое место в системе тренировок занимали бег, прыжки, метание копьа, ношение тяжестей (камней, бревен). В легендах и былинах обыч-

ны мотивы, связанные с подобными упражнениями¹⁷⁸. Судя по фольклорным данным, в отдельных случаях, видимо в целях тренировки, на охоту надевали панцирь¹⁷⁹.

К сожалению, в преданиях слабо отражены методы коллективной и индивидуальной подготовки, однако они донесли до нас сведения о состязаниях и военных играх, которые происходили на особых чистых площадках возле городищ и поселений¹⁸⁰. Активное участие в них иногда принимали соседи и чужеземные богатыри. Во время состязаний участники внимательно изучали способы борьбы, накапливали опыт на случай возникновения настоящей войны. Имеются основания считать, что здесь происходило выявление отличительных качеств воина. Собранные богатыри соревновались в стрельбе по цели, прыжках в высоту через натянутые между двумя столбами ремни, борьбе, беге на лыжах, метании друг в друга каменных глыб при помощи ноги, спихивании друг друга с места, в ломании голыми руками сушеных бедренных костей копытных, других предметов и т. д.¹⁸¹ Судя по тому, что эти упражнения легли в основу состязаний и игр, видимо, будет правомерен вывод об их широкой популярности в общей системе тренировок. Как видно, комплекс представляет собой органичное сочетание динамических и изометрических нагрузок, дающее прекрасные результаты в развитии настоящей атлетической силы. «Богатырь, особенно отличившийся в каком-нибудь из этих воинских упражнений, — замечает С. К. Патканов, — нередко получал особое прозвище; оно, таким образом, увековечивало его подвиги». К примеру, один из эмдерских богатырей прозывался «богатырь, разломавший долго сушеное бедро» и т. д.¹⁸²

Характерной чертой героических и исторических сказаний является их конкретность: события в них зачастую увязываются с конкретными лицами и местами¹⁸³. Произведения фольклора были нераздельно связаны с теми насущными задачами, которыми жило общество. И именно здесь мы видим общество (во всяком случае, южные группы) на той стадии его развития, на которой оно было организовано как военная и войсковая организация, а военное дело и завоевание по существу относились к условиям его существования¹⁸⁴. В рамках этого же общества, его потребностей велось психологическое и идеологическое воспитание воинов, закалка боевого духа путем воспевания подвигов богатырей (вполне конкретных лиц и богатырей-предков), путем системы военизированных обрядов, посвященных духам-охранителям и божествам высшего пантеона.

Всеобщее военное обучение в доклассовых обществах было не обязанностью, а правом каждого члена общества. Совпадение производственной и военной подготовки обуславливало высокую индивидуальную выучку, столь характерную для армий милиционного типа. Такая обстановка была питательной средой, в которой складывается и расцветает культ силы предков-богатырей, что явилось основой для сложения героического эпоса, дошедшего до нас облик идеального воина — богатыря.

* * *

Рассматривая материальные основы тактики, Ф. Энгельс особо подчеркивал, что вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения оказываются зависимыми от ма-

терпальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно, от качества и количества населения и от техники. «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот»¹⁸⁵.

Характер военных действий, их протяженность во времени и пространстве, интенсивность и размах были обусловлены экономическими потенциами хозяйственной структуры, содержание которой определялось господствующей присваивающей формой. Это обстоятельство выступало фактором, который жестко ограничивал прежде всего масштабы и длительность военных действий. Особенности охотничье-рыболовецкого хозяйства не позволяли вести войну за счет противника, как это имело место в обществах с экономикой производящего типа, да и длительное массовое отвлечение мужской силы неизбежно пагубно сказывалось на состоянии и устойчивости такого хозяйственно-культурного типа. Организация долговременных походов многочисленного войска и разрешение объективно связанных с ними вопросов снабжения вряд ли были под силу такому обществу. Если допустить полностью автономное существование подобной экспедиции, то ее участники до прошествия определенного времени неизбежно должны были столкнуться с фуражной проблемой. Это заставляло отряд делиться, отвлекало значительные силы на промыслы, снижало боевую мощь и в конечном итоге демаскировало. Успеху военных операций не способствовала и высокая разреженность населения, которая во многом определяла характер военных действий. Лесная зона в качестве театра военных действий не благоприятствовала действиям крупных контингентов войск. Кроме того, для продолжения войн за счет противника необходимо было одержать хотя бы тактическую победу.

Другим важным фактором, определяющим военные действия, являлась плотность населения. Род хозяйственной деятельности и биологическая продуктивность леса не способствовали высокой концентрации населения на единицу площади. Это подтверждается археологическими данными и более поздними этнографическими и демографическими свидетельствами. Весьма показательными в этом смысле представляются размеры городищ. Так, их площадь в Нижнем Приобье¹⁸⁶ во второй половине I — начале II тыс. колеблется в пределах 400—1600 м². Примерно такую же территорию занимают памятники Томского Приобья¹⁸⁷: 180—3600 м². Аналогичные параметры имеют и памятники лесного Прииртышья¹⁸⁸. По расчетам Т. Н. Троицкой, численность населения городищ Новосибирского Приобья площадью 1200—2200 м² при условии развитого комплексного хозяйства (со значительной долей производящих форм) могло составлять 50—100 чел.¹⁸⁹ В последнее время установлено, что даже в условиях наиболее продуктивного рыболовецкого хозяйства на берегу водоема площадью 1,0—1,5 тыс. га могло существовать не более 40—50 чел.¹⁹⁰ Средняя плотность населения в таежной зоне составляет 1 чел. на 30—40 км²¹⁹¹.

Б. О. Долгих, отметив чрезвычайно малую численность этнических групп по сравнению с занятыми ими территориями, приводит на XVII в. данные по количественному составу этнолингвистических общностей, вычисленным с коэффициентной поправкой по русским актовым материалам. Из интересующих нас групп угроязычные племена Северо-Западной Сибири и Приуралья составляли 16,3 тыс. чел.; самоедоязычные —

15,3 тыс. чел. (в том числе 2,2 тыс. чел. оленеводов на Саянах, около 3,1 тыс. безоленных так называемых остяко-самоедов, на Оби и около 10 тыс. оленеводов в тундре); тюркоязычные — 62,2 тыс. чел. (из них разные группы сибирских татар — около 17 тыс., остальные — якуты, енисейские кыргызы, телеуты и алтае-саянские тюрки). В общей сложности на территорию Западной Сибири и Приуралья приходится: угров — 16 260 чел., самоедов — 8905 чел., тюрков — 17 тыс. чел.¹⁹² Фактическая численность населения в исследуемой зоне следует считать еще ниже.

С. В. Бахрушиным высчитано, что в конце 20-х — начале 30-х гг. XVII в. ясачных хантов и манси (ясачному обложению подлежали только мужчины) было 2700 чел.¹⁹³ В это число не вошли жители Туринского уезда. Общая численность угорского населения в этом уезде составляла, по Б. О. Долгих, 580 чел.¹⁹⁴ По данным П. Головачева на 1555 г., когда хан Едигер «пзъявил свое согласие давать Москве дань, то всех его подданных, с кого она могла идти, оказалось всего 30 700 человек»¹⁹⁵.

Таким образом, выставить значительные силы в этих условиях аборигенное население было не в состоянии. И в самом деле, в богатырских преданиях иртышских ханов, отличавшихся крайней воинственностью, при всей их склонности к преувеличению и возвеличиванию подвигов богатырей, указывается, что численность войска, собравшегося в поход или участвующего в сражениях, не превышает 700 чел.¹⁹⁶ Эта цифра представляется народным певцам и сказителям необычайно огромной. Чтобы показать выдающуюся мощь богатыря, указывали: у него был отряд из 300 воинов. Обычно же, по былинам, отряд не превышает 50 чел. Формирования из 300—700 чел. включали, по-видимому, несколько мелких дружин¹⁹⁷. В одном из самых значительных хантыйских княжеств — Кодском, известном многочисленными вторжениями в пределы вассалов Московского государя (уже в XII в. Москва вынуждена была посылать военные экспедиции в «Куду»), к моменту его присоединения к Русскому государству в 1644 г. мужское население, считая малолетних и престарелых, составляло 441 чел.¹⁹⁸ А ведь казаки нашли здесь могущественное и богатое княжество, и «среди прочих хантыйских владетелей кодский князь Алач пользовался большим влиянием... той бо бе во всех городах славен»¹⁹⁹.

Характер действий и состав воинских формирований во многом зависели от условий ландшафта как театра войны. Неровная пересеченная местность, пронизанная многочисленными реками и речками, оврагами и обширными болотами, с густыми лесами и валежником крайне затрудняла действия больших воинских масс, представляя неоспоримые преимущества сравнительно небольшим отрядам. Кавалерия теряет здесь мобильность, маневренность, массивность атаки. Зимой, когда замерзают болота и реки, серьезным препятствием для передвижения этого рода войск является глубокий снежный покров. Лошади в снегу «грузли до того, что виднелась одна голова» и вынуждены были передвигаться «прыгая в глубоком снегу, как зайцы, и поминутно останавливаясь»²⁰⁰. Конница в этих условиях вряд ли могла иметь самостоятельное военное значение, тем более что это не подкреплялось потенциалом хозяйства. Лошадь скорее всего использовалась в транспортных целях. В былинах имеются упоминания о лошади, но нигде не говорится о кавалерии как о самостоятельной военной единице. Только в одном случае говорится о том, как трое князей городка Кары-поспат-урдат-Вош из похода «на полуденную сто-

рону» привели по «славному крылоному животному». На них они и преследовали напавших на них богатырей Эмдера²⁰¹. Конница предстает здесь как нечто чуждое, враждебное. В исторических преданиях она устойчиво связывается с татарами и кыргызами, совершавшими верхом грабительские набеги со стороны Кии, Тары и др.²⁰² В хантыйских легендах особо говорится о гибели в болотах или засадах лошадей, а с их потерей и войска²⁰³. Аналогичные мотивы есть и в селькупской устной традиции, согласно которой радикальным средством борьбы с конными отрядами татар (тыыл-гуп) были засады²⁰⁴.

Военные формирования лесного населения представляются нам в виде сравнительно небольших пехотных отрядов, весьма мобильных и маневренных, умело использующих преимущества местности: зимой передвигающихся на лыжах, летом — на лодках по многочисленным рекам и протокам. Характер военных действий, судя по этнографическим, историческим и фольклорным данным, определялся внезапными набегами и нападениями. Такая обстановка заставляла быть настороже. Предания донесли до нас атмосферу, когда «боялись друг друга. Жили, друг друга не видали, прятались, думали: „Ты меня убьешь!“ А тот думал: „Ты меня убьешь!“ Поэтому старались, чтобы никто не знал, где он живет, проход от воды под землей делали»²⁰⁵. Из страха быть обнаруженными предки хантов маскировали свои жилища. Очевидно, в это время складывается обычай, широко известный, в частности, на Вахе, когда подъезжавший к поселению извещал о себе криками, символизируя мирные намерения и ожидая, пока его не встретят²⁰⁶.

Формируется целая система оповещения и сигнализации, включающая искусственные сооружения и приметы, связанные с наблюдениями над поведением птиц. В частности, было замечено, что многочисленные кулики, гнездящиеся на берегах речных протоков и озер, резким криком и шумным неровным полетом чутко реагируют на вторжение в пределы своей территории постороннего. «Предвещал войну или нападение кулик. Если остяк увидит кулика, он сразу бежит в проход, садится в обласок и прячется»²⁰⁷. Пристальное внимание обращалось на поведение сорок и ворон²⁰⁸. В устной традиции нередко упоминаются натянутые низко над водой, поперек реки или протоки, веревки с шумящими подвесками²⁰⁹. Налетавшая на шнур лодка приводила в действие всю систему и поднимала тревогу. Есть основания считать, что подобные «сигнальные системы» создавались и на суше²¹⁰.

Все следы хозяйственной деятельности тщательно маскировались. Нередко мусор, плывший по воде, выдавал местожительства населения и был причиной его гибели²¹¹. В некоторых преданиях говорится, в частности, о стремлении избежать излишнего шума. Во многих из них рассказывается, как шум в поселке привлекает злого духа и он жестоко расправляется со всей семьей виновных²¹². Здесь, очевидно, следует видеть отголоски постоянной угрозы нападения. Сюда же примыкают другие легенды, в которых противника обнаруживают по стуку топора, громкому храпу²¹³.

Наряду с пассивной системой оповещения и охраны была активная. Предания повествуют о «дальнозорких и чутких ухом» дозорных, которые должны были предупреждать об опасности. Именно с ними в первую очередь сталкиваются нападающие²¹⁴. По материалам сказаний, караульные

иногда находились на высоких помостах, устроенных на высоких столбах. В случаях, когда между несколькими городками заключался оборонительно-наступательный союз, жители одного из них, подвергнувшись нападению, выставляли на длинных шестах куски красного сукна в виде флажков. Весть об их появлении быстро передавалась рассеянными всюду рыбаками и охотниками и доходила до союзников. Такой союз, говорится в одной из былин, был заключен между городками на мысу Каттида-Ванда (берег Иртыша) и Вош-гира-Вош (на р. Конде). Высокий берег Иртыша в ясные дни хорошо просматривался с р. Конды, так что помощь из второго городка, находившегося недалеко от этой реки, не заставила себя долго ждать²¹⁵.

В соответствии с характером военных действий формировался набор способов ведения войны. Их основу составляла тактика внезапного нападения, включавшая приемы тайного приближения, маскировки, обмана врага, выслеживания, засад, нападения на спящих. Залогом успеха были быстрое, скрытое выступление и атака в наиболее благоприятный момент. В походе принимались всевозможные меры предосторожности, направленные на обеспечение собственной безопасности и внезапности нападения. В случае несоблюдения этих условий отряд рисковал остаться ни с чем, а то и попасть в засаду. А. Ф. Плотниковым в Нарымском крае записана легенда, по которой оплошность в организации похода стала причиной неудачи. Нападающие (татары) незаметно подобрались к городку, расположенному на крутой скале Вачек-юг на правом берегу Васюгана, выжидали удобный момент и, «когда мужчины куда-то ушли по берегу и оставили лестницу, опущенную, и, подбравшись к ней, стали подниматься». Однако их подвел поднятый при этом шум. «Оставалось несколько минут, и неприятель мог бы ворваться в город, но женщины... несколько не мешкая, обрубили топором веревки, прикреплявшие лестницу, и она обрушилась, увлекая и убивая врагов; остальные ушли со стыдом»²¹⁶.

В другом сказании говорится об уничтожении большого отряда самоедов, которые не приняли на привале необходимых мер предосторожности²¹⁷. Иногда нападающих ожидала засада. В одном из преданий говорится, что вернувшиеся с промысла мужичицы принесли в селение весть о предпринятом набеге и здесь сразу же началась подготовка к его отражению. «На мелком месте в берегу привязали колья к жердам. Приготовили лук, стрелы, уснули на берегу в обласках. Утром солнце встало, идут те в больших обласках по семь человек, пьяные от гриба мухомора... Пришли к берегу, не могут подплыть». Далее следует сцена тотального истребления вторгшегося отряда: «...убили всех, только двух оставили»²¹⁸. Сходная ситуация описана Н. Л. Гондатти: плывущие по реке заделли противную поперек веревку с подвесками, после чего в удобном месте «побивали стрелами лодки, убивали сидящих, брали имущество». Любопытно, что эти события связывали с деятельностью божества войны—Тохыт-Котл-Торума. Видимо, подобные методы борьбы представлялись вполне естественными и обычными. Далее сюжет развивается следующим образом. Тохыт-Котл-Торум благополучно избегает ловушки, перерезав веревку, лишает спящих оружия, «после чего происходит на них нападение врасплох основного воинства»²¹⁹. Вообще сведения, связанные с предварительной разведкой, проводимой во время походов, в иносказательной форме часто фигурируют в фольклоре²²⁰.

Наличие специальных разведывательно-дозорных групп подтверждается и данными, полученными С. В. Ивановым при расшифровке семантики деталей шаманского костюма, значения антропо- и зооморфных помощников шамана. Из составленной исследователем схемы «военнозирванного» похода шамана следует, что необходимым звеном такого выступления были разведчики и дозорные, шедшие впереди²²¹. Исходя из этого, а также ряда соответствий, наблюдаемых в военном деле у народов, находящихся на сходной стадии общественного развития, можно поставить вопрос о выделении во время похода в составе отряда специальных разведывательно-дозорных групп.

По данным фольклора можно составить представление о трех наиболее часто использовавшихся способах сбора военной информации: 1) накануне похода под предлогом сватовства или участия в состязаниях и игрищах богатырей²²² выясняли общую обстановку, военную мощь; проводили рекогносцировку; 2) во время похода захватывали языка, выясняли изменения, расстановку сил, планы противника²²³; 3) перед нападением группа разведчиков делала вылазку в лагерь неприятеля и конкретно знакомилась с обстановкой, уточняла детали, причиняла урон²²⁴.

В устной традиции и фольклоре подчеркивалось особое положение в отряде немногочисленных тяжеловооруженных воинов²²⁵. В походе они спят чутко и стараются не расставаться со своими доспехами, осознавая без них свою уязвимость²²⁶.

Во время привалов на ночевку разведывательно-дозорные группы выполняли функции военного охранения. Вокруг лагеря выставлялись караульные, которые периодически сменялись. Такое боевое охранение и атмосфера в лагере во время ночевки описаны в сказании «Про двоих сыновей Мужа с размашистой рукой и тяпарской женщины». «Всякий раз на одной стороне (один) муж ложится, на другой стороне (один) муж бодрствует, как только спящий муж пробуждается, бодрствующий муж ложится. На чужой стороне, на чужих водах ими вследствие неизвестности (соб.: когда они не знают) овладевает страх»²²⁷.

На марше отряды старательно избегали излишних встреч с рассеянными по тайге коллективами промысловиков, захватывая, однако, по мере необходимости с целью получения информации одиночек²²⁸, а по мере приближения к цели и небольшие группы²²⁹. Важным фактором успеха была быстрота продвижения. Есть сведения, что движение не прекращалось и ночью²³⁰. В былинах образно описывалась скорость войск: когда богатыри гребут, то ставят весло у носа лодки, а вынимают у кормы, при этом тремя взмахами проезжают три обских плеса, а сзади слышен лишь ветер, а когда они передвигаются по суше, то хорей, привязанный к носам, поднимается в воздух²³¹. Успех операции определялся выбором благоприятного момента для нападения и внезапностью. Важная роль в воспитании необходимых воинских знаний отводилась охоте, которая была своеобразной микромоделью военных действий. Специфика охоты в лесной зоне, в отличие от открытых степных пространств, где практиковались загонные, облавные способы, связанные с широким маневрированием конных масс в зоне прямой видимости, возможностью и стремлением поразить цель на максимальной дистанции, сочетавшихся в длительном преследовании с самого начала, заключалась в долгом постепенном пешем скрадывании, незаметном приближении на минимальное расстояние, действенной стрельбе только на коротке.

Примерно по этой же схеме разворачивался и бой. Показательны наставления, которые давал предводитель воинам перед началом нападения на выслеженного противника: «Когда вы мои 300 мужей пойдете, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинка! Не делайте столько шума, сколько комар (делает)!»²³² О скрытном приближении повествуется практически во всех героических сказаниях, ибо оно во многом определяло эффект внезапности. Следует отметить, что если даже и посылались предупреждение о нападении или вызов на войну, нападение все равно производилось внезапно. Иллюстрацией этого положения может служить легенда о девяти братьях. Явившиеся на вызов остяцкие отряды незаметно приблизились, укрылись в ложбинке и, дождавшись появления одного из ничего не подозревавших братьев, внезапно поразили его стрелами. Крик падающего послужил сигналом к спешной организации обороны²³³. По другой легенде, противнику посылали вызов и предупреждение о нападении: «Когда лед застынет, мы приедем». После чего вызывающие уходят от преследования. Осенью по первому снегу они окружают городок и внезапно атакуют его²³⁴. Из предания, записанного П. П. Инфантьевым на Конде, следует, что богатыри Пачарех-Паула, постоянно воевавшие с самоедами, прекрасно знают о готовящемся нападении. Чтобы перехитрить врагов, действующих традиционным способом, они днем спят, а ночью бодрствуют, ожидая неприятеля — самоедов. Однако врагам удается захватить старика — жителя Пачарех-Паула и выпытать у него сведения о предпринятой уловке. Самоеды меняют план и нападают на спящих, на этот раз днем²³⁵.

Весьма яркий образец тактики нападения врасплох дает Архангелогородский летописец под 6963 г., повествующий о нападении вогуличей на епископа Питирима Пермского. Получив необходимую информацию о планах владыки, вогульский князец, чтобы обмануть бдительность противника, «велел набросать на плоты множество срубленных елей, которых густые ветви скрывали его войско, так что вооруженные смертью плоты... издали имели вид пловучих деревьев, будто подмытых напором воды, что часто случается в далекой, еще девственной природе Пермского края. Когда же груды деревьев подплыли к мысу, внезапно из-под них толпы вогуличей высочили на берег и яростно устремились на Питирима»²³⁶.

Вообще сюжеты, связанные с уничтожением спящих, достаточно часты, хотя иногда можно встретить высказывания о неэтичности подобных приемов. Однако и здесь наряду с заявлениями «убивать людей темной ночью нет чести»²³⁷ повествуется о том, что пока семь родов «спали на семи мысах, жители семи земель всех жителей семи мысов убили», «они напали на нас, когда мы спали, мы даже не оделись»²³⁸. Очевидно, этот прием является, когда постепенно отходят в небытие старые регламентирующие правила. И уж совсем анахронизмом выглядит эпизод, связанный с компенсацией потерь. «Согласились мирно кончить, если эти сорок семей отдадут. Отдали и миром кончили»²³⁹. Но компенсацию в данном случае получают уже только победители, что свидетельствует о трансформации старых военных норм в новую мораль развитых постстарых организаций.

Тактические приемы борьбы с более сильным противником заключались в создании засад, применении средств активной маскировки и обмана. Так, один из героев селькупского фольклора, попав в трудную ситуацию, ставит позади себя снопы травы и сена, имитируя следующее за ним

войско²⁴⁰. Один из братьев — героев вогульского предания о Лорвожском соре — использует для этой цели тела убитых²⁴¹. Берегаевский богатырь (р. Чулым), спасаясь от преследования, делает чучела и размещает их вокруг костра, а сам с воинами прячется в стороне за кусты и деревья. Когда введенные в заблуждение враги подкрадываются и нападают на якобы ничего не подозревающий лагерь, воины из засады расстреливают их²⁴². Аналогичные сюжеты развиваются в хантыйских былинах²⁴³.

Использовались и меры психологического воздействия. На пояса привязывались различные лязгающие предметы, «вместо кольчуги, чтобы вид сделать, что он в кольчуге, чтоб брэнчал»²⁴⁴. Иногда противника хитростью выманивают из укрытия, заставляют приблизиться на верный выстрел. Так, герой одного из хантыйских сказаний, столкнувшись с «железными богатырями с красной грудью», прикидывается обессиленным и стреляет в упор в одного из подошедших противников. Второй немедленно прячется за сосну²⁴⁵. Попытка мгновенно спрятаться в естественное укрытие была первой реакцией воина на опасность. Когда один из действующих лиц сказания «Про двоих сыновей Мужа с размашистой рукой и тяпарской женщины» услышал брякающий шум (как бы) от волочащейся полы кольчуги, он встал по другую сторону редкого леса за высокоствольным лесом и спрятался, «только конец лука незаметно для него торчал наружу»²⁴⁶.

Обширные лесные массивы западно-сибирской тайги создавали исключительные условия для маскировки и разного рода засад. Для понимания сущности засад как тактического приема можно привести случай нападения верхнетазовых самоедов на служилых людей, описанный С. В. Бахрушиным. «Во время сбора ясака, „зарядя ружья“, служилые люди ехали дорогою, „а по той де дороге с обе стороны кусты“. Внезапно из них с обеих сторон посыпались стрелы. Захваченные врасплох, окруженные многочисленными врагами, служилые люди не могли оказать сопротивления и были перебиты. Только один из них, „ухватя пицаль свою, стрелял по юракам однажды и ранил де одного юрака в руку“...»²⁴⁷. Так, в результате внезапных и быстрых действий была одержана легкая победа над превосходящим в вооружении и боевой выучке противником.

Сведения о тактических построениях отрядов у народов лесной зоны Западной Сибири практически отсутствуют. О них можно судить лишь по косвенным данным. Очевидно, существовали разные способы окружения. Эпизоды с окружением часто встречаются в фольклоре, например: «кругом землянки с луками стоят», «враги их город окружили», «обошли землянку цепью. Он выбегает на улицу. Видит — все стрелы насторожились»²⁴⁸. «Кругом слышны (какие-то) звуки. Пришедшее войско наши чумы окружило со всех сторон. Тут кто-то, слышно, говорит: „идите в три ряда, взявшись за руки. Не упустите младшего...“»²⁴⁹ и т. д.

Говоря об окружении, следует отметить, что, судя по фольклорным материалам, оно не являлось оперативным, т. е. не проводилось во время боя путем маневрирования и использования резервов, а являлось исходной позицией одной из сторон перед началом военных действий. Окружение начиналось заблаговременно, еще до начала собственно сражения. Интересно, что в мансийском языке, например, военный термин «окружение» — «яртмунг-кве» означает собственно окружение при нападении, задержании²⁵⁰. Основой для такого рода тактического «маневра» являлся, по всей видимости, рассыпной строй. Тактику рассыпного стрелкового строя

Ф. Энгельс связывал, в своей основе, с охотничьими народами. Он отмечал, что в густых лесах «длинные маршевые колонны были беззащитны против огня рассыпанных, невидимых стрелков. Рассыпаясь подвижными цепями, они пользовались каждым естественным прикрытием, чтобы нанести врагу удары. При этом, благодаря своей большой подвижности, они оставались всегда недосыгаемыми...»²⁵¹.

По материалам фольклора, аналогично выглядит схема боя. Основным оружием являлись лук и стрелы. Ими прежде всего стремились вывести противника из строя. Каждая из сторон попыталась напасть внезапно. По мере возможности использовались естественные защитные свойства местности. Первый и основной этап боя — перестрелка из лука. В случае неудачи слабая сторона отступала. Рукопашная схватка имела вспомогательное значение. Несмотря на довольно частое упоминание рубяще-колющего оружия в преданиях, из них не следует, что богатыри часто рубились на посиднях. С. К. Паткановым подмечено, что меч использовался только при нападении врасплох или для самозащиты в сражении с воинами, не вооруженными подобным оружием²⁵². Когда же положение становилось критическим, богатыри стремились спастись бегством. Лук и стрелы были атрибутами воина во всех преданиях, с ними он начинал борьбу и продолжал преследование²⁵³. Богатырь даже рождается «державший лук в руке, (привычной) к луку»²⁵⁴. В предании «Два брата» богатырь Теборет, измученный постоянными нападениями врагов, в ответ на свою просьбу получает от Торума «огромный лук и стрелу». И уже потом, когда божество в наказание отбирает лук, взамен богатырю дается меч как оружие не столь грозное²⁵⁵. В эпических песнях и сказаниях сложился даже своего рода формулы, характеризующие начало сражения и его ход. Воины «словно обрадовались своим лукам», «только сверкают тетивы их луков»²⁵⁶, «кольчуги надели, луки, стрелы схватили и выбежали»²⁵⁷. «Много врагов положил, но у самого силы кончились. На пальцах тетивой мясо пообдирало, кости показались»²⁵⁸. Самые яркие страницы, воспевающие в сражениях богатырскую силу, посвящены стрельбе из лука. «Вищ-Отыр костяной лук взял, другую стрелу из колчана вынимает. Древо ее длиной четыре четверти, наконечник железный—три четверти. Наконечник змеиной кожей закален. На середину лука стрелу наложил, лук натягивать стал. Четырехчетвертное древо все кончилось, дальше оттягивает. На весь трехчетвертной наконечник оттянул, тогда пустил. Тенн-тени стрела зазвенела... Лесного духа стрелой с ног сшибло, на три сажени отбросило. Стрела дальше полетела, позади войска по самым перья в землю ушла. У Вищ-Отыра тетивой кожу с пальцев посдирало»²⁵⁹. «Кровавый богатырь... вышел со своим сыном на улицу... его сын положил стрелу на тетиву лука, натянул тетиву и спустил... (Произведенным ветром) был сметен в кучу изобильный мусор всего селения, был сметен в кучу весь обильный сор всего города. Попав рубящему мужу в самую (соб.: хорошую) середину между двумя лопатками, она и сильно изогнулась, подобно тому как у ложечника (гнется дерево) на кангресе. Ее черенок раскололся и изломался (при этом) в мелкие куски подобно игрушке маленьких детей»²⁶⁰. Чтобы подчеркнуть продолжительность боя, в былинах говорится: уже пальцы устали от натягивания лука, а кольчуга пришла в негодность от многочисленных попаданий стрел²⁶¹. Обращение за помощью звучит как просьба «заменить новыми изломанные черенки стрел, приделать новые перья к стрелам, у которых они изорвались»²⁶².

Если в устной традиции речь заходит о войнах, то прежде всего говорится о луке ²⁶³. Приготовление к войне заключалось в подготовке лука и стрел. В одной из былин сказано, что, узнав о приближении вражеского войска, братья героя заперлись в городке, сам же он «сел строгать стрелы, 1000 стрел... настрогол» ²⁶⁴. Точно так же поступают действующие лица других селькупских и хантыйских преданий ²⁶⁵. Согласно эпическим сказаниям, при подготовке к войне мужчины разделяются на две группы. Одна заготавливает дровки, другая — наконечники ²⁶⁶. В отдельных случаях селькупы, например, считали убитых по тетивам. «Собрали тетиву с ненецких луков (у погибших) — на две нарточки сложили. Собрали у наших — на одну нарточку сложили...» ²⁶⁷

Таким образом, материалы фольклора свидетельствуют о ведущей роли лука в общей системе вооружения. Это положение подтверждается археологическими данными: наконечники стрел являются одной из наиболее массовых категорий находок.

Имеющиеся неясные сведения о боевых порядках войск во время сражения также свидетельствуют об их подчиненности нуждам лучного боя. Из фольклорных материалов следует, что наряду с рассыпной стрелковой цепью в бою использовались и некоторые более сложные построения. Первую ударную линию составляла цепь, очевидно, тяжеловооруженных воинов (в доспехах, прошедших специальную подготовку по отбиванию стрел). За каждым из них становились стрелки, количество которых зависело от общей численности войска и доли в ней панцирных воинов. По одним свидетельствам, за каждым тяжеловооруженным воином стояло 10 чел., по другим — 30 ²⁶⁸. Фактически разброс мог быть и больше. Взаимный порядок построения этих единиц был, по всей видимости, линейный. Функции первого эшелона состояли в защите второго, который использовал латников как прикрытие. Этот порядок вырисовывается из следующего сообщения: «У одного только человека была кольчуга. Его с малых лет учат стрелы отбивать... Этот человек впереди стоит. Остальные за его спиной стоят. Выглядывают и стреляют» ²⁶⁹. Одновременно стрелки прикрывали своих защитников от внезапных ударов с тыла. Такой строй, очевидно, облегчал сближение с противником и атаку. Вероятно, он обеспечивал эффективность при взятии городков, позволяя приблизиться под градом стрел к стенам, и, пока лучники сбивали стрелами со стен защитников, некоторые тяжеловооруженные воины прорубали ограждения. Эпос содержит лишь косвенные данные на этот счет. Одетый в панцирь богатырь рубит топором стену. Занятый этим делом, он мало обращает внимания по сторонам. Защитники, естественно, пытаются поразить его стрелой, придавить бревном или же вывести из строя каким-нибудь другим способом ²⁷⁰. Защитить свою ударную единицу от неприятеля и призваны в данный момент стрелки, которые под прикрытием одетых в доспехи воинов подбираются под стены городища. Принципы такого боевого порядка, когда за тяжеловооруженными воинами, выполняющими функцию прикрытия, стояло несколько активно действующих стрелков, составляющих боевую единицу, хорошо известны. Они характерны прежде всего для пехотных формирований ранних армий древности ²⁷¹. Такое построение уже требовало серьезной выучки. Вообще же армия миллионного типа, несмотря на высокую индивидуальную подготовку состава, в силу своего характера могла освоить лишь элементарные боевые по-

рядки, предполагающие осуществление несложных маневров²⁷². В этом аспекте описанное построение представляется высшей ступенью в развитии тактических основ военного дела, которой могло достичь лесное население.

С тактикой полевой войны тесно связан вопрос о резервах. Однако каких-либо более или менее определенных сведений о них нет. Да и вряд ли эти резервы создавались. В условиях стремительных неожиданных набегов в них не было особой необходимости. Кроме того, их трудно было выделить из сравнительно небольших по численности отрядов.

В устном творчестве сохранились описания различных способов борьбы, в том числе поединков двух наиболее сильных людей-богатырей или (чаще всего) предводителей враждующих сторон. Исход их боя решал судьбу одной из сторон. Смерть или поражение одного из них автоматическим означали победу над всеми его воинами. Победители расправлялись с врагами, забирали добычу и уходили. Судя по героическим сказаниям, такие поединки происходили в присутствии всех воинов или населения осажденного города, которые наблюдали за событиями. Из оружия наиболее часто в этих эпизодах упоминаются лук и стрелы. Впрочем, перед началом борьбы противники договариваются о том, как они будут сражаться, и едко издеваются друг над другом²⁷³. В том случае, если перестрелка не приносила удачи ни одной из сторон, противники переходили к более решительным действиям. Как раз о таком случае повествует былина про богатырей Эмдера: «Когда их кольчуги сделались негодными, они израсходовали свои стрелы. (Тогда) они стали поражать друг друга листовничными дубинками»²⁷⁴. Этот рукопашный бой по мере постепенного использования средств нападения и защиты переходил в драку голыми руками. Таким образом, поединок развивался по тому же плану, что и сражение войск: первый этап — перестрелка, второй — рукопашная схватка с применением всех имеющихся средств, третий — преследование (если в нем была необходимость). Впрочем, в некоторых случаях данная схема могла упрощаться за счет отказа от какого-либо этапа и ограничения рамок поединка. Стороны предварительно договаривались об этом. Так, в предании «О двух внуках старика с вершины речки, откуда бежит вода» поединок сразу начинается с рукопашной. Враги решают: «Будем сражаться топором и мечом (соб.: ножом)!»²⁷⁵ В другом случае стороны еще более ограничивают себя в средствах боя: «„На тебя и стрелу жалко тратить, кулаком убью! — Да и я в тебя стрелять не стану, и так пришибу!“ Бороться схватились. Аут-Отыр скоро свалился»²⁷⁶. Регламентирующие меры принимались, вероятно, для того, чтобы только уравнивать положение соперников, свести дело к состязанию в силе, ловкости и выносливости. Уже после того, как противник был повержен, победитель брал нож. «„Как будем биться — из лука стреляя или в рукопашную схватимся? — А для чего тогда руки у нас?“ — Вищ-Отыр отвечает. Лук в сторону бросил, на лесного духа бросился. Схватились бороться. Вскоре Вор-Пупы Вищ-Отыра наземь повалил. Нож выдернул, горло врагу перерезать собирается»²⁷⁷. Такие поединки, впрочем, не всегда заканчивались гибелью одного из участников. Если ни одна из сторон не могла в течение длительного времени (которое, кстати, не регламентировалось) одержать победу, противники расходились, давая взаимную клятву «не идти сражаться друг с другом на женский век, не идти сражаться друг с другом

на мужской век. Кто из (нас) богатырей делается нарушителем клятвы, у того пусть будет содрана его отливающаяся головная кожа»²⁷⁸.

Необходимо сказать несколько слов о сражениях на воде. Лесная зона Западной Сибири покрыта разветвленной сетью рек, речек, протоков и стариц, водоразделы которых зачастую представляют собой сравнительно небольшие участки суши. Зимой и летом водные артерии служат одним из основных путей сообщения. Именно по ним отправляются в походы со своими отрядами легендарные князья. Зачастую весь поход проходил на лодках, прерываясь краткими вылазками на берег. Извилистые реки, многочисленные укромные протоки, обширные заводи и тихие плесы, крутые, поросшие густой растительностью берега, вплотную подступающие к воде, позволяли одним скрытно и незаметно подобраться, быстрой и неожиданной атакой взять городок или разорить поселение и раствориться в просторах сибирской тайги, а другим выбрать удобное место и, не мешкая, уничтожить отряд, так и не дав ему развернуться к бою.

Противники пытались напасть на воде, как и на суше, внезапно. Часто устраивались засады с берега. Основными видами оружия были также лук и стрелы. Поражалась прежде всего живая сила, однако если лодки были берестяные (как у самоедов, по легендам), то основная стрельба сосредоточивалась по ним²⁷⁹. Выпавшие из лодок под их прикрытием пытались добраться до берега. Для маскировки использовались плывущие коряги и бревна²⁸⁰. Выработалась специальная тактика борьбы с противником, сидящим в лодке. Во время перестрелки на воде стремились убить прежде всего рулевого, чтобы лишить лодку управления. Из засады его также старались поразить в первую очередь. По мере того как лодка проплывала (в том случае, если все сидели лицом в одну сторону), поочередно стреляли в задних, стараясь поразить как можно больше врагов, пока передние не поднимут тревогу²⁸¹.

В борьбе с неприятелем, плывущим по реке, применялись и «технические средства». О системе сигнализации уже говорилось. Помимо нее, в нужных местах ставили запоры, не позволявшие пристать к берегу²⁸². С той стороны, откуда ожидалось появление неприятеля, устанавливали своеобразные «мины»: на относительно мелководье с быстрым течением в дно забивали колья острием к ожидаемому врагу. Вершины кольев, которые перерогаживали реку, были едва прикрыты водой. Лодки неприятеля, на скорости налетая на преграду, переворачивались, получали повреждения, а люди — увечья. Оказавшиеся в воде воины уже не могли оказать серьезное сопротивление²⁸³. В фольклоре такие колья называются «подобные журавлиным ногам»²⁸⁴. В случае неудачи или явного преимущества неприятеля более слабая сторона использовала лодки для поспешного бегства²⁸⁵.

В соответствии со способами нападения организовывалась оборона. Оборонительные сооружения рассматриваются как следствие внезапных нападений, которые приобретали все больший размах²⁸⁶. Растущие потребности во все больших непроизводительных затратах на оборонные мероприятия в обществе в значительной степени являлись вынужденными и были естественной реакцией, защитной мерой от нападений противника без предупреждения, без указания места боя. Таким образом, эти затраты, которые были тем более велики в рамках экстенсивного хозяйства, являются надежным индикатором общей военизации обстановки.

В свете вышесказанного представляется возможным говорить о дифференциации форм борьбы на наступательные и оборонительные. Прежде чем перейти к рассмотрению вторых, необходимо сделать несколько замечаний относительно характера источников. Большая конкретность многих сказаний с указанием мест действия, которые традицией увязываются непосредственно с археологическими памятниками, дает редкую возможность верифицировать данные фольклора и осветить археологический источник живым словом легенды. Однако здесь как нигде сказываются досадные пробелы в общей археологической изученности территории.

Это проявляется прежде всего в том, что огромный пласт материалов, связанных с городищами, не введен в научный оборот. Большая часть укрепленных поселений Приобья пока не обследована. Работы, связанные с планиграфией, примерной датировкой, только разворачиваются, не говоря уже об общем и корреляционном картографировании по типам, размерам, времени. Подобные исследования могли бы дать ценные сведения об эволюции градостроительства, динамике развития оборонительных систем (с выходом на общую политическую и социальную обстановку), позволили бы конкретизировать исторический процесс. В настоящее время предпринимаются первые опыты такого изучения. К сожалению, их результаты не введены в научный оборот. В ряде публикаций планы оборонительных систем или не даны вовсе, или слишком схематичны и нуждаются в уточнениях. На сегодняшний день одна из самых острых проблем западно-сибирской археологии — проблема датировки и культурной принадлежности. Парадокс заключается в том, что при достаточно большом количестве исследованных памятников отсутствуют комплексы надежной датировки²⁸⁷. Это касается и городищ. Все это лишает возможности выделить специфику оборонительных систем средневековья, проследить ее истоки и эволюцию во времени и пространстве, рассмотреть их конструктивные черты с точки зрения культурно-исторических влияний. Городища с их оборонительными системами еще остаются тайной, ключ от которой пока не найден.

Сравнивая созданные к настоящему времени классификационные схемы городищ Томского и Нижнего Приобья, Прииртышья, Зауралья²⁸⁸, можно обнаружить определенное единство в системе выбора местоположения, планиграфии и конструкции оборонительных поясов между памятниками. В этой связи уместно привести замечание А. П. Дульзона о том, что в сходных материальных условиях формируются примерно одинаковые хозяйственно-культурные уклады, поэтому для групп, живущих в такой среде, недостаток сведений об одной до известной степени может быть восполнен материалами о другой²⁸⁹. В военной среде это положение особенно применимо, ибо стремление к достижению максимального эффекта при минимальных затратах всегда заставляет заимствовать технические инновации, самое современное оружие и способы вооруженной борьбы, все положительное, что есть у противника.

Фортификационные войны неразрывно связаны с общим характером военных действий, являясь лишь их некоторой разновидностью, сохраняя в себе все черты полевых столкновений. Тактические приемы, применяемые в оборонительных войнах, базируются на той же материально-технической и экономической основе, что и в наступательных. Поэтому представляется, что осадные действия в силу особенностей социально-эконо-

мического развития не могли носить затяжного характера, а проводились достаточно энергично. В случае неудачи первых натисков они довольно быстро прекращались. Сложившиеся устойчивые производственные циклы в значительной степени лимитировали длительность осадных действий. В. А. Могильников отмечает, что небольшие по размерам городища не могли вместить всего населения, которое проживало, судя по остаткам культурного слоя, за пределами укрепленного пояса²⁹⁰. Поэтому в периоды возникновения военной угрозы неизбежно возникавшая в укрепленных центрах скученность, с одной стороны, укрепляла оборону, но с другой — была фактором сокращения ее продолжительности. Это происходило из экономических возможностей присваивающего хозяйства. Как повествуют былины, в городке скоро начинался голод²⁹¹. С. К. Патканов отмечал, что на случай войны запасов не делали. Это, видимо, было связано с сезонной распыленностью масс²⁹². Не в лучшем положении зачастую оказывались и осаждающие. Как говорилось, возможность ведения войны за счет противника резко ограничивалась хозяйственно-экономической структурой общества. Осаждающие, чтобы обеспечить себя, вынуждены были отвлечь определенную часть войск на промыслы. Это при общей немногочисленности отрядов ослабляло блокаду. Кроме того, нужды охотничье-рыболовецкого промыслового хозяйства требовали скорейшего возвращения всех воинов к производственной деятельности. Не случайно в былинах звучат связанные с этим мотивы.

Незначительные размеры некоторых городищ и между тем большие затраты на сооружение оборонительных систем, явно непосильные для небольшой группы, способной проживать на его территории; отсутствие видимых следов каких-либо долговременных жилищных комплексов наводят на мысль, что здесь было временное укрытие, в котором окрестное население пережидало опасность.

Внешний облик укреплений хорошо реконструируется по археологическим данным и сведениям фольклора. Городища, как правило, строили на господствующих высотах (сопках), выдающихся мысах или высоких коренных террасах вблизи оврагов и промоин. Впрочем, известны сооружения и на островках, например Белый Яр²⁹³. Во всех случаях их возводили на наиболее укрепленных естественных позициях, которые во многом определяли характер обороны и облик защитных конструкций. Для увеличения крутизны склона скат возвышенности окапывали почти до отвесного состояния. Вынутую землю часто использовали для подсыпки площадки и создания валов. В зависимости от обстановки рвы и валы устраивали либо с одной наименее защищенной пологой стороны, либо по всему периметру (Новоникольское I, на Линево́й Сопке, Большепристанское — в Приирты́шье; на Апсагачевской Горе, на Остяцкой Горе — в Причульме́е; Сортынья III, Ус-Толт — в Нижнем Приобье)²⁹⁴. По аналогичной схеме были сооружены укрепления на мысах (Безымянское, Кипо-Кулары — Приирты́шье; Центрополигон, у оз. Сыренги на берегу р. Хар — Томское Приобье; Подчаваш — Нижнее Приобье)²⁹⁵. Сходство этих конструкций в том, что подход, а следовательно, и штурм были возможны лишь с одной стороны, поскольку крутизна искусственно укрепленных, естественных обрывов и высот, достигающая 25—30-метровой высоты (Большепристанская, Оронтурское и т. д.), делала бессмысленной всякую попытку приступа с этой стороны. Вот как описывал свои

впечатления от посещения Самарова городка Г. Ф. Миллер: «Этот городок находился на высокой и крутой горе... Я только с большим трудом мог подняться на эту гору со стороны Самаровского яма; со стороны же реки, а также с той стороны, которая лежит ниже по реке, на гору совершенно невозможно подняться... Высоту горы можно считать по отвесу от реки 30—40 саженьей. Так как вершина была прежде очень острой, то ее пришлось несколько срезать и осыпанной землею образовать кругом нее ровное место, как это можно видеть там до сих пор. Нельзя представить себе более простого естественного укрепления. Все место имело не более 10 саженьей в поперечнике. Кажется, там стояли только две избы, как можно заключить по двум ямам; избы были построены наполовину в земле, наполовину над землей и сделаны из досок и, по тогдашнему обыкновению остояков, были покрыты землею»²⁹⁶. А. Ф. Плотников, комментируя легенду о городке на горе Вачек-Юг, писал: скалы (?) эти, высящиеся над р. Васюганом, «действительно высоки и отвесны, и без лестницы нет никакой возможности взобраться»²⁹⁷. В эпических произведениях говорится, что зимой валы и склоны иногда поливали водой²⁹⁸.

Такая планировка позволяла выгодно защищать «крепостцы», концентрируя всю наличную огневую мощь на участке возможного приступа. Конструкция укреплений ров — вал, запиравших узкий участок, давала возможность простреливать важную точку впереди лежащего пространства. Если подход был довольно узким, оборонительную перемычку делали прямой (городища на Остяцкой Горе, на Апсагачевской Горе). Когда же он был достаточно широк, валам и рвам придавалась округлая (в напольную сторону) форма, благодаря чему обороняющиеся, независимо от угла атаки, могли концентрировать в этом направлении огонь не менее половины стрелков. Даже в непосредственной близости от вала резко сокращается мертвое пространство. Городки, имеющие многоярусную систему обороны — две-три линии валов (Сортынья III, Вертинис, Красный Яр, Потчеваш, Апсагачевская Гора и т. д.), заливные рвы (Бзыменское, «У детского дома», Большепристанское, Кошкульское, Барсов Городок II)²⁹⁹, было трудно захватить не только средневековым воинам таежной зоны. Так, в 1194 г. осада Югорского Городка новгородской ратью воеводы Андрея закончилась полным провалом, а в 1581 г. опытный Бряга три дня не мог взять остяцкий городок близ Демьяновского³⁰⁰.

На прямом коренном берегу укрепления строили у самого обрыва, который был естественной защитой с одной стороны. Тенденция к максимальному использованию защитных свойств местности проявлялась в стремлении располагать городище в местах рассечения террасы оврагами, размещать линии защиты в виде перемычки. В ряде случаев перегораживалось пространство между двумя оврагами или промоинами (Скородум I, Малая Бича I, «У д. Атачка», Термитяки V, «У детского дома» — в Приртыше; Плехановское, Тургай I, Могила Агумена, Городок девяти братьев — в Томском Приобье; Мань-Нясан-Тур в Нижнем Приобье)³⁰¹. В зависимости от внутренней планиграфии поселка линия обороны имеет дугообразную либо ломаную (прямоугольную) форму. Устройство таких укреплений, по сравнению с вышерассмотренными, требует больших затрат труда; кроме того, они имеют меньший обзор. Выбор не всегда удобной площадки для некоторых городищ такого типа, по мнению А. П. Дульзона, объяснялся необходимостью иметь вблизи поселения богатые уголья,

хотя местность и не представляет особых фортификационных удобств³⁰². Оборонные качества таких укреплений ниже из-за большого пространства, потенциально подверженного атаке, и необходимости защищать укрепления большой протяженности. Постоянная угроза нападения с нескольких противоположных сторон препятствовала концентрации сил на опасном участке. В целях повышения обороноспособности здесь создавалась многоярусная система рвов и валов, иногда с бастионными выступами для флангового обстрела (городища «У детского дома» — Прииртыше; Могила Агумена — Томское Приобье; Черный Мыс 1—3; Ирмень III — Новосибирское Приобье)³⁰³.

В. Н. Чернецовым отмечено отсутствие постоянных переходов через рвы внутренней площадки городищ³⁰⁴. По мнению Б. А. Коникова, в таких случаях использовали деревянные мостки, которые во время опасности поднимались непосредственно на вал³⁰⁵. Глухая линия оборонительной системы устранила наиболее слабое звено — входовую часть, затрудняя неожиданный захват.

Сообщение с внешним миром, согласно данным фольклора, осуществлялось с помощью своеобразных лестниц, опускаемых непосредственно на берег, с примыкающего к краю террасы участка. Героические былины содержат живое описание подобных сооружений. Согласно одной из них, к воде спускались по конструкции из нескольких бревен, связанных веревками на расстоянии одно от другого 3/4 аршина; такая лестница в случае осады могла подниматься жителями на верх укрепления, где прикреплялась к двум врытым в землю столбам, а при надобности — опускаться³⁰⁶.

В богатырских былинах содержатся довольно реалистичные описания укреплений. Вокруг городища плотно стоят палисады «высотой в 7 лиственниц»³⁰⁷; конечно, такая высота нереальна, это метафора, однако длина частокола 3—6 м представляется вполне допустимой. Бревна стоят настолько плотно, «что ящерке негде пролезть». Они высятся порой в несколько рядов. С внутренней стороны пристроены залавы, «чтобы через стену стрелять ловко было бы»³⁰⁸. Снизу проделаны бойницы для подошвенного боя, через которые простреливается близлежащее пространство и, по всей вероятности, ров. Стоящие возле них богатыри в перерывах между выстрелами закрывают их топором так, что «стрелы обратно улетают». О существовании на стенах площадок для верхнего боя свидетельствуют и упоминания в фольклоре о сбрасывании специально заготовленных бревен на головы осаждающих.

Материалы археологических раскопок, в целом согласуясь с данными фольклора, позволяют сделать ряд дополнений. Прежде всего они касаются конструкции валов, которые в отдельных случаях имели в основании забутованный и засыпанный землей каркас из выложенных клетью бревен. К ним для уплотнения засыпки добавляли поселенческий мусор (в основном обломки керамики)³⁰⁹. Иногда строился своеобразный фундамент из крупных камней, перекрытых бревнами³¹⁰. Дополнительные меры по укреплению рва сводились к облицовке его стенок деревом, которое покрывали слоем обожженной глиняной обкладки³¹¹. Обнаружены и упоминаемые в фольклоре палисады, замыкавшие линию обороны³¹². Примечательно, что строительство защитных поясов сопровождалось сложным обрядом, призванным защитить и от врага, и от происков злых сил. Об

этом наглядно свидетельствуют следы жертвоприношений, обнаруженные в основании вала ³¹³.

Судя по археологическим и фольклорным данным, какие-либо штурмовые технические средства при осаде не применялись. Во всяком случае, упоминаний о них (даже о лестницах) нет.

Материалы героического эпоса свидетельствуют, что наиболее часто на городища нападали врасплох. Или же предпринималась попытка, незаметно подкравшись к входной части и пользуясь оплошностью жителей, проникнуть в укрепление ³¹⁴. Собственно с этого и начиналась (а порой и кончалась) осада. Эти приемы органично вытекали из тактики полевой войны, являясь, по сути, экстраполяцией на новый объект. Иногда начинали прямой открытый штурм: под прикрытием стрелков, препятствующих активным действиям осажденных, группа тяжеловооруженных воинов приближалась к стене и пыталась прорубить в ней брешь, в которую в случае удачи врывались нападающие ³¹⁵. В ответ осажденные пытались задвинуть или сбить врагов бревнами. «По мнению остяков, от седьмого бревна не мог уйти и самый проворный самоед» ³¹⁶. Другой способ избавиться от назойливого пришельца — его поражали сквозь прорубаемое отверстие, пока оно еще было достаточно мало, чтобы он мог что-нибудь заметить (воспользовавшись также фактором отвлечения внимания). За эту работу нередко брался военный предводитель, зачастую единственный, обладавший надежным защитным вооружением. Его убийство нередко вызывало смятение в рядах нападавших и означало конец осады. Именно из-за гибели предводителя нападавших, по свидетельству С. К. Патканова, была снята осада самоедами остяцкого городка на мысу Каттида ванда ³¹⁷. Очевидно, как реакцию на такие способы штурма следует рассматривать засыпку землей деревянной основы стены, а также систему двухрядных укреплений, при которой две стены отделялись друг от друга сравнительно нешироким и глубоким рвом. В него, пробив брешь в первой стене, проникали нападающие. Здесь они, несмотря на всю свою ловкость, не могли увернуться от метко пущенного бревна (Ашеваны II, городище Лиственничный увал — Прииртышье; городище у пос. Белая — Томское Приобье; Сопка I — Обь-Иртышское междуречье; Сортынья III — Нижнее Приобье) ³¹⁸.

Вероятно, нередко использовался такой прием, как ложный отход: временно покинув позиции, осаждавшие незаметно возвращались и внезапно нападали на вышедших из укреплений защитников. Успеху такой операции способствовали многочисленные естественные укрытия. Особый эффект этот прием имел после довольно продолжительной (по местным масштабам) блокады, когда осажденные, томимые начавшимся в результате скуденности голодом, спешили выйти из укрытия. Яркий образец использования подобной тактики дает былина про богатырей г. Эмдера ³¹⁹. Очевидно, иногда городки брали измором, хотя такие случаи в силу особенностей экономического развития были скорее исключением, чем правилом.

Оборона, по всей видимости, не носила исключительно пассивного характера. В удобные моменты предпринимались вылазки, в ходе которых осаждающим наносился ощутимый урон, порой вынуждавший их отступить или снять блокаду. Так это бывало по легендам и так это случилось, согласно новгородской летописи, с ратью воеводы Ядрея ³²⁰.

В заключение обзора особенностей военных действий в лесной зоне остановимся на тактике северных самоедов — былинного врага остяков, значительно отличавшихся от них по хозяйству и культуре. Характерные ее черты блестяще подмечены С. К. Паткановым. Вкратце перечислим их: 1) войско их составляли довольно значительные отряды по 200—300 чел., противопоставить которым равные силы не всегда представлялась возможность; 2) основа тактики — быстрая маневренная война, сочетавшая внезапные нападения врасплох и столь же быстрое отступление; 3) в зимнее время самоеды быстро передвигались по льду на оленях, они гнали дополнительные стада для пропитания; 4) они могли неожиданно появиться практически с любой стороны и были в состоянии вести долговременные осады, вынуждая остяков, не имевших значительных пищевых запасов, сдаваться; 5) летом самоеды совершали быстрые рейды на легких лодках и, пользуясь занятостью мужского населения промыслами, внезапно нападали и грабили поселения; 6) в случае активного противодействия они быстро исчезали, перебегая по суше через все перешейки и волоки ³²¹.

Многие из этих способов военных действий были характерны и для остяков. Однако северные самоеды (во всяком случае, с тех пор, как они приобщились к оленеводству) выступали по отношению к остякам так же, как кочевники-скотоводы по отношению к оседлым земледельцам.

Сходной тактики придерживались и южные тюркоязычные группы населения в периоды своего проникновения на север. Быстрые, внезапные нападения сравнительно небольших мобильных единиц представляются наиболее действенным способом ведения боя в условиях таежной зоны. И ее, по всей видимости, в той или иной мере придерживались все группы лесного населения, равно как и их традиционные противники — соседи с севера и юга, которые были вынуждены во многом изменять характерные для них способы войны и боя в условиях изменившейся оперативной обстановки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление и формирование военного дела коренного населения западно-сибирской тайги проходило в условиях обширных, сильно заболоченных лесных массивов со сравнительно небольшой долей территорий, пригодных к хозяйственному освоению, расположенных в основном вдоль речных водоразделов. Экономическая жизнь населения характеризовалась жесткими хозяйственными циклами, четко детерминированными основными производственными процессами и временную протяженность военных действий. В силу экономических причин население таежной зоны отличалось большой разреженностью, однако уровень развития производительных сил позволял достигать и поддерживать в определенных исторических периоды максимально возможную его плотность. Развитие социально-экономических процессов в эпоху средневековья шло по пути разложения старых, родоплеменных структур и формирования новых — позднепотестарных. При этом оно отличалось неровным волнообразным характером, когда всплески социальной консолидации до уровня «военной демократии» (в обстановке наиболее активных межэтнических контактов) сменялись периодами затухания, сопровождавшимися оживлением старых родовых традиций. Во время подъема в сфере социальной возрастает значение войны и организации для ее ведения. В этой обстановке обмен и связанная с ним товаризация хозяйства порождают новые грабительские стремления в войнах. Завоевательские тенденции способствовали образованию силой оружия новых территориальных объединений и установлению на них культа духа-покровителя, который тоже приобретает территориальный характер. Происходит закрепление культа силы, что проявляется в военизации пантеона, возрастании роли культа богатырей-предков.

В силу особенности социально-экономического развития воинские формирования носили милиционный характер. Низшую единицу боевого членения составляла, по-видимому, семейная группа, которая иногда могла выступать самостоятельно. Анализ оружия свидетельствует, что во второй половине I — начале II тыс. (период внешнеполитической дестабилизации и всевозможных межэтнических перемещений) военная техника коренного населения лесной полосы по качественному и количественному соотношению боевых средств не уступала вооружению соседей и находилась на высоком для своего времени уровне. Этот хронологический промежуток характеризуется наиболее интенсивным притоком кочевнических форм оружия. Однако роль кочевников в развитии военного дела ограничивалась преимущественно поставками оружия новых форм. При

этом его производство развивалось на местной основе. В формировании и расширении арсенала важная роль принадлежала местному комплексу, уходящему истоками в эпоху железа. Однако, несмотря на появление и достаточно быстрое распространение новых форм оружия, практическое их применение продолжало базироваться на уже выработанных тактических принципах. Их специфической чертой на протяжении всего периода средневековья остается преобладание пехотных средств борьбы, быстрых маневренных набегов небольших отрядов. Экономическая база не позволяла вести затяжные войны, выставлять большие массы войск, входить в широкий контакт с неприятелем. Этому в большой степени способствовала и природная обстановка как театр военных действий.

В последующее время в условиях общей стабилизации обстановки намечается тенденция к созданию универсального оружия, которое могло использоваться в производственной деятельности. При этом исчезают специфические формы клинкового оружия. Наибольшее распространение получают местные универсальные типы: топоры, ножи, пальмы, лук и стрелы.

Бесспорно, в настоящее время можно говорить только об основных моментах в истории военного дела коренного населения лесной полосы. Большая часть проблем, хотя, может быть, и затрагивалась на страницах книги, остается нерешенной. Это касается прежде всего начала II тыс., наиболее слабо представленного источниками. Для целостного представления о развитии военного дела необходимо обобщить данные, связанные с татаро-монгольскими завоеваниями и влиянием этих катаклизмов на события в таежной зоне. Кроме того, в дальнейшем необходима верификация и корреляция полученных типологических схем оружия и прежде всего в хронологическом плане. Есть основания надеяться, что это позволит вывести оружие в число надежных хронологически показательных элементов материальной культуры. По-прежнему актуальными остаются проблемы развития фортификационных систем, выявления их особенностей. Весьма перспективным представляется изучение технических и технологических параметров оружия, выявление их изменений и корреляции с типологическими разработками. Для понимания вопросов истории военного искусства коренного населения лесной зоны необходимо детально и всесторонне изучить социальные структуры и военные организации. Необходимо проведение углубленного исследования производственной сферы, которое позволит выяснить ее возможности как экономического потенциала. Дальнейшая разработка военной проблематики предполагает систематизацию сведений по вооружению и военному искусству населения смежной лесостепной зоны, ибо только после выявления их специфики и сравнения полученных результатов с материалами кочевого населения Южной Сибири и Центральной Азии, жителей Циркумполярной зоны и европейской части страны можно будет определить место военного дела аборигенов западно-сибирской тайги в системе военного искусства Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.— Л., 1966.— Вып. 1, 2; Л., 1971.— Вып. 3; Он же. Военное дело на Руси в XIII—XV вв.— Л., 1976; Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА.— 1955.— Т. 23; Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев, 1968; Он же. Скифские лучники.— Киев, 1981.

² Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— Новосибирск, 1980; Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа.— М., 1984.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 164.

⁴ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности.— М., 1984.

ВВЕДЕНИЕ

¹ Массон В. М. Экономический и социальный строй древних обществ.— Л., 1976.— С. 138.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 185.

³ Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 480.

⁴ Там же.— С. 465.

⁵ Грязнов М. П. О едином процессе скифо-сибирских культур // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства».— Кемерово, 1979.— С. 4—5.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 164.

⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА.— 1957.— № 58.— С. 136.

⁸ История Сибири.— Л., 1968.— Т. 1.— С. 303.

⁹ Косарев М. Ф. К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1973.— С. 59.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20, 21.

¹¹ Там же.— Т. 20.— С. 175.

¹² Там же.— С. 171, 175.

¹³ Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 465.

¹⁴ Там же.— Т. 21.— С. 108.

¹⁵ Там же.— С. 164.

¹⁶ Ленин В. И. Соч.— Т. 32.— С. 77.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 29.— С. 154.

¹⁸ Там же.— Т. 20.— С. 171.

¹⁹ См.: Там же.— Т. 6.— С. 441—442.

²⁰ Там же.— Т. 20.— С. 175.

²¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.— Л., 1966.— Вып. 1.— С. 12.

²² Там же.— С. 12, 13.

²³ См.: Кудемзин В. М., Луккина Н. В. Легенды и сказки хантов.— Томск, 1973; Он же. Материалы по фольклору хантов.— Томск, 1978; Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— Л., 1935; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volksprose.— Spb, 1900.— Т. II.

¹ Гейннг В. Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). — Киев, 1982; Он же. Из истории советской археологии 20-х годов // Теория и методы археологических исследований. — Киев, 1982; Деревянко А. П. В поисках оленя Золотые рога. — М., 1980; Мартынов А. И. Историкогеография археологии Сибири. — Кемерово, 1983; Массон В. М. У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА. — 1980. — № 163; Монгайт А. Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. — 1963. — № 4; Прякин А. Д. Периоды развития советской археологии // Проблемы истории отечественной исторической науки. — Воронеж, 1982; Он же. Советская археология: периоды и этапы развития (программа спецкурса). — Воронеж, 1982; Он же. Первый период развития советской археологии (1917 — середина 30-х годов). — Воронеж, 1983; Рыбаков Б. А. Археология // Октябрь и научный прогресс. — М., 1967. — Кн. 2.

² Чиндина Л. А. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. — Томск, 1982.

³ Титова З. Д. К истории этнографического изучения хантов, манси и кстов в XVIII в. — Томск, 1979.

⁴ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерпина и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. — Спб., 1882. — С. 83.

⁵ Кастрен М. А. Путешествие до Лапландии, Северной Росии и Сибири (1838—1844, 1845—1849 гг.) // Магазин земледелия и путешествий. — М., 1890. — Т. VI, ч. 2. — С. 252.

⁶ См.: Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Г. Ф. Миллер. История Сибири. — М. — Л., 1937. — Т. 1. — С. 29.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. — М. — Л., 1937. — Т. 1. — С. 169.

⁸ Миллер Г. Ф. Сибирская история. Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах 1764 г. — Спб., 1764, январь — июнь.

⁹ Радлов В. В. Записки из Сибири. — Спб., 1884. — Т. 2; Он же. Сибирские древности. Из путевых заметок по Сибири. — Спб., 1896; ОАК за 1866 г. — Спб.; 1868; Radloff W. Aus Sibirien. — Leipzig, 1884. — Bd 2.

¹⁰ Флоринский В. М. Первобытныя славяне по памятникам их доисторической жизни. — Томск, 1896. — Ч. 2; Чугунов С. М. Древнее кладбище близ Томска «Тоянов Городок» // Материалы по антропологии Сибири. — Томск, 1901. — Т. 13; ОАК за 1913—1915 гг. — Пг., 1918; ОАК за 1882 г. — Спб., 1894; ОАК за 1889 г. — Спб., 1892; Кузнецов С. К. Материалы по доисторической археологии России // ЗРАО. — Спб., 1899. — Т. 11, вып. 1—2; Он же. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // Изв. имп. Томского университета. — Томск, 1890. — Кн. 2; Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда // ЕТГМ. — Тобольск, 1913. — Вып. 21; Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. — Спб., 1914; Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕТГМ. — Тобольск, 1915. — Вып. 25; Ермолаев А. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского края музея. — Красноярск, 1914. — Вып. 1; Знаменский М. С. Чувашский Мяс. — Тобольск, 1891; Ядринцев Н. М. Список сибирских древностей: Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878—1880 гг. // Древности. — М., 1883. — Вып. 2.—3 (ТМАО); Arne T. I. Barsoff Gorodok — Stockholm, 1935; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken. — Spb, 1897. — Т. 1; Idem. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. — Spb, 1900. — Т. 2.

¹¹ Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Семипалатинской и Семипалатинской волости // Изв. имп. Томского университета. — Томск, 1889. — Кн. 2, отдел 2. — С. 15—57; Он же. Курганы Томской губернии // Там же. — С. 58—86; Лыткин Н. А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1890; Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. — Томск, 1888. — С. 155.

¹² Шавров В. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в обществе истории и древностей российских. — Спб., 1871. — Кн. 2. — С. 11—12; Кастрен М. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и осяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. // Этнографический сборник РГО. — Спб., 1858. — Вып. 4. — С. 308—310.

¹³ Адлер Б. Ф. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. — 1903. — № 3—4. — С. 178—194.

¹⁴ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков и охота с ним // ЕТГМ.—Тобольск, 1915.— Вып. 24.

¹⁵ См.: Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина.— Спб., 1891.— Вып. 3—4; Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken...— Т. 1—2.

¹⁶ Шульц Л. Р. Салымские остяки // Зап. Тюменского общества изучения местного края.— Тюмень, 1924.— Вып. 1.— С. 169.

¹⁷ Левашова В. П. К вопросу о механических свойствах древних орудий // КСИИМК.— 1959.— № 75.— С. 46—56.

¹⁸ См.: Горячкин В. П. Теория ручных орудий // Вестн. металлопромышленности.— 1925.— № 3—4; Желиговский В. А. Ручные ударные орудия и работа ими // Там же.

¹⁹ Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА.— 1968.— № 1.— С. 264—265.

²⁰ Зиняков Н. М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху.— Кемерово, 1976.— С. 106—114.— (ИЛАИ, № 8).

²¹ Чиндина Л. А. Могильник Релка на средней Оби.— Томск, 1977.— С. 27—34.

²² Чиндина Л. А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 95—96.

²³ Чиндина Л. А. Могильник Релка...— С. 30—31.

²⁴ Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX—XIII вв. н. э. // Тр. Камской археологической экспедиции.— Пермь, 1968.— Вып. 4.— С. 279.

²⁵ Кониюков Б. А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья.— Томск, 1980.— С. 70, рис. 1; С. 72, рис. 2; С. 73.

²⁶ Там же.— С. 75—76.

²⁷ Кониюков Б. А. Культура таежного Прииртышья VI—XIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1982.— С. 7.

²⁸ Могильников В. А. Культура племен лесного...— С. 269.

²⁹ Морозов В. М. Средневековые городища Нижнего Приобья // ВАУ.— Свердловск, 1981.— Вып. 15.— С. 144—147.

³⁰ Молодин В. И. Кыштовский могильник.— Новосибирск, 1979.

³¹ Кониюков Б. А., Худяков Ю. С. Наконечники стрел с Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1980.— С. 187.

³² Плотников Ю. А. Развитие рубящего оружия I тыс. н. э. // Материалы XIX ВСИМК.— Новосибирск, 1981.— С. 63—66.

³³ Плотников Ю. А. «Клады» Нижнего Приобья как исторический источник.— В печати.

³⁴ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности.— Новосибирск, 1984.— С. 143—157.

³⁵ Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Нижнем Приобье // МИА.— М., 1953.— № 35.— С. 233.

³⁶ Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа.— Томск, 1984.— С. 62—72, 151—152.

³⁷ Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 139, 142.

³⁸ Басилов В. Н. Избранники духов.— М., 1984.— С. 93, 113—114.

³⁹ Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории.— Новосибирск, 1981.— С. 89.

⁴⁰ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды.— М., 1955.— Т. 3, ч. 2.— С. 94, 95.

⁴¹ См.: Антромова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II.— М.— Л., 1957.— Т. 35.— С. 99—245. (ТИЭ. Новая серия); Гаврилова А. А. Могильник Кудурга как источник по истории алтайских племен.— М.— Л., 1965; Кириичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.— Л., 1966.— Вып. 1, 2; Л., 1971.— Вып. 3; Он же. Военное дело на Руси в XIII—XV вв.— Л., 1976; Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА.— 1959.— № 2; Он же. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII—XIV вв.— М., 1966; Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА.— 1955.— Т. 23; Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы

его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 146—162; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— Новосибирск, 1980; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986.

ГЛАВА II

¹ Хазанов М. М. Сложные луки Евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана.— М., 1966.— С. 40.

² Могильников В. А. Работы в Омском Прииртышье // Из истории Сибири.— Томск, 1974.— Вып. 15.— С. 79, 80; Корякова Л. Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка.— СА.— № 2.— 1979.— С. 12.

³ Могильников В. А. Работы в Омском Прииртышье...— С. 80, 81.

⁴ Савинов Д. Г. Новые материалы по истории делового лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 148.

⁵ Там же.— С. 149.

⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племеш.— М.— Л., 1965.— С. 87.

⁷ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 148—149.

⁸ См. свод находок луков тюркского времени в Южной Сибири: Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1986; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...— С. 339.

⁹ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 149, 150; Он же. Древнетюркские курганы Уаунтала // Археология Северной Азии.— Новосибирск, 1982.— С. 109, рис. 5, 11, 12; С. 112.

¹⁰ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— Новосибирск, 1980.— С. 68, табл. XIV, рис. 10, 11; С. 71, 77.

¹¹ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков и охота с ним // ЕТГМ.— Тобольск, 1915.— Вып. XXIV.— С. 2—6; Пелих Г. И. Происхождение селькупов.— Томск, 1972.— С. 20; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII—XIV вв.— М., 1966.— С. 10—16; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— С. 73.

¹² Чагаева А. С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири.— Томск, 1973.— Вып. 5.— С. 114, табл. V, рис. 9.

¹³ Генниг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // ВАУ.— Свердловск, 1962.— № 3.— С. 56.

¹⁴ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— С. 71; Он же. Вооружение кочевников Приалтайских степей IX—X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 121—123.

¹⁵ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 156.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 54.

¹⁷ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века.— М., 1969.— С. 75—76.

¹⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА.— 1950.— № 18.— С. 219—229.

¹⁹ Кониов Б. А. Культуры таежного Прииртышья VI—XIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1982.— С. 12.

²⁰ Савинов Д. Г. Новые материалы...— С. 152—154.

²¹ Романцова В. В. Курганный могильник Седова Заимка-2 // Археологические памятники лесостепной зоны Западной Сибири.— Новосибирск, 1982.— С. 83, рис. 2, 7.

²² Троицкая Т. И., Молодин В. Н., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области.— Новосибирск, 1980.— Табл. XXII, рис. 3.

²³ Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 19.

²⁴ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Азии.— М., 1976.— С. 133.

²⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 14.

²⁶ Суслев С. П. Физическая география СССР. Азиатская часть.— М., 1954.— С. 50.

²⁷ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей...— С. 132.

²⁸ Там же.— С. 133—135

²⁹ Савинов Д. Г., Полосымак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири.— Новосибирск, 1985.

³⁰ Чиндина Л. А. Могильник Релка на средней Оби.— Томск, 1977.— С. 121; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям.— Спб., 1981.— С. 6 (отд. оттиск); Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1964.— С. 14.

³¹ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie.— Spb, 1900.— Т. 2.— С. 83.

³² Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков... С. 2—6; Душин-Горкавич А. А. Тобольский Север.— Тобольск, 1911.— Т. 3.— С. 99—101.

³³ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков...— С. 7—8.

³⁴ Гадаш Ф., Вискочил И. Лук и стрела.— М., 1960.— С. 10—11.

³⁵ Меднис П. М., Соловьев А. И. О некоторых баллистических показателях западносибирских луков.— В печати.

³⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 30—31.

³⁷ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век...— С. 231.

³⁸ См., например: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору хантов.— Томск, 1978.— С. 32.

³⁹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов... Прил. 2, с. 362; Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— Л., 1935.— С. 62; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— С. 5, 32.

⁴⁰ Шренк Л. Об инородцах Амурского края.— Спб., 1899.— Т. 2.— С. 247.

⁴¹ Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком 1715.— Новосибирск, 1941.— С. 43.

⁴² Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в.— М.— Л., 1945.— С. 74—75 (ТИЭ. Новая сер., т. 5); Бартенев В. На крайнем севере Западной Сибири (очерки Обдорского края).— Спб., 1896.— С. 68.

⁴³ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору...— С. 31.

⁴⁴ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 134.

⁴⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 29.

⁴⁶ Новицкий Г. Краткое описание о народе...— С. 43.

⁴⁷ Маак Р. Описание Виллойского округа Якутской губернии.— Спб., 1887.— Ч. 3.— С. 169.

⁴⁸ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— С. 23.

⁴⁹ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков...— С. 9.

⁵⁰ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.— Томск, 1977.— С. 38, табл. IV, 14.

⁵¹ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков...— С. 9.

⁵² Молодин В. И., Мильникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1 // Источники по археологии Северной Азии.— Новосибирск, 1980.— Табл. X, 6.

⁵³ Гадаш Ф., Вискочил И. Лук и стрела...— С. 28.

⁵⁴ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору...— С. 41.

⁵⁵ Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири.— Новосибирск, 1984.— С. 41.

⁵⁶ Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков...— С. 9.

⁵⁷ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору...— С. 41.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Гадаш Ф., Вискочил И. Лук и стрела...— С. 27—30.

⁶⁰ Там же.— С. 34—35.

⁶¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 49.

⁶² Гадаш Ф., Вискочил И. Лук и стрела...— С. 35.

⁶³ Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов...— С. 40, рис. 1, 6; С. 41.

⁶⁴ См., например: Новицкий Г. Краткое описание о народе...— С. 43; Садовников Г. Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха // ЕТГМ.— 1912.— Вып. XX.— С. 1—2; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 334 и др.

⁶⁵ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век...— С. 206.

⁶⁶ Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире // МАЭ.— М.— Л., 1961.— Т. 20.— С. 85.

⁶⁷ МАЭС ТГУ № 4472, 4473, 8081-5, 4740, 2120; Руденко С. И. Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии.— Л., 1929.— Т. 4, вып. 2.— Рис. 13; Душин-Горкавич А. А. Тобольский Север...— С. 127, рис. 38, 1—4.

⁶⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 266.

⁶⁹ Чернецов В. Н. Вогульские сказки. — С. 134—135; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken... — S. 9.

⁷⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 19—23; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... — С. 112—117; Он же. Колчаны енисейских кыргызов XI—XII вв. // Материалы XIII ВСНК. — Новосибирск, 1975. — С. 53; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... — Табл. XXV, 3; Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей // Города Поволжья в середине века. — М., 1974. — С. 232—275; Гаврилина Л. М. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. — Элиста, 1981. — С. 120—135; Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. — М., 1976. — С. 185—188; Он же. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — С. 31; Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южно-русских степях // МИА. — 1958. — № 62. — С. 151—226.

⁷¹ Бояршинова З. Я. Погребальный обряд в Басандайских курганах // Басандайка. — Томск, 1947. — С. 75 (Труды ТГУ и ТГПИ, т. 98); — Троицкая Т. Н. Красный Яр — памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 106, рис. 5, 2.

⁷² Молодин В. И. Кыштовский могильник... — С. 81.

⁷³ Дульзон А. П. Остатки могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // УЗ ТГПИ. — Томск, 1955. — Т. 13. — С. 109.

⁷⁴ Исторический памятник Русского арктического мореплавания. XVII в. — М. — Л., 1951. — С. 218.

⁷⁵ Гемуев Н. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов... — Рис. 5.

⁷⁶ Попов А. Охота и рыболовство у долган // Сборник статей памяти В. Г. Богораза. — М. — Л., 1948. — С. 23.

⁷⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 22.

⁷⁸ МАЭС ТГУ, кол. № 5962-99.

⁷⁹ См.: Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...

⁸⁰ См.: Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации стрел енисейских кыргызов // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. — Новосибирск, 1975. — С. 310—326; Он же. Вооружение енисейских кыргызов...

⁸¹ Комарова М. Н. Томский могильник — памятник древней истории лесных племен Западной Сибири // МИА. — 1952. — № 24. — С. 42—49; ГИМ, № А17/9в; ОАК за 1889 г. — Спб., 1892. — Рис. 40, 41; ЗРАО. — Спб., 1899. — Т. 11, вып. 1-2, кн. 4. — Табл. II; Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // ИЛИАИ. — Кемерово, 1973. — Вып. 6. — С. 50, рис. 33, 9, 11, 15; Могильников В. А. Ельковская коллекция Томского университета // СА. — 1968. — № 1. — С. 263, 264; МАЭС ТГУ, № 5959; ЛАИ УРГУ, № 7/1348 (раскопки Н. В. Федоровой); Ермолаев А. Ишимская коллекция. — Красноярск, 1914. — Табл. II, 3; ККМ, № 1108; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашнская пещера. — Новосибирск, 1980. — С. 202, табл. LVIII, 1—5, 11, 12; Троицкая Т. Н. Красный Яр — памятник... — Рис. 2—10; ОМК, № 4436; Новиков А. В., Троицкая Т. Н. Работы у села Крохалева Новосибирской области // АО 1985. — В печати.

⁸² Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. — М., 1960. — Табл. 4, 68; Худяков Ю. С. О вооружении таштыкского воина // Новое в археологии Сибири. — Новосибирск, 1979. — Рис. 2, 1—2; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — С. 31, 38—40.

⁸³ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... — С. 98—99.

⁸⁴ Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. — 1956. — № 48. — Табл. XXXVIII, 15; Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чулыше // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 138, рис. 1, 3, 4.

⁸⁵ Комарова М. Н. Томский могильник... — Рис. 27, 24; ГИМ, № а17/9в; МАЭС ТГУ, № 5959; ЛАИ УРГУ, № 7/1348; ГИМ, п. 21/22а.

⁸⁶ Ср.: Хазанов А. М. Очерк военного дела сарматов. — М., 1971. — Табл. XXI, 8, 9, 26, 27; Корякова Л. Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярск // СА — 1979. — № 2. — Рис. 3, 1—3.

⁸⁷ Комарова М. Н. Томский могильник... — Рис. 27, 2, 15; ГИМ, 128/86, А 17/9в; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашнская пещера... —

С. 203; Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки...— Рис. 39, 17, 18, 22; ЛАИ УРГУ, № 7/1348; МАЭ ТГУ, № 5959; Ермолаев А. Ишимская коллекция...— Табл. II, рис. 4.

⁸⁸ Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации...— С. 311—312, рис. 2, 1; Он же. Вооружение енисейских кыргызов...— С. 83—84, 99—101.

⁸⁹ Комарова М. Н. Томский могильник...— Рис. 27, 13—14; ГИМ, А 17/9в; Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки...— Рис. 33, 13; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера...— С. 204, табл. LX, 1—3; Троицкая Т. Н. Красный Яр...— Рис. 5, 22; Чиндина Л. А. Могильник Релка на средней Оби:— Томск, 1977.— Рис. 24, 9; МАЭ ТГУ, МОК 6; ОМК, кол. № 4436; МАЭ ТГУ, № 5959; Ермолаев А. Ишимская коллекция...— Табл. II, рис. 3; ТОКМ, № 298/1-58.

⁹⁰ Медведев А. Ф. Ручное метальное оружие...— С. 21.

⁹¹ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов...— С. 101—103; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...— Табл. XXII; Кызласов Л. Р. Древняя Тува.— М., 1979.— Рис. 85, 5; 153, 5; Стены Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.— М., 1981.— Рис. 19, 10. Овчинникова Б. Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам могильника Аймырдыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— Рис. 1, 12; Грязнов М. П. Древняя история племен...— Табл. XXXVIII, 14; Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане.— Алма-Ата, 1976.— Табл. III, 5, 6; IV, 23.

⁹² Троицкая Т. Н. Могильник Красный Яр-1...— Рис. 5, 23; 24; Она же. Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н. э. на р. Уени Новосибирской области // Археология Южной Сибири.— Кемерово, 1977 (ИЛАИ, вып. 9, рис. 1, 9); Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Погребения с сожжениями...; МАЭ ТГУ, кол. № 5959; ТОКМ, № 2271, 3824.

⁹³ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников...— Рис. 4, 1; Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры...— Рис. 5, 9, 11; Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге // ТТКАЭ.— М.— Л., 1960.— Рис. 65; 76, 3, 6; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века...— С. 103; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов...— С. 86.

⁹⁴ ЛАИ УРГУ, 7/1348; МАЭ ТГУ № 5959.

⁹⁵ Кошкин Б. А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья.— Томск, 1980.— Рис. 1, 1.

⁹⁶ Кызласов Л. Р. Древняя Тува...— Рис. 95, 1; Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ.— 1966.— № 3.— Рис. 10, 22; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...— Табл. XXXI, 10; Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации...— С. 312; Он же. Вооружение енисейских кыргызов...— С. 79; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— М., 1953.— Табл. L, 14.

⁹⁷ МАЭ ТГУ, № 5959.

⁹⁸ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.) // Новое в археологии Казахстана.— Алма-Ата, 1968.— Рис. 19—20; Она же. Курганы с трупосожжением...— Табл. III, 5, 9, 10, 12, 13; IV, 3, 7, 10; Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации...— С. 314; Кызласов Л. Р. Древняя Тува...— Рис. 103, 2; Медведев А. Ф. Ручное метальное оружие...— С. 60.

⁹⁹ Медведев А. Ф. Ручное метальное оружие...— С. 55.

¹⁰⁰ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов...— С. 100, 103, табл. 9.

¹⁰¹ ЛАИ УРГУ, 7/1348; ГИМ, а17/9в.

¹⁰² ЛАИ УРГУ 7/1348.

¹⁰³ Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации...— С. 314.

¹⁰⁴ Могильников В. А. Исследование Малотелевдинских курганов // КСИА.— 1969.— № 20.— Рис. 38, 2—6, 11—12; Кошкин Б. А. Материалы к характеристике вооружения...— Рис. 1, 3, 4, 10, 15, 16; Чагаева А. С. Могильники и окрестностях деревни...— Табл. 1, 3—5, 8; МА ОГПИ, кол. Кп, Лрг, Мтб, У-И, Ок. Ал. (раскопки Б. А. Кошкина); ЗРАО.— Т. 9.— Табл. 2, 2; Плетнева Л. М. Курганный могильник у деревни Могильники // Из истории Сибири.— Томск, 1973.— Вып. 5.— Табл. 1, 12, 13; Троицкая Т. Н. Одиновская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа.— Новосибирск, 1981.— Рис. 5, 1, 2; Она же. Могильник Красный Яр-1...— Рис. 3, 3; Чиндина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 21, 16, 17; МАЭ ТГУ, МОК 6.

¹⁰⁵ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов...— С. 88, 101—102.

¹⁰⁶ МА ОГПИ, кол. Кп, Арг, Мтб (раскопки Б. А. Коникова); Могильников В. А. Раскопки Малотобевдинских курганов...— Рис. 38, 10; НОКМ (раскопки Е. Е. Сидорова); Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенника-3 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа.— Новосибирск, 1981.— Рис. 2, 6; Чиндрина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 3, 14; МАЭС ТГУ, МОК-6.

¹⁰⁷ МА ОГПИ, кол. Мтб, Арг, Кп, Ок; Чиндрина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 19, 15; МАЭС ТГУ, МОК-6; Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Погребения с сожжениями... Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки...— Рис. 33, 10; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдаштинская пещера...— С. 204, табл. LX, 13.

¹⁰⁸ Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации...— С. 314.

¹⁰⁹ Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Stockholm, 1935.— Fig. 70, b. c. e.; ТОКМ, № 2267; МА ОГПИ, кол. Ок, У-И; МАЭС ТГУ, № 4286, 4284, 4297—4307, 5987; Плетнева Л. М. Тоянов Городок (по раскопкам М. П. Грязнова в 1924 г.) // Из истории Сибири.— Томск, 1976.— Вып. 19.— Табл. V, 8; ККМ, 6/№, № 638, 627; Плетнева Л. М. Курганый могильник у деревни...— Табл. I, 7; ТОКМ, № 2272; Викторова В. Д. Ликинский могильник // ВАУ.— 1973.— № 12.— Табл. X, 9; Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ.— 1952.— Т. 9.— Табл. IV, 5, 6; Он же. Остяцкие могильники XVI—XVII веков...— Табл. V, 13; Романцова В. В. Курганый могильник Седова Заимка...— Рис. 2; ЗРАО.— Т. XI.— Табл. II, 31; ТОКМ, № 298/1—50; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдаштинская пещера...— С. 202, рис. 7; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА.— 1957.— № 58.— С. 227, табл. XLIII, рис. 4.

¹¹⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 68.

¹¹¹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— Прил. 5, табл. XIX.

¹¹² Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Fig. 138; Пигнатти В. Искер // ЕТГМ.— 1915.— Вып. XXV.— Табл. III, рис. 8; ОКМ, № 4436; Басандайка.— Томск, 1947.— Т. 98.— Табл. 90; Коников Б. А. Материалы к характеристике...— Рис. 2, 9, 10, 12—16; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XL, 2; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии...— Табл. XLIII, 2, 3, 5; ТОКМ, кол. № 298/1—50; МА ОГПИ (раскопки А. С. Чагаевой); Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв.— М., 1981.— Табл. 67, 14; ГИМ, р13/216; НОКМ, № 6040.

¹¹³ Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов...— С. 45—47.

¹¹⁴ Пигнатти В. Искер...— Табл. III, 10, 11, 13; ОКМ, № 4554, 4436; МАЭС ТГУ, № 4892; Коников Б. А., Худяков Ю. С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— Рис. 1; ККМ, № 735; ГИМ, № А 7196, а 17/9в; МАЭС ТГУ, № 4287; Басандайка— Табл. 56, 83; МА ОГПИ; Коников Б. А. Материалы к характеристике...— Рис. 1, 27—54; 2, 4—7; ККМ, 6/№; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье...— Табл. XXX, рис. 14; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 2; ТОКМ, № 2266; Чиндрина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири.— Томск, 1975.— Вып. 16.— С. 67, рис. 15; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдаштинская пещера...— С. 204, рис. 7, 10; Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея...— Табл. 67, 10; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии...— С. 236, рис. 1, 2; ГИМ, № 103/496, 103/44а; МАЭСТГУ, № 4282, 4286.

¹¹⁵ Бояринова З. Я. Погребальный обряд...— С. 154.

¹¹⁶ Дьяконова В. П. Поздние археологические памятники Тувы // ТТКАЭ.— 1966.— Т. 2.— С. 357.

¹¹⁷ ТОКМ, № 2266; Басандайка.— Табл. 83; Коников Б. А. Материалы к характеристике...— Рис. 1, 55; Архив МАЭС ТГУ, 110-1; Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея...— Рис. 67, 8, 9; Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки...— Рис. 33, 10; ЛАИ УРГУ, 7/1348; ККМ, 6/№.

¹¹⁸ ЛАИ УРГУ, 7/1348; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдаштинская пещера...— С. 205; рис. 1, 2; ЗРАО.— Т. 11.— Табл. II, 23; ЛАИ УРГУ (раскопки В. М. Морозова); Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Fig. 99; МА ОГПИ, кол. Арг, Кп, Мтб; Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея...— Табл. 67, 11; ККМ, № 735, 6/№; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXIX, 16; ГИМ, № 103/519.

¹¹⁹ МАЭС ТГУ, № 6710 (раскопки Е. М. Пеняева); Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 16, 17; МА НГПИ, А-10; ОКМ, № 4554.

¹²⁰ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Миусинской котловины. — М., 1960. — С. 139.

¹²¹ Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. — М., 1965. — С. 192.

¹²² Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. — 1966. — № 2. — С. 59.

¹²³ ЗРАО. — Т. 11. — Табл. II, 31; ОМК, № 4554, 4436; МА ОГПИ, кол. Мтб, Кп; Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки... — Рис. 30, 14; МАЭС ТГУ, № 6734 (раскопки Е. М. Пеняева); Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ. — Томск. — 1952. — Т. 9. — Табл. I, IV; Он же. Остатки могильника... — Табл. V, 1—3; Басандайка... — Табл. 52; Молодин В. И. Кыштовский могильник... — Табл. XXXVIII, 18—23; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследования памятника Кыштовка-1... — Табл. V, 5; IX, 3, 4; МАЭС ТГУ, № 5987, 6734, 6714; ТОКМ, № 2267; ККМ, 6/№.

¹²⁴ Басандайка. — Табл. 83; МАЭС ТГУ, № 6734, 6710; Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ. — 1953. — Т. 10. — Табл. I, 1, 9; Он же. Чулымские татары и их язык... — Табл. I, 1—3; III, 2—5, 10; Молодин В. П. Кыштовский могильник... — Табл. XXXVIII, 24, 25; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1... — Табл. V, 3; IX, 2; МАЭС ТГУ, № 4283, 2437; ОКМ, № 4436, 4554.

¹²⁵ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). — Улан-Удэ, 1970. — С. 121.

¹²⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... — Табл. XXV, 5.

¹²⁷ Грязнов М. П. История древних племен... — Табл. LXI, 3.

¹²⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 77.

¹²⁹ Ковычев Е. В. Лук и стрелы восточнозбайкальских племен I тыс. н. э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 106.

¹³⁰ МАЭС ТГУ № 5987; ОКМ, № 4436, 4554.

¹³¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 77.

¹³² ТОКМ, № 2266; МАЭС ТГУ, № 4306; МА ОГПИ, кол. Кп; МАЭС ТГУ, № 4283.

¹³³ Пигнатти В. Искер... — Рис. 16; ОКМ, № 4436; Молодин В. И. Кыштовский могильник... — Табл. XXXIV, 11—15; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1...; МА НГПИ, кол. Гж А-10 (раскопки В. И. Соболева); МАЭС ТГУ, № 5987, 6710, 6734, 6707, 6714; НОКМ, кол. № 6040.

¹³⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 66.

¹³⁵ ТОКМ, № 2267; ККМ, 6/№; Молодин В. И. Кыштовский могильник... — Табл. XXXVIII, 11, 12; ККМ, № 627; МА НГПИ, кол. А-10 (раскопки В. И. Соболева).

¹³⁶ Хамзина Е. А. Археологические памятники... — С. 31, табл. I, 3, 6; IV, 4; VIII, 2; Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия... — С. 197; Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. — Л., 1929. — Т. 4, вып. 2. — С. 58; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов... — С. 95, табл. II; Деревянко Е. И. Троицкий могильник. — Новосибирск, 1977. — Табл. XIX, 8, 9.

¹³⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 77—78.

¹³⁸ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии... — Табл. XLIII, 9; ККМ, № 638, 735; МАЭС ТГУ, № 6207 (сборы И. М. Мягкова).

¹³⁹ Арне Т. I. Barsoff Gorodok. — Fig. 80; МА ОГПИ, кол. Кп, У—И.

¹⁴⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 63, 69.

¹⁴¹ МА ОГПИ, кол. Кп; МАЭС ТГУ, № 5987; МА НГПИ, А-10.

¹⁴² ГИМ, № 42/3; МАЭС ТГУ, № 5987; Арне Т. I. Barsoff Gorodok. — Fig. 12;

Молодин В. И. Кыштовский могильник... — Табл. XXXIX, 22, 23; ККМ, № 628, 375; ТОКМ, № 298/1—58; Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. — Томск, 1975. — Вып. 16. — Табл. 13, рис. 12.

¹⁴³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... — С. 74.

¹⁴⁴ ЛАИ УРГУ, № 7/1348.

¹⁴⁵ Пигнатти В. Искер... — Табл. III, 14; МАЭС ТГУ, № 4886, 5987; ККМ, 6/№; Басандайка. — Табл. 50, 52; МА ОГПИ, кол. У-79, Кп-78; МА НГПИ, А-10.

¹⁴⁶ МАЭС ТГУ, № 2433.

¹⁴⁷ Там же, № 4289.

¹⁴⁸ МА НГПИ; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 26—30; XXXIX, 1—10.

¹⁴⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 65.

¹⁵⁰ МА ОГПИ, кол. Мтб-77; Романцова В. Д. Курганный могильник...— Рис. 3, 6; Троицкая Т. Н. Красный Яр-1 — памятник...— Рис. 5, 30; Чиндина Л. А. Разведка в верховьях р. Кети // Из истории Сибири.— Томск, 1977.— Вып. 15.— Табл. III, 2.

¹⁵¹ МА ОГПИ, Арг-77; Матюченко В. И., Коркина И. А. Исследование Берегаевского могильника на среднем Чулыме в 1875 году // Этнокультурные явления в Западной Сибири.— Томск, 1978.— Рис. 12, 9; МАЭС ТГУ, № 6734; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— XXXVIII, 5; МА НГПИ, А-10; Соболев В. И. Курганы XIII—XIV вв. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири.— Томск, 1978.— Рис. 2, ж; МИКНС НИФиФ, С-2; ТОКМ, № 2263.

¹⁵² МАЭС ТГУ, № 4892; МА ОГПИ, Арг-77; МАЭС ТГУ, № 5987; МА НГПИ, Гж-81; ТОКМ, № 2267; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 3, 4; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1...— Табл. IV, 2; Соболев В. И. Курганы XIII—XIV вв. у с. Туруновка...— Рис. 2, з, и; Матюченко В. И., Коркина И. А. Исследования Берегаевского могильника...— Рис. 12, 7; Коников Б. А. Материалы к характеристике вооружения...— Рис. 1, 26; МА НГПИ, Сб-1 (раскопки А. А. Адамова).

¹⁵³ ЗРАО.— Т. XI.— Табл. II, 30; Чиндина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 6, 5; Басадайка.— Табл. 72; Пигнатти В. Искер...— Табл. III, 12; Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Рис. 92, 128; МА ОГПИ, Мтб-78, Кп-78; Сб-1; МАЭС ТГУ, № 7882; Чиндина Л. А. Разведка в верховьях р. Кети...— Табл. III, 3.

¹⁵⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 71.

¹⁵⁵ МАЭС ТГУ, № 6734, 5987, 7382 (раскопки О. Б. Беликовой); МА ОГПИ, Арг-77, Кп-78; Романцова В. Д. Курганный могильник Седова Заимка...— Рис. 3, 7; Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея...— Табл. 67, 4.

¹⁵⁶ Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 7, 8; Дульзон А. П. Чулымские татары...— Табл. I, 7.

¹⁵⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 70.

¹⁵⁸ МАЭС ТГУ, № 4665; Пигнатти В. Искер...— Табл. III; МА ОГПИ, У-И-78; МАЭС ТГУ, № 4305; Чиндина Л. А. Могильник Релка...— С. 30; МАЭС ТГУ, МОК-1, П; Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Fig. 2470a, 73a, 106, 101; ККМ, № 670, 6/№; Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 9, 10; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1...— Табл. IV, 4; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье...— Табл. XLIII, 6; Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних...— С. 63; Соболев В. И. Курганы XIII—XIV вв. у с. Туруновка...— Рис. 3; МАЭ МГУ, № 281; МИКНС НИФиФ, С-1 (раскопки В. С. Елагина); ЛАИ УРГУ (раскопки В. М. Морозова); ККМ, № 735; Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Я. Мангазея...— Табл. 67, 1—3, 5—7; ТОКМ, № 2263; МАЭС ТГУ, № 6712; ГИМ, № 41/2.

¹⁵⁹ Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области...— Табл. XXII, 2.

¹⁶⁰ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии...— Табл. XLIII, 4; ККМ, № 226; Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея...— Рис. 67, 10.

¹⁶¹ Комарова М. Н. Томский могильник...— Рис. 27, 13, 21; ГИМ, № 128/86, А 17/9в; Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Fig. 70, d; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии...— С. 227, рис. 7, 8; ККМ, № 628, 6/№; МА ОГПИ, У-79, Ичб-79; Коников Б. А. Материалы к характеристике вооружения...— Рис. 2, 3, 12; ЗРАО.— Т. XI.— Табл. II, 25; ЛАИ УРГУ, № 7/1348; ТОКМ, № 198/1—58; Ермолаев А. Ишимская коллекция...— Табл. II, 9; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашанская пещера...— С. 205, рис. 3—8; ОКМ, № 4436; ККМ, № 735; Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Исследование памятника Кыштовка-1...— Табл. X, 6; Викторова В. Д. Ликинский могильник X—XIII вв. // ВАУ.— Свердловск, 1973.— № 12.— Табл. X, 8.

¹⁶² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 62.

¹⁶³ Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXIX, 18, 19; МИКНС НИФиФ, К-2; МАЭС ТГУ, № 7382.

¹⁶⁴ Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXIX, 17.

¹⁶⁵ ККМ, 6/№.

¹⁶⁶ МА ОГПИ, У-79 (раскопки Б. А. Коникова).

¹⁶⁷ Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXIX, 20, 21.

- ¹⁶⁸ Конииков Б. А. Материалы к характеристике...— Рис. 2, 11; Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера...— С. 202; Ермолаев А. П. Ишимская коллекция...— Табл. II, 10.
- ¹⁶⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 67.
- ¹⁷⁰ Конииков Б. А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные явления в Западной Сибири.— Томск, 1978.— С. 62, 64.
- ¹⁷¹ Комарова М. Н. Томский могильник...— Рис. 27, 16; Ермолаев А. П. Ишимская коллекция...— Табл. II, 1; ЛАИ УРГУ, № 7/1348.
- ¹⁷² Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера...— Табл. XXXV.
- ¹⁷³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 81—82.
- ¹⁷⁴ Чиндина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 3, 15, 16; 5, 16; 6, 8, 19, 14; 24, 7, 8; Конииков Б. А. Материалы к характеристике...— Рис. 1, 21, 23.
- ¹⁷⁵ МА ОГПИ, У-79.
- ¹⁷⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 81.
- ¹⁷⁷ МА ОГПИ, Apr-76.
- ¹⁷⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 84.
- ¹⁷⁹ ЗРАО.— Т. XI.— Табл. 1, 15; МА ОГПИ; Конииков Б. А. Материалы к характеристике...— Рис. 1, 35, 36; Arne T. I. Barsoff Gorodok.— Fig. 69; МАЭС ТГУ; № 1289.
- ¹⁸⁰ НОКМ (раскопки Е. А. Сидорова); Романцова В. Д. Курганский могильник Седова Заимка...— Рис. 3, 8.
- ¹⁸¹ МАЭС ТГУ.
- ¹⁸² МА ОГПИ, Apr-76.
- ¹⁸³ Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X—XI в.— Новосибирск, 1977.— Табл. XLII, XLIII; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 86.
- ¹⁸⁴ Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Погребения с сожжениями могильника...—
- ¹⁸⁵ Деревянко Е. И. Троицкий могильник.— Новосибирск, 1977.— Табл. V, 5.
- ¹⁸⁶ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 84.
- ¹⁸⁷ Конииков Б. А. Культуры таежного Прииртышья...— С. 10, 15.
- ¹⁸⁸ Молодин В. И. Кыштовский могильник...— Табл. XXXVIII, 1.
- ¹⁸⁹ МИГНС ИИФФ, С-2 (раскопки В. И. Молодина).
- ¹⁹⁰ Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей...— Табл. X, XLV.
- ¹⁹¹ Ермолаев А. П. Ишимская коллекция...— Табл. II, 7.
- ¹⁹² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 61.
- ¹⁹³ Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов...— С. 45.
- ¹⁹⁴ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век...— С. 176.
- ¹⁹⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.— Л., 1966.— Вып. 2.— С. 17.
- ¹⁹⁶ Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов...— С. 49.
- ¹⁹⁷ Там же.— С. 48.
- ¹⁹⁸ Руденко С. И., Станкевич Я. В. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавателя XVII в.— М.— Л., 1951.— С. 99, рис. 5.
- ¹⁹⁹ Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов...— С. 47—48.
- ²⁰⁰ Там же.— С. 43—45.
- ²⁰¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие...— С. 73.
- ²⁰² Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 12, 44.
- ²⁰³ Ibid.— S. 1.
- ²⁰⁴ Ibid.— S. 30, 36.
- ²⁰⁵ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 134, 142.
- ²⁰⁶ Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера...— С. 92.
- ²⁰⁷ Гондатти Н. Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири.— М., 1888.— С. 25; Дмитриев-Садовников Гр. На Вахе // ЕТГМ.— Тобольск, 1916.— Вып. XXVI.— С. 8—9.

ГЛАВА III

- ¹ Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник.— 1957.— С. 186—220. (ТИЭ. Новая сер., т. 2).

² Бояршинова З. Я. Погребальный обряд в Басандайских курганах // Басандайка.— Томск, 1947.— С. 156, табл. 32, 52, 55, 56, 75; ЗРАО.— Спб, 1889.— Т. 11, вып. 1-2, кн. 4.— Табл. III, 5; Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э.— Томск, 1983.— Рис. 19, 1, 2; Чиндина Л. А. Могильник Релка на средней Оби.— Томск, 1977.— С. 33—34, рис. 24, 17, 18; МА ОГПИ; Коницов Б. А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья.— Томск, 1980.— С. 74, 75, рис. 2, 22, 24; ТОКМ, № 226, 198; Чиндина Л. А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1978.— С. 92; ККМ, 6/№; НОКМ, № 6001.

³ Руняч А. П. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА.— 1977.— № 4.— Рис. 6, 2.

⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966.— С. 35.

⁵ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда.— Л., 1980.— Рис. 53, 4; 54, 5.

⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.— Л., 1965.— С. 55, рис. 4; табл. V.

⁷ Грач В. А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии.— Новосибирск, 1982.— Рис. 4.

⁸ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— Новосибирск, 1980.— Табл. XL, II, I.

⁹ Деревянко Е. И. Троицкий могильник.— Новосибирск, 1977.— Табл. I, 1; III, 1—4 и др.

¹⁰ Медведев В. Е. О племе средневекового амурского воина (таинник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— Рис. 3, 2; Он же. Средневековые памятники острова Уссурийского.— Новосибирск, 1982.— Табл. XII.

¹¹ Ян Хун. Чжун го губинци Луи цуэнь. (Очерки по истории древнекитайского оружия).— Пекин, 1980 (на кит. яз.).— С. 66, рис. 60, 3; С. 58, рис. 50.

¹² Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА.— 1956.— № 48.— Табл. XIII.

¹³ Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири.— Новосибирск, 1974.— Рис. 7; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...— Рис. 4, 13.

¹⁴ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— Л., 1935.— С. 136; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie.— Spb, 1900.— Т. 2.— С. 21, 46.

¹⁵ Карпини Плато. История монголов // Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука.— М., 1957.— С. 50—51.

¹⁶ Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры...— С. 147—148.

¹⁷ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов.— С. 122.

¹⁸ Карпини Плато. История монголов.— С. 50.

¹⁹ Чиндина Л. А. Изображения воинов...— Рис. 2, 1.

²⁰ Чагаева А. С. О хронологии памятников Чувацкого Мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.— Томск, 1970.— Табл. I, рис. 94—95; Она же. О полевых археологических исследованиях кафедры истории Омского государственного педагогического института им. Горького летом 1965 г.— Архив ИА АН СССР.— С-1/3302.— С. 4, 5, табл. XXIII, 8; XXV, 2; МА ОГПИ, кол. Кк; ЗРАО.— Т. 11.— Табл. IV, 9—11; Чиндина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 10, 16; МАЭС ТГУ. МОК-1, № 413; ККМ, 6/№; Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни (опыт славянской археологии).— Томск, 1896.— Ч. 2, вып. 1.— С. 185, 186.

²¹ ЗРАО.— Т. XI.— С. 319.

²² Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана.— М., 1978.— С. 27, табл. 18.

²³ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА.— 1952.— № 2.— Рис. 1, 4.

²⁴ Черненко Е. В. Оружие из толстой могилы // Скифский мир.— Киев, 1975.— Рис. 20; Ян Хун. Очерки по истории древнекитайского...— Рис. 14; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы...— С. 35.

²⁵ Сыркина И. А. О бронзовых пластинах Истыцкого и Сузгунского кладов // СА.— 1973.— № 4.— С. 260.

- ²⁸ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — М., 1957. — С. 211.
- ²⁷ Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985. — С. 137—143.
- ²⁸ Федорова Н. В. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1981. — С. 151.
- ²⁹ Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам... — С. 184.
- ³⁰ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. — Томск, 1972. — С. 128, 293.
- ³¹ Ян Хун. Очерки по истории древнекитайского... — С. 21, 22.
- ³² ТОКМ, № 226.
- ³³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Л., 1971. — Вып. 3. — С. 18.
- ³⁴ Ян Хун. Очерки по истории древнекитайского... — Рис. 2, 12, 13.
- ³⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — С. 16—19.
- ³⁶ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — С. 125.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ОАК за 1899 г. — СПб, 1902. — С. 136, 137, рис. 273.
- ³⁹ Чиндина Л. А. Изображения воинов... — С. 92. Исследовательница отметила различные стилистические особенности в передаче защитного покрытия, однако она остановилась лишь на фигурке второго воина, полагая, что он заечатлен в пластичном доспехе ремennого крепления (ламелярном, по нашей классификации).
- ⁴⁰ ГИМ, № Р9/32в.
- ⁴¹ Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 164; Итс Р. Ф., Гловацкий Г. А. Народный костюм китайского генерала из собраний «Кунсткамеры» // СМАЭ. — М. — Л., 1957. — Т. 17. — Рис. 147—148.
- ⁴² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — С. 20; Он же. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. — Л., 1976. — С. 36—38.
- ⁴³ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969. — Табл. IV; Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1979. — Табл. XXVIII, 1—3.
- ⁴⁴ Robinson H. R. Oriental armour. — L., 1967. — P. 147.
- ⁴⁵ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазья. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. — М., 1981. — С. 87, табл. 79, 1—4.
- ⁴⁶ Мошинская В. И. Материальная культура Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. — М., 1953. — Табл. XV; Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979. — Табл. XXIX.
- ⁴⁷ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Легенды и сказки хантов. — Томск, 1973. — С. 13; Он же. Материалы по фольклору хантов. — Томск, 1978. — С. 31.
- ⁴⁸ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. — Томск, 1977. — С. 93—100.
- ⁴⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. — 1949. — № 9. — С. 240.
- ⁵⁰ Robinson H. R. Oriental armour. — P. 128—136, pict. 62, 67, 68.
- ⁵¹ Ян Хун. Очерки по истории древнекитайского... — С. 29.
- ⁵² Карпини Плато. История монголов. — С. 50.
- ⁵³ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. — Томск, 1972. — Прил. 1, с. 342.
- ⁵⁴ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. — СПб., 1891. — С. 27, 26; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken. Т. 2. — S. 11, 45; Чернецов В. Н. Вогульские сказки... — С. 135—136.
- ⁵⁵ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору хантов. — С. 30.
- ⁵⁶ Чиндина Л. А. Могильник Релка... — С. 33.
- ⁵⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — М., 1957. — С. 213, 136.
- ⁵⁸ МАЭ МГУ, № 350; ГИМ, № 103/476; ККМ, № 1240, 6/№; Ураев Р. А. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области» // ТОКМ. — Томск, 1955. — Т. 5. — С. 327, № 654. К сожалению, в настоящее время в Томском краеведческом музее вещи утрачены.
- ⁵⁹ ККМ, № 1240.
- ⁶⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси... — С. 40; Он же. Древнерусское оружие. — С. 14.

- ⁶¹ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком 1715 г.— Новосибирск, 1941.— С. 21; Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов // Сибирский этнографический сборник. 1.— М.— Л., 1952.— Т. XVIII.— С. 101 (ТИЭ. Новая сер., т. 18); Пелих Г. И. Происхождение селькупов.— С. 301.
- ⁶² Чиндина Л. А. Могиляк Релка...— С. 32, рис. 10, 8; ККМ, № 707; Ураев Р. А. Дополнение...— С. 327.
- ⁶³ Киричников А. Н. Военное дело...— С. 29; Robinson H. R. Oriental armour.— P. 35, pict. 17.
- ⁶⁴ Чернецов В. Н. Бронза усть-полуийского времени // Древняя история Нижнего Приобья.— М., 1953.— С. 163—164.
- ⁶⁵ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 119, 136, 142. Об именах богатырей и князей см.: Боарщинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации.— Томск, 1960.— С. 51; Степанов Н. Н. К вопросу об остяцко-вогульском феодализме // СЭ.— 1936.— № 3.— С. 24.
- ⁶⁶ Пелих Г. И. Происхождение селькупов.— С. 303—305.
- ⁶⁷ Известно лишь несколько деформированных черепов из раскопок Дмитриева-Мамонова на Иртыше. См. об этом: Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета.— Томск, 1888.— С. 31—39.
- ⁶⁸ Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // ЕТГМ.— Тобольск, 1913.— Вып. 21.— С. 9.
- ⁶⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.— Л., 1937.— С. 249.
- ⁷⁰ Устное сообщение И. Н. Гемуева.
- ⁷¹ Киричников А. Н. Древнерусское оружие.— С. 24—26; Арциховский А. В. Оружие // История культуры Древней Руси.— М.— Л., 1948.— С. 242, рис. 250, 251; Robinson H. R. Oriental armour.— pict. 14, 16—19, 29, 31, 40, 41, 66, 75, 85.
- ⁷² Новицкий Г. Краткое описание...— С. 55—72; Миллер Г. Ф. История Сибири.— С. 248; Шавров В. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Обществе истории и древностей российских.— Спб., 1871.— Кн. 2.— С. 7; Кастрен А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний. 1838—1844 гг. // Этнографический сборник РГО.— Спб., 1858.— Вып. 4.— С. 306; Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии...— С. 9; Городков Б. Н. Поездка в Салымский край. Путевой дневник // ЕТГМ.— Тобольск, 1913.— Вып. 21.— С. 52; Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов...— С. 100.
- ⁷³ По функциональному назначению можно сопоставить западно-сибирские бронзовые личины в шлемах с известными кочевническими шлемами с железными масками (личины) кочевого мира, которые, по мнению Н. В. Пятышевой, были атрибутами «культуво-религиозной пантомимы, связанной с шаманизмом у кочевников, когда роль племенного вождя соединялась с ролью жреца-шамана» (см.: Пятышева Н. В. Железная маска из Херсона. (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками).— М., 1964.— С. 34).
- ⁷⁴ Киричников А. Н. Древнерусское оружие.— Рис. 8, 9; Robinson H. R. Oriental armour.— Pict. 66; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв.— М., 1981.— Рис. 51, 17.
- ⁷⁵ Киричников А. Н. Древнерусское оружие.— Табл. XVI, 12; XVII, 1.
- ⁷⁶ Там же.— С. 28—30, рис. 8.
- ⁷⁷ Генинг В. Ф. Тураевский могиляк V в. н. э. // Из археологии Волго-Камья.— Казань, 1976.— Рис. 18; 31, 1.
- ⁷⁸ Спицын А. А. Шаманские изображения // ЗОРСА.— Спб., 1906.— Т. 8, вып. 1.— С. 3; Ахиянганов С. М. От этнической принадлежности каменных изваяний в «треуголах» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана.— Алма-Ата, 1978.— С. 71.
- ⁷⁹ Ахиянганов С. М. Об этнической принадлежности...— С. 74, 77.
- ⁸⁰ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья.— М.— Л., 1966.— С. 67.
- ⁸¹ Смирнов Я. И. Восточное серебро.— Спб., 1909.— Табл. 50; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии.— М., 1982.— С. 234.
- ⁸² См.: Ахиянганов С. М. Об этнической принадлежности...
- ⁸³ Спицын А. А. Шаманские изображения.— Рис. 4; Heikel A. Antiquites de la Siberia Occidentale.— Helsingfors, 1894.— Pict. XXI, 10.
- ⁸⁴ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье...— С. 189—190.
- ⁸⁵ Там же.— С. 190.
- ⁸⁶ Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии...— С. 9—10.
- ⁸⁷ Иванов С. В. Элементы защитного доспеха...— С. 139.

⁸⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов.— Прил. 1, с. 323; Иванов С. В. Элементы защитного доспеха...— С. 139.

⁸⁹ Акишев А. И. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1981.— С. 59 и др.; Иванов С. В. Элементы защитного доспеха...— С. 139; Пятышева Н. В. Железная маска...— С. 31, 34; Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности.— М., 1984.— С. 152.

⁹⁰ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— С. 32; Он же. Военное дело на Руси...— С. 42.

⁹¹ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 136, 142.

⁹² Ян Хун. Очерки по истории древнекитайского...— Табл. 2.

⁹³ Акишев А. К. Костюм «золотого человека»...— Рис. 1.

⁹⁴ Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В. П. Художественный металл Востока.— М., 1976.— Прил. II, с. 177—176.

⁹⁵ Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1964.— С. 14.

⁹⁶ Чиндина Л. А. Нарымско-Томское Прпобье в середине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1970.— С. 18.

⁹⁷ См., например: Садовников Г. Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха // ЕТГМ.— Тобольск, 1910.— Вып. 20.— С. 3; Старцев Г. Остяки.— М., 1923.— С. 132.

⁹⁸ Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории.— Новосибирск, 1981.— С. 141.

⁹⁹ Кулемзин В. М., Луккина Н. В. Материалы по фольклору хантов...— С. 39;

Пелих Г. И. Происхождение селькупов.— Прил. II, с. 362.

¹⁰⁰ Аверкиева Ю. Н. Индейцы Северной Америки.— М., 1974.— С. 337.

ГЛАВА IV

¹ См. подробнее: Соловьев А. И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкция в археологии.— Новосибирск, 1985.— С. 147—154.

² См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— М.— Л., 1966.— Вып. 1.

³ ТОКМ, № 298-8; ККМ, № 1111—1-3; МАЭС ТГУ, № 5959-6, 16, 7228; Чиндина Л. А. О полевых исследованиях Нарымского археологического отряда летом 1975 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1/5719.— С. 11—12, табл. 15.

⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв.— Л., 1976.— С. 24; Он же. Древнерусское оружие.— Л., 1971.— Вып. 3.— С. 68; Мажитов Н. А. Южный Урал в XII—XIV вв.— М., 1977.— Табл. 4, рис. 126; Müller H., Kölling H. Euroräische Heiß und Stichwaffen.— Berlin, 1981.— S. 28—29.

⁵ Стены Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.— М., 1981.— Рис. 5, 12, 20, 29, 30.

⁶ Руняч А. П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА.— 1976.— № 3.— Рис. 3, 19; Шлетнева С. А. От кочевий к городам.— М., 1967.— С. 158, 159, рис. 43, 2; Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. н. э. // ВАУ.— Ижевск, 1963.— № 2.— Табл. XIX; 1967.— № 7.— Рис. 2, 3; Он же. Тураевский могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ.— 1962.— № 2.— С. 75—77; Он же. Тураевский могильник V в. н. э. // Из археологии Волго-Камья.— Казань, 1976.— Рис. 26, 13; 31, 9; Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА.— 1956.— № 48.— Табл. XXXVIII, 1, 2; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов.— М., 1971.— Табл. III, X—XII.

⁷ Чиндина Л. А. О полевых исследованиях...— Табл. 15.

⁸ Хазанов А. М. Очерки военного дела...— С. 6.

⁹ Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА.— 1968.— № 1.— С. 265.

¹⁰ Шер Я. А. Каменные изваяния Смиречья.— М.— Л., 1966.— С. 41—42.

¹¹ См.: Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— М.— Л., 1965.— С. 55, 4.

¹² МАЭС ТГУ, № 5959-1—3, 5, 7—11, 15, 18—20, 23, 24, 27—31, 34, 36—39, 46, 148; ТОКМ, № 298-37; ККМ, № 1107, 1113—1—7; Ермолаев А. Ишимская коллекция.— Красноярск, 1914.— Табл. 1; ЛАИ УРГУ, № 7/1349; Чиндина Л. А. Могильник Рел-

ка... — Рис. 3, 17; 24, 20; МАЭС ТГУ, МОК-7-19; Матющенко В. И., Старцева Л. М. Еловский курганный могильник 1 эпохи железа // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1970. — Табл. I, 12; ККМ, № 864; МА НГПИ, 161/21 (раскопки Т. Н. Троицкой); МАЭС ТГУ, № 4351.

¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Вып. 3. — С. 68.

¹⁴ Ян Хун. Чжун го губинцы Лун цунь. (Очерки по истории древнекитайского оружия). — Пекин, 1980 (на кит. яз.) — С. 124.

¹⁵ Nobuo Ogasawara. Japanese Swords. — Osaka, 1984. — P. 2.

¹⁶ Кызласов Л. Р. Древняя Тува. — М., 1979. — С. 114, рис. 81, 1.

¹⁷ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... — С. 55, рис. 4.

¹⁸ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. — 1952. — № 28. — Табл. XXXIII, 8.

¹⁹ Оборин В. А. Могильник Телячий Брод VII—XII вв. // ВАУ. — 1973. — № 12. — С. 129, рис. 4; Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 144, рис. 5, 1, 2; Грязнов М. П. История древних племен... — Табл. I 1; Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX—X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 116; Он же. Вооружение енисейских кыргызов в VI—XII вв. — Новосибирск, 1980. — Табл. IV; Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X—XI в. — Новосибирск, 1977. — Табл. IV, 2, 5, X; Он же. Средневековые памятники острова Уссурийского. — Новосибирск, 1982. — Табл. XC, 1; XCI, 20; Special Exhibition treasures from the Shoso - in. — То-куо, 1981. — Pict. 10, 14, 44.

²⁰ МАЭС ТГУ, №5959, 12, 14, 17, 26, 32, 33, 36; Басандайка // Тр. ТГУ и ТГПИ. — Томск, 1947. — Т. 98. — Табл. 32, 58, 87, 90; Чиндина Л. А. Могильник Релка... — Рис. 6, 1; МОК-7; МАЭС ТГУ, № 7287 (раскопки Л. А. Чиндиной); МИКНС ИИФФ; ККМ, № 706; МАЭС ТГУ № 1989, 5957, 6054.

²¹ Степи Евразии... — Рис. 28, 40, 41, 44.

²² Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — С. 41, табл. VII, VIII; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. — 1949. — № 9. — С. 293; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...; Грязнов М. П. История древних племен... — Табл. III, 2; Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата, 1972. — Рис. 2; Плотников Ю. А. Рубящее оружие прииртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — Рис. 2, 1, 2; 4, 1; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... — С. 93, рис. 49, 26; С. 140, рис. 69; С. 78, рис. 42, 13; Степи Евразии... — Рис. 94, 129; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — С. 67; Старостин П. Н., Казаков Е. П., Габышев Р. С. Игемский могильник // СА. — 1973. — № 1. — С. 262, рис. 2, 20.

²³ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. — 1955. — Т. 23. — С. 137, 164.

²⁴ Там же. — С. 165, 167.

²⁵ Савинов Д. Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1974. — С. 12.

²⁶ Мерперт Н. Я. Из истории оружия... — С. 165.

²⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Вып. 1. — С. 69; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — С. 42; Чиндина Л. А. Могильник Релка... — С. 27—29.

²⁸ В настоящее время известна лишь одна находка из могильника: обломок длинного прямого клинка, который, вероятнее всего, можно отождествить с палахом. Однако состояние находки (отсутствие несущей части) не позволяет решить вопрос однозначно. Не исключено, что здесь представлен рубильный нож, производный от палаша.

²⁹ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — С. 79; Плетнева С. А. От кочевий к городам... — С. 157.

³⁰ Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. — М., 1964. — С. 14.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Косарев М. Ф. Экологические аспекты социально-экономического развития Западной Сибири в эпоху бронзы // Вопросы археологии Приобья. — Тюмень, 1979. — С. 26—27.

³⁴ Там же.

³⁵ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. — М., 1959. — С. 44.

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 328.

³⁷ Фрэзер Дж. Д. Золотая ветвь. — М., 1980. — С. 61, 64.

³⁸ См.: Ремезовская летопись // Сибирские летописи. — Спб., 1907. — С. 326; Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. — М. — Л., 1945. — (ТИЭ. Новая сер., т. 5) — С. 47; Пелих Г. И. Селькупы XVIII века. Очерки социально-экономической истории. — Новосибирск, 1981. — С. 44; Басилов В. Н. Избранники духов. — М., 1984. — С. 93, 114.

³⁹ Идес Избрант, Брандт Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). — М., 1967. — С. 121.

⁴⁰ МИКНС ИИФФ СО АН СССР: ККМ, № 1222-5.

⁴¹ См.: Народы Сибири. — М., 1936. — С. 497; Исторический памятник русского арктического мореплавления XVIII в. — М. — Л., 1951. — С. 95.

⁴² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Вып. 3. — С. 74.

⁴³ Грязнов М. П. История древних племен... — Табл. XXXII, 22; XLI, 10.

⁴⁴ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. — Табл. VI, 2; VIII, 2;

Кызласов И. Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности Евразийских степей. — М., 1980. — Рис. 7.

⁴⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Вып. 1. — Табл. XXXV.

⁴⁶ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. — 1952. — № 24. — С. 111, рис. 12, 17—19; Шер А. Я. Каменные изваяния Семиречья. — Рис. 9, 17, 35; Степи Евразии... — Рис. 22.

⁴⁷ Чиндина Л. А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 89, рис. 1.

⁴⁸ Хазанов А. М. Очерки военного дела... — С. 14, 24, 25, табл. XXXIV; Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. — М., 1982. — Табл. 2, г—е; 4, в, а, в, и; Акишев К. А. Курганы Исык. — М., 1978; Кубарев В. Д. Кивжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — Рис. 10.

⁴⁹ Хазанов А. М. Очерки военного дела... — С. 26.

⁵⁰ См.: Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. — Новосибирск, 1980. — Табл. XXV, 1—3; ТОКМ, № 298-38; МАЭС ТГУ, № 5959-110, 113—120, 126, 127; Ермолаев А. Ишимская коллекция... — Табл. 1, 2; ЛАИ УРГУ, № 7/1340; Чиндина Л. А. Разведка в верховьях р. Кети // Из истории Сибири. — Томск, 1974. — Вып. 15. — Рис. 3; Комарова М. Н. Томский могильник — памятник древней истории лесных племен Западной Сибири // МИА. — 1952. — № 24. — Рис. 27, 11; НОКМ, № 6040, 6416.

⁵¹ Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (ханасов). — Абакан, 1948. — Рис. 116; Степи Евразии... — Рис. 26, 25; 27, 5; 28, 68; 30, 36, 58; 33, 33, 54; 62, 43.

⁵² См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — Вып. 1. — С. 72.

⁵³ Рашид-ад-дин. Переписка. — М., 1971. — С. 348—349.

⁵⁴ Савванитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. — Спб., 1806. — С. 85.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. — М., 1971. — С. 61.

⁵⁶ См., например: Строчков А. А. История военного искусства. — М., 1955. — Т. 1. — С. 165; Кораухина Г. С. Из истории древнерусского оружия XI в. // СА. — 1950. Т. 13. — С. 74.

⁵⁷ Цит. по: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3, ч. 2. — С. 150.

⁵⁸ См.: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. III. — М., 1955. — Ч. 2. — С. 79; Белов М. И. Мангазей. — М., 1969.

⁵⁹ Исторический памятник... — С. 95.

⁶⁰ Текст клятвы см.: Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. — Новосибирск, 1941. — С. 58.

⁶¹ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. — Спб., 1900. — Т. 2. — С. 9.

⁶² Конилов Б. А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья. — Томск, 1980. — С. 73.

⁶³ Бирюков Н. А. На завершающем этапе // Провал операции «Цитадель». — М., 1965. — С. 234.

⁶⁴ Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. — Новосибирск, 1979. — С. 52.

⁶⁵ Судебная медицина. — М., 1975. — С. 142; Кутанович С. Д. Судебно-медицинская трасология. — М., 1975. — С. 110.

⁶⁶ См.: Охота и охотничье хозяйство. — 1977. — № 9; 1978. — № 12.

⁶⁷ См.: Колчин Б. А. Техника обработки металла в Древней Руси. — Л., 1963; Он же. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археол. экспедиции. — М., 1959.

⁶⁸ Подобный подход уже получил апробацию при анализе европейских и западно-сибирских материалов (см.: Голубева А. А. Вещь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. — М., 1973; Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. — Л., 1973; Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища // СА. — 1976. — № 2; Гопак В. Д. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. // СА. — 1976. — № 2; Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске // СА. — 1973. — № 2. См.: Молодин В. И. Кыштовский могильник. — Новосибирск, 1979.

⁶⁹ Чиндина Л. А. Могильник Релка... — С. 25; Вещи из курганной группы близ Томска // ЗРАО. — Спб., 1899. — Т. 11, кн. 4. — Табл. 14, 7.

⁷⁰ Грязнов М. П. История древних племен... — Табл. XXXII, 1, 22; Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры... — С. 145, рис. 3—5; Гаврилова А. А. Могильник Кудурга... — Рис. 3; Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. — М., 1969. — Рис. 30, 52; Он же. Древняя Тува... — Рис. 81, 123; Евтюхова Л. А. Археологические памятники... — Рис. 30; Она же. Каменные изваяния... — С. 322—333, рис. 68.

⁷¹ ККМ, № 670, б/№; Молодин В. И. Кыштовский могильник... — Табл. XXIV.

⁷² Степи Евразии... — Рис. 36, 64; Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей... — Табл. XXXVI, XXXVII.

⁷³ Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тыс. н. э. в Западной Туве // ТТКАЭ. — М. — Л., 1966. — Т. 2. — Табл. 1, 8; Плетнева С. А. От кочевий к городам... — Рис. 39, 3, 4; Степи Евразии... — Рис. 52, 39, 40.

⁷⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело... — Табл. IV.

⁷⁵ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. — М., 1957. — С. 234.

⁷⁶ Там же. — С. 147.

⁷⁷ Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России — Спб., 1914. — С. 4 (отд. оттиск).

⁷⁸ Мошинская В. И. Материальная культура Усть-Полюя // Древняя история Нижнего Приобья. — М., 1953. — С. 90, табл. IX.

⁷⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... — С. 79.

⁸⁰ Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. 2. — М. — Л., 1957. — Рис. 14 (ТМЭ. Новая сер., т. 35).

⁸¹ МАЭС ТГУ, 1-4327; Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ. — Томск, 1952. — Т. 9. — Табл. IX, рис. 3, 4.

⁸² Могильников В. А. Исследования Малотобедзинских курганов // КСИА. — 1969. — № 120. — Рис. 9; Грязнов М. П. Дневник раскопок Тоюнова Городка, произведенных в 1924 году // Из истории Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 9. — Табл. 1, 5; Кузнецов С. К. Отчет об археологических разрысаниях близ города Томска, произведенных летом 1889 г. // Изв. Томск. ун-та. — Томск, 1890. — Кн. 2. — С. 132—133; МАЭС ТГУ, № 4349; Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н. э. // Тр. Камской археол. экспедиции. — Пермь, 1968. — № 191. — С. 281, рис. 5, 39.

⁸³ Расчет длины рукоятки и КПД произведен на основе теории ударных орудий В. П. Горячкина и В. А. Желдковского (см.: Горячкин В. П. Теория ручных орудий // Вестн. металлопромышленности. — 1925. — № 3-4; Желдковский В. А. Ручные ударные орудия и работа ими // Там же; Левашова В. П. К вопросу о механических свойствах древних орудий // КСИИМК. — 1959. — № 75). Наши расчеты подтверждаются находками из могильника Узунал (остатки деревянной рукоятки (длина 65—70 см) तोпора данного класса) (см.: Савинов Д. Г. Древнетюрские курганы Узунала // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 109).

- ⁸⁴ МАЭС ТГУ, № 4345, 6205, 6728, 6734-99, 6710; Викторова В. Д. Ликинский могильник X—XIII вв. // ВАУ.— Свердловск, 1973.— № 12.— С. 155; Молодин В. И. Кыштовский могильник.— Табл. XXIX—XXXI; Соловьев А. И., Мыльников Л. Н. Топор с клеймом из могильника Кыштовка-1 // Сибирь в древности.— Новосибирск, 1979.— С. 119—124; МА НГПИ, А-10, Гж; ГИМ, Р9/4в; Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулымской области и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ.— Томск, 1954.— Т. 10.— С. 203—233, 233—274; Пенаев Е. М. Отчет о работе летом 1950 г. Чулымской археологической экспедиции // Архив МАЭС ТГУ; ККМ, 6/№, № 1135; ТОКМ, № 2267; МАЭ МГУ, № 287; Руденко С. И. Предметы из острядского могильника...— С. 3, рис. 1; Пигнатт В. Н. Искер // ЕТГМ.— Тобольск, 1915.— Вып. 25.— Табл. IV, 4, 5; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье...— Табл. XXXIV, 3.
- ⁸⁵ См.: Молодин В. И., Соловьев А. И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири.— Кемерово, 1977.— С. 105—120.
- ⁸⁶ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода...— С. 24; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— Вып. 2.— С. 307.
- ⁸⁷ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 9, 32.
- ⁸⁸ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Материалы по фольклору хантов.— Томск, 1978.— С. 42.
- ⁸⁹ Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X—XI вв.— Новосибирск, 1977.— Табл. XVII—XVIII; Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, 1975.— С. 103; Худяков Ю. С. Вооружение евнейских кыргызов.— С. 62—65; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ...— С. 67, рис. 9, 11; Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала...— Рис. 5, 3; Артамонов М. И. История хазар.— Л., 1982.— С. 294; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА.— 1958.— № 82.— Рис. 3, 10; Она же. От кочевий к городам...— С. 158, рис. 43, 21—25; Смирнов А. П. Очерки по истории древних булгар // Тр. ГИМ.— М., 1940.— Вып. 11.— С. 97; Сорокин С. С. Железные изделия Саркела.— Белой Вежи // МИА.— 1959.— № 75.— С. 142, рис. 4, 1; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— Вып. 2.— С. 30, рис. 6; С. 33—35.
- ⁹⁰ Година Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д. Агафоновский 1 могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье.— Ижевск, 1980.— Табл. XXIV, рис. 13; Мажигов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв.— М., 1981.— Рис. 41, 11, 14; 49, 27, 50, 10.
- ⁹¹ Ильинская В. А. Скифские топоры // Археология.— Киев, 1961.— Т. 12.— С. 29, 30, 36; Ильинская В. А., Теренюк А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э.— Киев, 1983.— С. 30, рис. 15; С. 31, рис. 2; С. 247; Тевов Б. В. Скифия и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Глиийского могильника) // Скифия и Кавказ.— Киев, 1980.— С. 226, 227; Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа.— М., 1977.— С. 177—179; Збруева А. В. История населения Прикамья в аванышскую эпоху // МИА.— 1952.— № 30.— С. 107; Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские анапышцы.— М., 1982.— Табл. 108, 46.
- ⁹² Генинг В. Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ.— 1962.— № 2.— Рис. 9—11; Он же. Азелинская культура III—V вв. н. э.— Ижевск, 1963.— Т. 2.— Табл. XXIV; Старостин П. Н. Новый памятник предболгарского времени на нижней Каме // СА.— 1968.— № 1.— С. 252, рис. 11; Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР.— Спб., 1901.— № 25, вып. 1.— С. 1—12, табл. XII, 6.
- ⁹³ Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологическое исследование Волянского городища в 1967—1971 гг. // Города Поволжья в средние века.— М., 1976.— С. 76, табл. 1, 19.
- ⁹⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло...— С. 25, 27; Аleshковский М. Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. // СА.— 1960.— № 1.— С. 74; Оборин Б. А. Баяновский могильник на р. Косье // УЗ ПГУ.— Пермь, 1953.— Т. 9, вып. 3; Матвеев С. Г. Могильник Чем-Шай // Тр. общества по изучению Вятского края.— Ижевск, 1929.— Вып. 4.— С. 23.
- ⁹⁵ Желиговский В. А. Эволюция топора и находки на Метрострое // По трассе 1-й очереди Московского метрополитена.— Л., 1936.— С. 146.
- ⁹⁶ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси.— Новосибирск, 1986.— С. 21, рис. 16.
- ⁹⁷ Гоголев В. В. Раскопки якутских могил XVIII в. // Тр. Якутского филиала СО АН СССР. Обществ. науки.— 1958.— вып. 1 (18).— С. 65—75.
- ⁹⁸ Курьшев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана.— Л., 1979.— С. 11—13, рис. 5.

⁹⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло...— Рис. 9; Розенфельд Р. Л. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля.— М., 1971.— С. 255, рис. 1, 10, 11.

¹⁰⁰ Желоговский В. А. Эволюция топора...— С. 139.

¹⁰¹ См.: Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника...— С. 3.

¹⁰² МАЭС ТГУ, 5959; Ермолаев А. Ишимская коллекция.— Табл. 1, 5, 10; ЛАИ УРГУ, № 7/1348; ТОКМ, № 298-15; ККМ, № 112, 118; Молодин В. И., Бобров В. В. Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера...— Табл. XXV, 4, 5; Чиндина Л. А. Могильник Релка...— Рис. 17, 5; Басандайка.— Табл. 32, 74; МАЭ МГУ, № 281—4274, 3727; Викторова В. Д. Ляжский могильник...— Табл. X, 5; Комарова М. Н. Томский могильник...— Рис. 27, 1; Чагаева А. С. Могильники в окрестностях деревни Айткульово Омской области // Из истории Сибири.— Томск, 1973.— Вып. 5.— Табл. 1, 1, 2; Боброва А. И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья.— Томск, 1982.— Рис. 4, 4; ГИМ, № 1037-104: 103/51а; МА НГПИ, А-10; МАЭС ТГУ, № 1386, 6566, 2108, 4799, 4797; ТОКМ, № 3824; ОКМ, № 3824; ККМ, 6/№; НОКМ, № 6040.

¹⁰³ Збруева А. В. История населения...— Табл. II, 23; Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи...— Рис. 73, 74; Хазанов А. М. Очерки военного дела...— Табл. XXIV, 12.

¹⁰⁴ Спицын А. А. Древности бассейнов рек...— Табл. XX, 2, 4.

¹⁰⁵ Ястребов В. Н. Лядинский и Темниковский могильники Тамбовской губернии // МАР.— Спб., 1893.— № 10.— Табл. X, 5, 8, 9, 11, 29—33.

¹⁰⁶ Оборин В. А. Могильник Телячий Брод VII—XII вв. // ВАУ.— 1973.— № 12.— Рис. 42.

¹⁰⁷ Худяков Ю. С. Вооружение египетских кыргызов...— С. 95, табл. 9.

¹⁰⁸ Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Тальки // Материалы по истории и филологии Центральной Азии.— Улан-Удэ, 1965.— Вып. 2.— Рис. 1, 10. (Тр. ТГНИИ вып. 16, сер. востоковедения).

¹⁰⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— Вып. 2.— Рис. 1.

¹¹⁰ Там же.— С. 20.

¹¹¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 104; Шавров В. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Обществе истории и древностей российских.— Спб., 1871.— Кн. 2.— С. 7; Кастрен М. А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. // Этнографический сборник РГО.— Спб., 1858.— Вып. 4.— С. 308—309.

ГЛАВА V

¹ Марк К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 16.

² БСЭ.— М., 1976.— Т. 2.— С. 515.

³ См.: Орлов В. И. Западная Сибирь.— М., 1961; Сулов С. П. Физическая география СССР. Азиатская часть.— М., 1954; Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Леса Западной Сибири.— Новосибирск, 1950; Советский Союз. Российская Федерация. Западная Сибирь.— М., 1971; Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. В. Западно-Сибирская низменность.— М., 1963.

⁴ БСЭ.— М., 1952.— Т. 16.— С. 429.

⁵ Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. В. Западно-Сибирская низменность.— С. 179.

⁶ Там же; Советский Союз. Российская Федерация...— С. 58—60.

⁷ Львов Ю. А. Болотный процесс как фактор обитания человека в Западной Сибири // ОБГС.— Томск, 1979.— С. 12—13.

⁸ Абрамович Д. И., Крылов Г. В., Николаев В. А., Терновский Д. В. Западно-Сибирская низменность.— С. 183.

⁹ Ефремов Ю. К. Природа моей страны.— М., 1985.— С. 188—189.

¹⁰ Сулов С. П. Физическая география...— С. 51.

¹¹ Там же.

¹² Ефремов Ю. К. Природа моей страны.— С. 188.

¹³ Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Леса Западной Сибири.— С. 42—56; Советский Союз. Российская Федерация...— С. 58—63; Орлов В. И. Западная Сибирь.— С. 132—139.

¹⁴ Сулов С. П. Физическая география...— С. 50; Советской Союз. Российская Федерация...— С. 58.

- ¹⁵ Советский Союз. Российская Федерация... — С. 62.
- ¹⁶ Ефремов Ю. К. Природа моей страны. — С. 191.
- ¹⁷ Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Леса Западной Сибири. — С. 10.
- ¹⁸ Городков Б. Н. Опыт деления Западно-Сибирской низменности на ботанико-географические зоны // ЕТГМ. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 29.
- ¹⁹ Фальк И. А. Записки путешествия (от Петербурга до Томска 1721—1722 гг.) // Полн. собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук по предложению президента. — Спб., 1824. — Т. 6.
- ²⁰ Косарев М. Ф. Что же это такое — миграции // ЗС. — 1974. — № 12; Крылов Г. В., Салатова Н. Г. Леса Западной Сибири. — С. 10, 24—25.
- ²¹ Этнография. — М., 1982. — С. 17.
- ²² Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. — М., 1979. — С. 143, 146.
- ²³ Косарев М. Ф. К проблеме экологического подхода в археологии // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. — Барнаул, 1983. — С. 28.
- ²⁴ См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Древние культуры Урала и Западной Сибири. — М., 1957. — С. 136; Косарев М. Ф. К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западно-сибирских культур // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1973. — С. 59; Могильников В. А. Лесные племена Прииртышья и Нижнего Приобья в I — начале II тыс. н. э. // История Сибири. — Л., 1968. — С. 303; Косарев М. Ф. Экологические аспекты социально-экономического развития Западной Сибири в эпоху бронзы // Вопросы археологии Приобья. — Тюмень, 1979. — С. 20.
- ²⁵ Косарев М. Ф. Географическая среда, хозяйственные типы и факторы первобытного обмена по материалам Западной Сибири // Археология Прииртышья. — Томск, 1980. — С. 57.
- ²⁶ Косарев М. Ф. Экологические аспекты... — С. 20, 21.
- ²⁷ Общественный строй у народов Сибири. — М., 1970. — С. 43.
- ²⁸ Косарев М. Ф. Уйти, чтобы остаться // ЗС. — 1978. — № 2. — С. 40.
- ²⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — Спб., 1773. — Ч. 2. — С. 326—327.
- ³⁰ Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. — Спб., 1814. — Ч. 3. — С. 20.
- ³¹ Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. — Новосибирск, 1981. — С. 90—107.
- ³² Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедов // ТИЭ. — 1947. — Т. 5. — С. 42; см. также: Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. — Л., 1971. — Т. 37. — С. 170.
- ³³ Львов Э. Л. К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа (на примере чулымских тюрков) // ОЕГС. — Томск, 1979. — С. 116—121.
- ³⁴ Львов Ю. А. Болотный процесс как фактор обитания человека в Западной Сибири // ОЕГС. — Томск, 1979. — С. 18.
- ³⁵ Пелих Г. И. Селькупы XVII века... — С. 89.
- ³⁶ Косарев М. Ф. Экологические аспекты... — С. 28.
- ³⁷ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. — М., 1979. — С. 266.
- ³⁸ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. — М., 1979. — С. 135.
- ³⁹ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. — С. 258.
- ⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 364.
- ⁴¹ См.: Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. — Новая сер. — М. — Л., 1947. — С. 1; Даркевич В. Г. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. — М., 1976.
- ⁴² Путешествие Абу Хамда Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. — М., 1971. — С. 32—33.
- ⁴³ Джавноладян Р. М., Кирпичников А. Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // Эпиграфика Востока. — Л., 1972. — Т. 21. — С. 528—533.
- ⁴⁴ См.: Народы Сибири. — М. — Л., 1965. — С. 116.

⁴⁵ См.: Оксенов А. В. Сношение Новгорода Великого с Югорской землей // Восточное обозрение.— Спб., 1885; Бояршинова З. Я. К вопросу о присоединении Западной Сибири к Русскому государству // Тр. ТГУ.— Томск, 1957.— Т. 136.— С. 155; Магидович И. П., Магидович Г. И. Очерки по истории географических открытий.— М., 1982.— С. 219—223.

⁴⁶ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 86—87.

⁴⁷ Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации.— Томск, 1969.— С. 129.

⁴⁸ Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов // Сибирский этнографический сборник. 1.— М.— Л., 1952.— С. 95 (ТИЭ. Новая сер., т. 18).

⁴⁹ Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений // СЭ.— 1977.— № 2.— С. 16—17.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 18.— С. 239.

⁵¹ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 111—113.

⁵² Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье.— Новосибирск, 1979.— С. 3.

⁵³ Carneiro R. G. A Theory of the Origin of the State // Science.— 1970.— Vol. 169.— P. 733—738.

⁵⁴ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 148—149.

⁵⁵ Там же.— С. 96.

⁵⁶ Эпические песни ненцев.— М., 1965.— С. 497; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volks poesie.— Spb, 1900.— Т. 2.— S. 22.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 185; Т. 21.— С. 89.

⁵⁸ Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина.— 1891.— Вып. 3—4.

⁵⁹ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям.— Спб., 1891.— С. 49 (отд. оттиск): Он же. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера.— Спб., 1892.— С. 94; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды.— М.— Л., 1955.— Т. 3, ч. 2.— С. 120; Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири...— С. 52; Стенанов Н. П. К вопросу об остяцко-вогульском феодализме // СЭ.— 1936.— № 3.— С. 24 и др.

⁶⁰ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 119.

⁶¹ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 139.

⁶² Там же.— С. 142.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 143.

⁶⁴ Там же.— Т. 25, ч. 1.— С. 422.

⁶⁵ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 119.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 164.

⁶⁷ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 20.

⁶⁸ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 142.

⁶⁹ Цит. по: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 110.

⁷⁰ Общественный строй...— С. 151.

⁷¹ См.: Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 17—38; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 324 и др.; Эпические песни ненцев...— С. 441—458; Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ — Томск, 1952.— Т. 9.— С. 94.

⁷² Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 12.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 46, ч. 1.— С. 480.

⁷⁴ См.: Чернецов В. П. Вогульские сказки.— Л., 1935.— С. 125.

⁷⁵ См.: Там же.— С. 99, 135; Ине-Хои (сборник хантыйских легенд).— Свердловск, 1935.— С. 86; Плотников М. А. Янгал-Маа.— М.— Л., 1933.— С. 267.

⁷⁶ См.: Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 100—111.

⁷⁷ Там же.— С. 118.

⁷⁸ См.: Садовников Г. Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха // ЕТГМ.— Тобольск, 1910.— Вып. 20.— С. 5.

⁷⁹ Павловский В. Проблемы истории в вогульских былинах // Сибирская торговая газета.— 1905.— № 216.— С. 3.

⁸⁰ Patkanov S. Irtysch-Ostjaken...— S. 20.

⁸¹ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 93—94, 105.

⁸² См.: Легенды и сказки хантов / Кулемаин В. М., Лукина Н. В.—Томск, 1973.— С. 11—13; Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов.— Спб., 1910.— С. 135; Плотников А. Ф. Нарымский край // ЗРГО.— Спб., 1901.— Т. 10, вып. 1.— С. 199; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 321, 342, 350, 361 и др.

⁸³ Марк К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 328.

⁸⁴ Гондатти Н. Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири.— М., 1888.— С. 20.

⁸⁵ Там же.— С. 40.

⁸⁶ Там же.— С. 23.

⁸⁷ В последнее время они все больше привлекают к себе внимание исследователей, которыми на их основе ставится и разрешается целый ряд вопросов социального порядка. Поэтому, обращаясь к ним, мы должны будем сделать целый ряд необходимых повторений (см., например: Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности.— М., 1984.— С. 150—154; Плотиныков Ю. А. «Глады» Нижнего Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии.— Новосибирск.— В печати.

⁸⁸ Ураев Р. А. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области» // Тр. ТОКМ.— Томск, 1956.— Т. 5.— С. 326—327.

⁸⁹ Ермолаев А. Ишимская коллекция.— Красноярск, 1914.— С. 1.

⁹⁰ Подробную сводку см.: Чернецов В. Н. Бронза усть-полуёйского времени // Древняя история Нижнего Приобья.— М., 1953.— С. 121—178.; Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Там же.— С. 242—357.

⁹¹ Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА.— 1968.— № 1.— С. 268.

⁹² Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком 1715 г.— Новосибирск, 1941.— С. 55.

⁹³ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев...— С. 8.

⁹⁴ Идес Избрант и Брандт Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695).— М., 1967.— С. 6.

⁹⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям...— С. 3, 80—81.

⁹⁶ Новицкий Гр. Краткое описание...— С. 51.

⁹⁷ Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов.— Спб., 1910.— С. 138.

⁹⁸ См.: Чиндина Л. А. Могильник Редка на средней Оби.— Томск, 1977.— С. 121.

⁹⁹ Шавров В. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Обществе истории и древностей российских.— Спб., 1871.— Кн. 2.— С. 7.

¹⁰⁰ Кастрен А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. // Этнографический сборник РГО.— Спб., 1858.— Вып. 4.— С. 306.

¹⁰¹ Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов.— С. 101.

¹⁰² Белявский В. Ф. Поездка к Ледовитому морю.— М., 1833.— С. 70; о Г. Ф. Миллере см.: Бахрушин С. В. Остячки и вогульские княжества...— С. 104 и др.; Городков Б. Н. Поездка в Салымский край // ЕТГМ.— Тобольск, 1913.— Вып. 21.— С. 52.

¹⁰³ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси.— Новосибирск, 1986.— С. 18—22, 49, 98—100.

¹⁰⁴ Новицкий Гр. Краткое описание...— С. 55, 72.

¹⁰⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири.— М.— Л., 1931.— Т. 1.— С. 348.

¹⁰⁶ Шавров В. Краткие записки о жителях...— С. 7.

¹⁰⁷ Кастрен А. Этнографические замечания и наблюдения...— С. 306.

¹⁰⁸ Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов.— С. 100.

¹⁰⁹ Городков Б. Н. Поездка в Салымский край...— С. 52; Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // ЕТГМ.— Тобольск, 1913.— Вып. 21.— С. 9.

¹¹⁰ Белявский В. Ф. Поездка к Ледовитому морю.— С. 105.

¹¹¹ Зуев В. Материалы по этнографии Сибири XVIII в....— С. 33; Шавров В. Краткие записки о жителях...— С. 7; Кастрен А. Этнографические замечания и наблюдения...— С. 295; Sirelius H. Handarbaiten der Ostjaken.— Helsingfors, 1928.— С. 4, 5; Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов.— С. 100.

¹¹² Гончарова Л. Н. Художественные изделия из металла русских мастеров для народов Севера и Сибири (XVIII—XX вв.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII — начала XX в.— Новосибирск, 1983.— С. 110, 119—120.

¹¹³ Цит. по: Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.— Томск, 1977.— С. 134.

¹¹⁴ Кулемзин В. М. Сверхъестественные существа в системе религиозных представлений васюганско-ваховских хантов // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна.— Новосибирск, 1979.— С. 216; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.— С. 134.

- ¹¹⁵ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. — С. 19—20, 175—178.
- ¹¹⁶ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. — Л., 1970. — С. 51.
- ¹¹⁷ Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. — Новосибирск, 1980. — С. 19.
- ¹¹⁸ См.: Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ. — Томск, 1953. — Т. 10. — С. 146; Гончарова Л. Н. Художественные изделия из металла... — С. 110; Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. — Томск, 1895. — Ч. 1. — С. 204; Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением Кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. — 1950. — № 13. — С. 144, 150—168.
- ¹¹⁹ Путешествие Абу Хамиды Ал-Гарнатн... — С. 34; Гондатти Н. Л. Следы языка у игородцев... — С. 13; Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири. — Л., 1981. — С. 54; Костров Н. Нарымский край. — Томск, 1872. — С. 53.
- ¹²⁰ Пелих Г. И. Происхождение селькупов... — С. 333.
- ¹²¹ Пелих Г. И. Селькупы XVII века... — С. 140.
- ¹²² Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. — С. 311; Гордков Б. Н. Поездка в Салымский край... — С. 53; Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. — С. 22, 23, 41.
- ¹²³ Шавров В. Краткие записки о жителях... — С. 11—12; Кастрен А. Этнографические замечания и наблюдения... — С. 308—310.
- ¹²⁴ Шавров В. Краткие записки о жителях... — С. 11.
- ¹²⁵ Кастрен А. Этнографические наблюдения и замечания... — С. 308.
- ¹²⁶ Шавров В. Краткие записки о жителях... — С. 12.
- ¹²⁷ Кастрен А. Этнографические наблюдения и замечания... — С. 309.
- ¹²⁸ Иванов С. В. Скульптура народов Севера... — С. 20.
- ¹²⁹ См.: Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. — 1939. — Т. 2. — С. 38; Народы Сибири. — М. — Л., 1956. — С. 591.
- ¹³⁰ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. — С. 90, 91.
- ¹³¹ Там же. — С. 21.
- ¹³² Иванов С. В. Скульптура народов Севера... — Рис. 117; Он же. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. // ТИЭ. Новая сер. — М. — Л., 1954. — Т. 22. — С. 330, — рис. 196.
- ¹³³ Окладников А. П., Деревяшко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток, 1973. — С. 318, 319; Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и средневековье и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1980. — С. 29; История агван Моисея Кагаканкаваца, писателя XV в. — Спб., 1861. — С. 193; Нагаева Л. И. Танцы восточных башкир. — М., 1981. — С. 23, 33, 81, 83; Морган Л. Г. Лига ходоносца или прокозов. — М., 1983. — С. 143—148.
- ¹³⁴ Могильников В. А. Елькаевская коллекция... — С. 268.
- ¹³⁵ См.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока...; Он же. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. — 1974. — Вып. 140.
- ¹³⁶ См.: Heikel A. Antiquites de la Siberia Occidentale. — Helsingfors, 1894. — Pict. XXI, 10; Спичин А. А. Шаманские изображения // ЗРАО. — 1906. — Т. 8. — Рис. 4; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии... — С. 189—190.
- ¹³⁷ Спичин А. А. Шаманские изображения. — Рис. 7, 14 и др.
- ¹³⁸ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XIII вв. — М., 1981. — Рис. 46, 25.
- ¹³⁹ Чивдина Л. А. Могильник Релка... — С. 121.
- ¹⁴⁰ Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье... — Табл. XXIX; Мошинская В. И. Материальная культура Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. — МИА. — 1953. — № 35. — Табл. XV.
- ¹⁴¹ Мошинская В. И. Материальная культура Усть-Полуя. — С. 100—101.
- ¹⁴² Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья. — М., 1953. — С. 233.
- ¹⁴³ Плотников Ю. А. «Клады» Нижнего Приобья...
- ¹⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 328.
- ¹⁴⁵ Фрэзер Дж. Д. Золотая ветвь. — М., 1980. — С. 61, 64.
- ¹⁴⁶ Гр. Новицкий, обратив внимание, что в капище Обского Старика «оружие — лук, стрелы, копье, пантеры и иная — около его (идола. — А. С.) бяху положено», со слов хантов свидетельствует, что этим боевым оружием «по мнению зловерия их, сию

сказуют, яко сей в водах брань часто и мша и прочия подручных себе побеждае» (Новицкий Г. Краткое сказание о народе...— С. 59).

¹⁴⁷ Рemezовская летопись (7085—7095) // Сибирские летописи.— Спб., 1907.— С. 326; Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири...— С. 47; Дневные записки путешествия Ивана Лепехина...— С. 113; Гондатти Н. Л. Следы языческих верований...— С. 13; Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 44.

¹⁴⁸ Фрззер Дж. Д. Золотая ветвь.— С. 37.

¹⁴⁹ Лещенко В. Ю. Восточные клады на Урале VIII—XIII вв. (по находкам художественной утвари): Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Л., 1971.— С. 13, 14; Даркевич В. П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос...— С. 28.

¹⁵⁰ В. Шавров отмечал определенное настроение и воинский дух во время исполнения танцев; М. Каганкатваца сообщал, что савры устраивают коллективные камлания — пляски и битвы в нагом состоянии; очевидец, наблюдавший в 581 г. пляски мохэ, связал их именно с воинственностью последних и передал впечатления словами: «Между небом и землей имеются такие, которые постоянно думают о войне» (см. о мохэ: Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья...— С. 318—319).

¹⁵¹ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры.— М., 1953.— С. 160.

¹⁵² Морган Л. Г. Лига ходеносауни...— С. 143.

¹⁵³ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований.— М., 1959.— С. 40—44.

¹⁵⁴ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 22.

¹⁵⁵ Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 323—324.

¹⁵⁶ Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири.— Новосибирск, 1978.— С. 139.

¹⁵⁷ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности...— С. 152.

¹⁵⁸ Басилев В. Н. Избранники духов.— М., 1984.— С. 198.

¹⁵⁹ Гондатти Н. Л. Следы языческих верований...— С. 23, 25.

¹⁶⁰ Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов...— С. 100.

¹⁶¹ Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов...— С. 168.

¹⁶² Гондатти Н. Л. Следы языческих верований...— С. 9.

¹⁶³ Прокофьева Е. Д. О социальной организации селькупов...— С. 101—102.

¹⁶⁴ Мидлер Г. Ф. История Сибири.— С. 264—265.

¹⁶⁵ Строгановская летопись // Сибирские летописи.— Спб., 1907.— С. 86.

¹⁶⁶ Новицкий Г. Краткое описание о народе...— С. 52.

¹⁶⁷ Мидлер Г. Ф. История Сибири.— С. 267.

¹⁶⁸ Новицкий Г. Краткое описание о народе...— С. 43.

¹⁶⁹ См.: Кулемзин В. М., Лукнина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.— С. 212—

213.

¹⁷⁰ Там же.— С. 166.

¹⁷¹ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 43.

¹⁷² Кондратович О. В. К этнографии остяков // Тр. Антропологического общества при императорской Военно-медицинской академии.— Спб., 1897.— Т. 2.— С. 342.

¹⁷³ См.: Кулемзин В. М., Лукнина Н. В. Васюганско-ваховские ханты.— С. 185; Дмитриев-Садовников Гр. Лук ваховских остяков и охота с ним // ЕТГМ.— Тобольск, 1915.— Вып. 24.— С. 18.

¹⁷⁴ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 141.

¹⁷⁵ Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сибирский этнографический сборник.— М. — Л., 57.— Т. 25.— С. 239.

¹⁷⁶ См.: Наука и жизнь.— 1980.— № 3.— С. 153.

¹⁷⁷ Идес Избрант, Брандт Адам. Записки о русском посольстве в Китай...— С. 124.

¹⁷⁸ См.: Легенды и сказки хантов...— С. 14, 17; Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 115, 120; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 349.

¹⁷⁹ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 94.

¹⁸⁰ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 43.

¹⁸¹ См.: Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 4, 6, 11, 48, 61, 62; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 42; Батурина М. К. Два брата. Остяцкая легенда // Живая старина.— 1907.— Вып. 4.— С. 85.

¹⁸² Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 44.

¹⁸³ Легенды и сказки хантов...— С. 6.

- ¹⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 46.— С. 1.
¹⁸⁵ Там же.— Т. 20.— С. 171.
¹⁸⁶ Морозов В. М. Средневековые городища Нижнего Приобья // ВАУ.— Свердловск, 1981.— С. 145—146.
¹⁸⁷ Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ.— Томск, 1953.— Т. 10.— С. 129—130.
¹⁸⁸ Могильников В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н. э. // Тр. Камской археол. экспедиции.— Пермь, 1968.— Вып. 4.— С. 269.
¹⁸⁹ Троицкая Т. Н. Одиновская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа.— Новосибирск, 1981.— С. 118.
¹⁹⁰ Кирюшин С. Ф., Малолетка А. М. Бронзовый век Васюганья.— Томск, 1979.— С. 28, 129—129.
¹⁹¹ Косарев М. Ф. Экологические аспекты...— С. 23.
¹⁹² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1958.— С. 2, 3, 13.
¹⁹³ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 90.
¹⁹⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав...— С. 13.
¹⁹⁵ Головачев П. Покорение Сибирского царства и личность Ермака // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» 1891.— М., 1892.— Вып. 1.— С. 189.
¹⁹⁶ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 45. А. Ф. Анисимов, проанализировавший хантыйский героический эпос, указывает, что численность войска составляла 300 чел. (см.: Анисимов А. Ф. О строе военной демократии и начальных формах политезма (у хантов и манси) // Ежегодник Музея истории, религии и атеизма.— М.— Л., 1962.— Вып. 4.— С. 342).
¹⁹⁷ В этом смысле интересны сведения о том, что во время осады городка князья Нимьяна казаки столкнулись с объединенным войском остяков и кондинских вогулов (около 2 тыс. чел.), а под Самарским Мысом пали князь Самар и его 8 князей-союзников (см.: Ремезовская летопись...— С. 335; Миллер Г. Ф. История Сибири.— С. 242, 246; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 72).
¹⁹⁸ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...— С. 117.
¹⁹⁹ Там же.— С. 115.
²⁰⁰ Ияфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов...— С. 23.
²⁰¹ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 33—34.
²⁰² Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык...— С. 93, 94; Материалы по фольклору хантов...— С. 28; Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 46.
²⁰³ Материалы по фольклору хантов...— С. 28, 29.
²⁰⁴ Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 46.
²⁰⁵ Материалы по фольклору хантов...— С. 28.
²⁰⁶ Дмитриев-Садовников Гр. На Вахе // ЕТГМ.— Тобольск, 1916.— Вып. 26.— С. 11; Носилов К. Д. У вогулов.— СПб., 1904.— С. 39—40; Митусова Р. Год среди лесного народа // Вокруг света.— 1929.— № 11.— С. 10. Аналогичный обычай в действительности был распространен гораздо шире, например, у вогулов и лесных ненцев.
²⁰⁷ Материалы по фольклору хантов...— С. 27.
²⁰⁸ Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 343.
²⁰⁹ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев...— С. 37; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 68; Легенды и сказки хантов...— С. 12.
²¹⁰ Материалы по фольклору хантов...— С. 38.
²¹¹ Там же.— С. 33, 35—36; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 302.
²¹² Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 332; Материалы по фольклору хантов...— С. 79—80.
²¹³ Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 364; Легенды и сказки хантов...— С. 11.
²¹⁴ Легенды и сказки хантов...— С. 14; Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 11—112; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 23; Батурич М. К. Два брата...— С. 86.
²¹⁵ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 68, 70.
²¹⁶ Плотников А. Ф. Нарымский край // ЗРГО.— СПб., 1901.— Т. 10, вып. 1.— С. 199—200.
²¹⁷ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 28—30.
²¹⁸ Материалы по фольклору хантов...— С. 29—30.
²¹⁹ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев...— С. 37.
²²⁰ Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 28; Материалы по фольклору хантов...— С. 32; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 331, 334.

- 221 Иванов С. В. Элементы защитного доспеха...— С. 140—141.
- 222 Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 43; Эпические песни ненцев...— С. 42; Материалы по фольклору хантов...— С. 32—33.
- 223 Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов...— С. 135—136; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 361.
- 224 Гондатти Н. Л. Следы язычества...— С. 37—38.
- 225 Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 142.
- 226 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 114; Легенды и сказки хантов...— С. 15; Павловский В. Проблески истории в вогульских былинах // Сибирская торговая газета.— 1905.— № 215.— С. 2.
- 227 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 24.
- 228 Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов...— С. 135—136.
- 229 Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 361.
- 230 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 114.
- 231 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 10, 28; Материалы по фольклору хантов...— С. 43.
- 232 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 28.
- 233 Дульзон А. П. Чулымские татары...— С. 94.
- 234 Материалы по фольклору хантов...— С. 105.
- 235 Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов...— С. 135—136.
- 236 См.: Павловский В. Вогулы // УЗ КУ.— 1907.— № 6-7.— С. 65—66.
- 237 Эпические песни ненцев...— С. 86.
- 238 Там же.— С. 80, 257.
- 239 Материалы по фольклору хантов...— С. 38.
- 240 Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 142.
- 241 Павловский В. Проблески истории...— С. 2—3.
- 242 Предание, рассказанное П. А. Макеевым, записано В. А. Дремовым на р. Чулым.— Архив МАЭС ТГУ.
- 243 Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 362.
- 244 Материалы по фольклору хантов...— С. 30.
- 245 Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 362.
- 246 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 31.
- 247 Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды.— М.— Л., 1955.— Т. 3, ч. 2.— С. 79.
- 248 Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 324, 331, 343.
- 249 Эпические песни ненцев...— С. 412.
- 250 Чернецов В. Н., Чернецов И. Я. Краткий мансийско-русский словарь — М.— Л., 1936.— С. 71.
- 251 Марк К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 657.
- 252 Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 66.
- 253 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 100, 101, 126 и др.
- 254 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 40.
- 255 Батурич М. К. Два брата...— С. 84.
- 256 Эпические песни ненцев...— С. 453, 457, 458, 497.
- 257 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 98, 99.
- 258 Там же.— С. 134, 135; Павловский В. Проблески истории.— С. 2.
- 259 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 134.
- 260 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 32.
- 261 Ibid.— S. 9, 17.
- 262 Ibid.— S. 30, 36.
- 263 Материалы по фольклору хантов...— С. 30, 33, 35; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 338; Она же. Селькупы XVII века...— С. 44.
- 264 Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 1.
- 265 Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 334, 362, 381.
- 266 Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов...— С. 65.
- 267 Пелих Г. И. Селькупы XVII века...— С. 44.
- 268 Там же.— С. 142.
- 269 Там же.— С. 141.
- 270 Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 69.
- 271 Разин Е. А. История военного искусства.— М., 1955.— Т. 1.— С. 60—61.
- 272 Саушкин Р. А. К. Маркс и Ф. Энгельс о факторах развития военного искусства.— М., 1974.— С. 9—10.
- 273 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 133, 134; Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken...— S. 9.

- 274 Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken... — S. 17.
- 275 Ibid.— S. 9.
- 276 Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 100.
- 277 Там же.— С. 136.
- 278 Там же.— С. 31; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 66. По вопросу о скальпировании см.: Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований.— М.— Л., 1959.— С. 137; Пелих Г. И. Происхождение селькупов...— С. 301—303; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 66—68.
- 279 Садовников Г. Богатырь реки Сабуня, правого притока реки Ваха.— С. 4.
- 280 Легенды и сказки хантов...— С. 12.
- 281 Там же.— С. 13.
- 282 Материалы по фольклору хантов...— С. 29, 30.
- 283 Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 68.
- 284 Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken...— S. 19.
- 285 Материалы по фольклору хантов...— С. 39.
- 286 Разин С. А. История военного искусства...— С. 24.
- 287 Чиндина Л. А. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.— Томск, 1970.— С. 191—200.
- 288 Дульзон А. П. Поздние археологические памятники...— С. 130—133; Могильников В. А. Культура племен лесного...— С. 296; Морозов В. М. Средневековые городища Нижнего Приобья // ВИАУ.— Свердловск, 1981.— Вып. 15.— С. 142—145; Шульц Л. Р. Салымские остяки // Записки Тюменского общества изучения местного края.— Тюмень, 1924.— Вып. 1.— С. 169.
- 289 Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ.— Томск, 1952.— Т. 9.— С. 88.
- 290 Могильников В. А. Культура племен лесного...— С. 269.
- 291 Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken...— S. 16.
- 292 Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 69.
- 293 Конигов Б. А. Культура тазежского Прииртышья. VI—XIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1981.— С. 11. На временный характер некоторых городищ как убежищ в свое время обратил внимание еще Г. Ф. Миллер (см.: Миллер Г. Ф. История Сибири.— С. 246).
- 294 Могильников В. А. Культура племен лесного...— С. 269, 270; Дульзон А. П. Поздние археологические памятники...— С. 131, 139, 143; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии...— С. 140, 142, 191.
- 295 Чернецов В. Н. Нижнее приобье в I тысячелетии...— С. 219; Дульзон А. П. Поздние археологические памятники...— С. 149, 156; Федорова Н. В. Исследования на городище Подчеваш у г. Тобольска // Из истории Сибири.— Томск, 1974.— Вып. 15.— С. 33; Материалы разведок Б. А. Коникова.— Архив ОГПИ.
- 296 Миллер Г. Ф. История Сибири.— С. 246.
- 297 Плотников А. Ф. Нарымский край...— С. 200.
- 298 Дуниин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев.— Тобольск, 1911.— С. 29—30.
- 299 Могильников В. А. Отчет о работах Иртышского отряда в 1970 г.— Архив ОГПИ; Матющенко В. И. Отчет о полевых археологических исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского университета летом 1963 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1/2712а.— Рис. 87, 55; Конигов Б. А. Разведка в Знаменском районе Омской области в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1/6009.— Табл. VI; Елагин В. С. Отчет о полевых работах летом 1983 г.— Архив НГПИ; Могильников В. А. Исследования в Омском Прииртышье // АО 1971.— М., 1972.— С. 280; Викторова В. Д., Кернер В. И., Косинская Л. Л., Морозов В. М., Смирнов Н. Г. Исследования Барсовой Горы...— С. 203.
- 300 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.— Л., 1950.— С. 40—41; Миллер Г. Ф. История Сибири.— С. 242—243; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 17; Ремезовская летопись...— С. 349.
- 301 Материалы разведок Б. А. Коникова 1978—1981 гг.— Архив ОГПИ; Чиндина Л. А. Разведка в верховьях р. Кети // Из истории Сибири.— Томск, 1974.— Вып. 15.— С. 141—142; Дульзон А. П. Поздние археологические памятники...— С. 172, 194, 264; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии.— С. 230.
- 302 Дульзон А. П. Поздние археологические памятники...— С. 131.
- 303 Троицкая Т. Н. Одинцовская культура...— С. 104.

- ³⁰⁴ Чернецов В. Н. Железо в Приобье в I тысячелетии...— С. 215.
- ³⁰⁵ Конинов Б. А. Культуры таежного Прииртышья VI—XIII вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Новосибирск, 1983.— С. 12.
- ³⁰⁶ Плотников А. Ф. Нарымский край...— С. 199.
- ³⁰⁷ Patkanov S. Die Irtysch—Ostjaken...— S. 16.
- ³⁰⁸ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 131.
- ³⁰⁹ Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище // ВАУ.— Свердловск, 1969.— Вып. 8.— С. 104—105; Елагин В. С. Отчет о полевых работах...—
- ³¹⁰ Плетнева Л. М. Исследования в Томской области // АО 1970.— М., 1971.— С. 211.
- ³¹¹ Могильников В. А. Отчет о работах Иртышского отряда...—
- ³¹² Романова М. В., Юровская В. Г. Исследования в районе Тюмени // АО 1971.— М., 1972.— С. 273; Троицкая культура...— С. 107.
- ³¹³ Конинов Б. А. Культура таежного Прииртышья...— С. 12.
- ³¹⁴ Плотников А. Ф. Нарымский край...— С. 199—200.
- ³¹⁵ Чернецов В. Н. Вогульские сказки.— С. 133; Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken...— S. 32, 33; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 65, 69.
- ³¹⁶ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 69.
- ³¹⁷ Там же.
- ³¹⁸ Разведки Б. А. Конинова 1981 г.— Архив ОГПИ; Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья.— Томск, 1980.— С. 112; Дульзон А. П. Поздние археологические памятники...— С. 161; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии...— С. 191.
- ³¹⁹ Patkanov S. Die Irtysh-Ostjaken...— S. 16—17.
- ³²⁰ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 69; Новгородская первая летопись...— С. 41, 232—233..
- ³²¹ Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря...— С. 71; Косарев М. Ф. Экологические аспекты...— С. 26.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВСНК — Всесоюзная студенческая научная конференция НГУ «Студент и научно-технический прогресс».
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ЗРГО — Записки Русского географического общества.
ЗС — Знание — сила.
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета.
ККМ — Колпашевский краеведческий музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
ҚСИАИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛАИ УРГУ — Лаборатория археологических исследований Уральского государственного университета.
МА МГУ — Музей антропологии Московского государственного университета.
МА НГПИ — Музей археологии Новосибирского государственного пединститута.
МА ОГПИ — Музей археологии Омского государственного пединститута.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИКНС ИИФиФ — Музей истории культуры народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР.
НОКМ — Новосибирский областной краеведческий музей.
ОАК — Отчет императорской Археологической комиссии.
ОЕГС — Особенности естественно-географической среды и исторические процессы.
ОКМ — Омский краеведческий музей.
СА — Советская археология.

- САИ — Свод археологических источников. Археология СССР.
СВЭ — Советская военная энциклопедия.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.
СЭ — Советская этнография.
ТБКНИИ — Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
ТМАО — Труды Московского археологического общества.
ТТКАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей.
ТТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея.
УЗ КУ — Ученые записки Казанского университета.
УЗ ТГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института.

ТАБЛИЦЫ

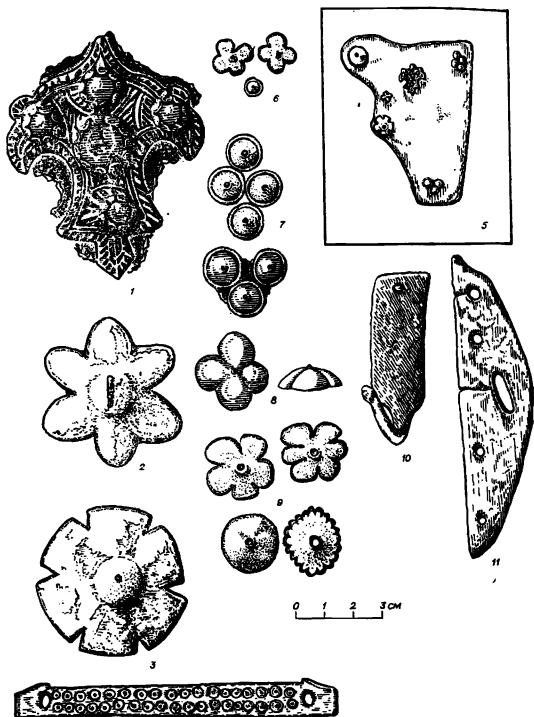

Табл. I. Декоративные накладки и крепежные детали колчанов.

1, 3, 6-9 — Абрамово-10; 2 — Кыштовка-2; 4 — Соцка-2; 5 — реконструкция колчана по материалам Абрамово-10; 10 — Садовка-4; 11 — Кипо-Кулары.

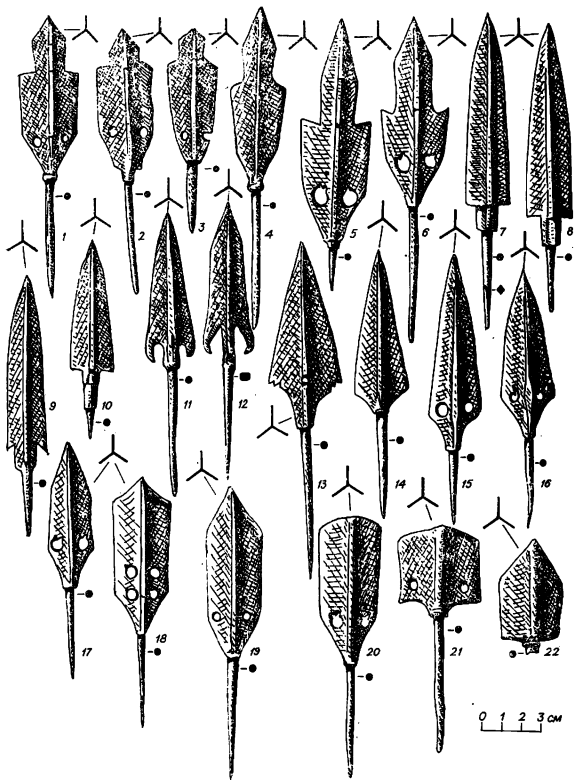

Табл. II. Наконечники стрел группы I, трехлопастные.

1, 5-7, 13, 15-21 — Елыкаевская коллекция; 2, 3, 11, 12, 14 — Томский могильник; 10 — Холмогорская коллекция; 8, 9 — Лысая Гора; 22 — Аргав

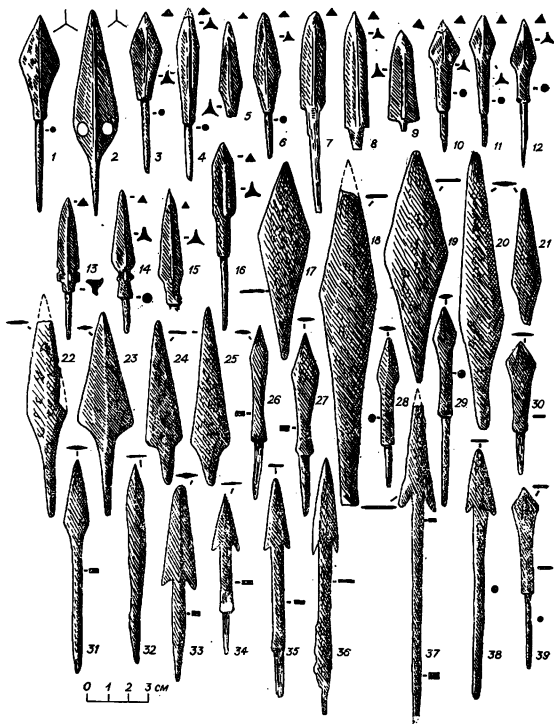

Табл. III. Наконечники стрел.

1, 2 — группа I, трехлопастные; 3—16 — группа II, трехгранно-трехлопастные; 17 — 39 — группа III, плоские. (1 — Елымаевская коллекция; 3, 22, 25, 29, 30, 33 — Аргавз; 4, 5, 11 — Усть-Ишим; 6, 10, 13, 35 — Кип; 7, 8 — Александровка; 9, 12 — Малая Тебендя; 13, 15 — Каменный Мыс; 14 — Релка; 17, 19, 20, 24, 33 — Барсов Городок; 18, 31, 34 — Шаманский Мыс; 21 — Тоянов Городок; 23 — Мурляинское городище; 26—28 — Исмер; 32 — Иловский могильник; 36 — Нарым (случайная находка); 37 — Холмогорская коллекция).

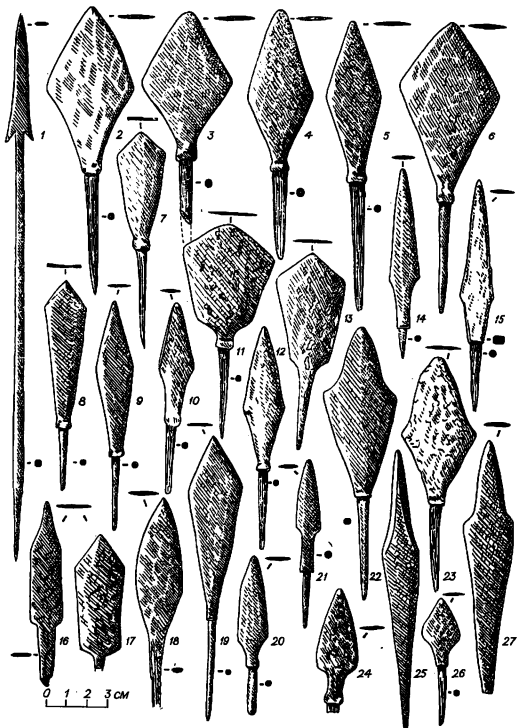

Табл. IV. Наконечники стрел группы III, плоские.

17 — Ишимская коллекция; 2—4, 9, 10, 14 — Абрамово-10; 6 — Пнистые курганы; 7 — Малая Тебендя; 8 — Седова Запья; 12, 15, 23 — Кыштовка-2; 11, 19 — Толянов Городок; 13 — Тохтамышевский могильник; 16 — Барсов Городок; 17, 20 — Усть-Ишим; 18 — Абрамово-10; 22 — Бедеровский Бор; 24 — Кип; 21, 25 — Шаманский Мыс; 26 — Аргаиз; 27 — Нарым (р. Чая?).

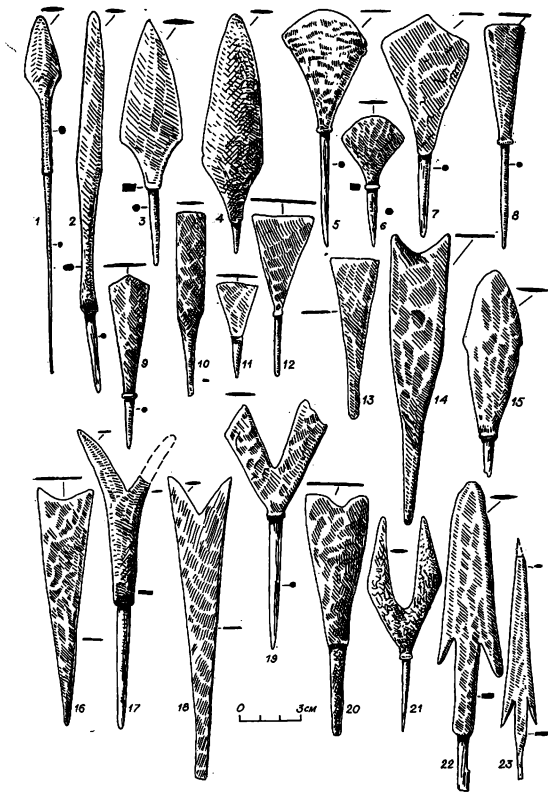

Табл. V. Наконечники стрел группы III, плоские.

1 — Искер; 2, 7 — Тоянов городок; 3 — Седова Запмка; 4 — Тобольская губ; 5, 6, 11 — Кыштовка-2; 8 — Абрамово-10; 9 — Аргаиз; 19 — Киц; 12, 13 — Басандайка; 14, 16 — Барсов Городок; 15, 22 — Ямки; 17 — Томский могильник; 18, 23 — Шаманский Мыс; 18 — Чулым (д. Тюппа?); 20 — Усть-Ишим; 21 — Искер.

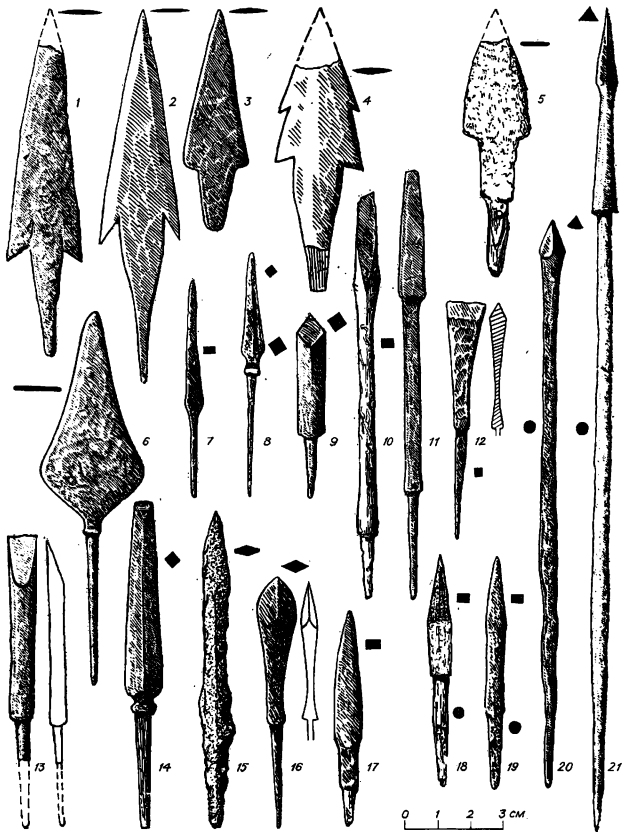

Табл. VI. Наконечники стрел.

1—6 — группа III, плоские; 7—21 — группа IV, граненые.

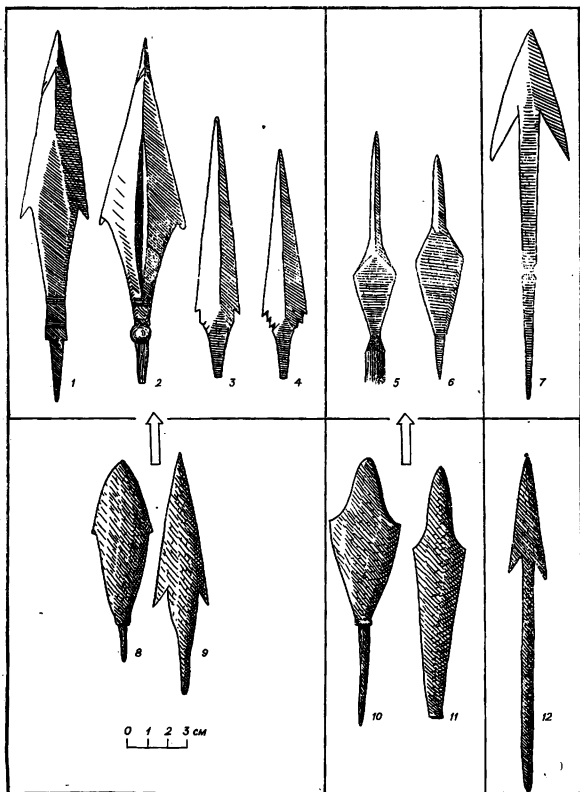

Табл. VII. Корреляция археологических и этнографических (селькупских) наконечников стрел.

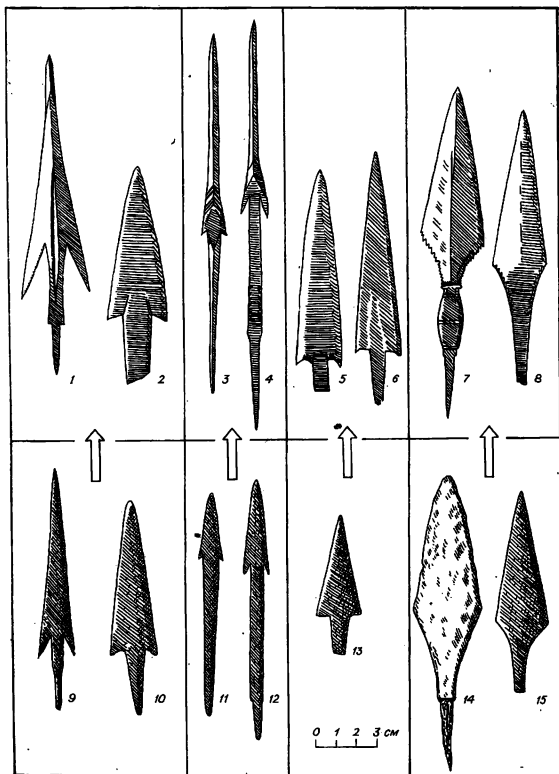

Табл. VIII. Корреляция археологических и этнографических (селькупских) наконечников стрел.

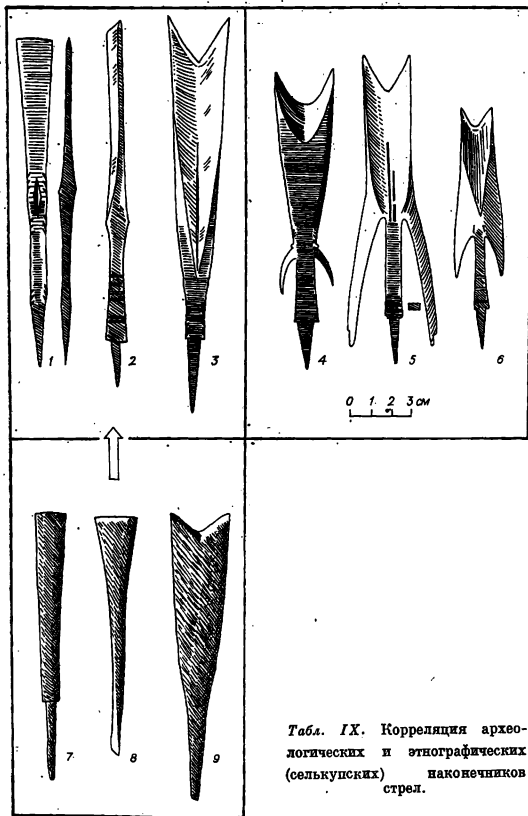

Табл. IX. Корреляция археологических и этнографических (селькупских) наконечников стрел.

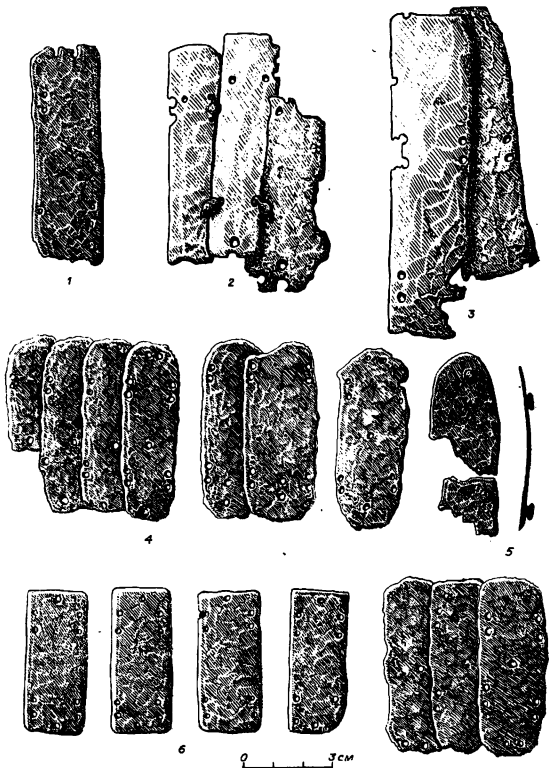

Табл. X. Панцирные пластины. Ламелярный доспех.

1 — Парабельская коллекция; 2, 3 — Васюганье (оз. Тох-Пугол?); 4 — Арганз; 5 — Иловский могильник; 6 — Басандайка.

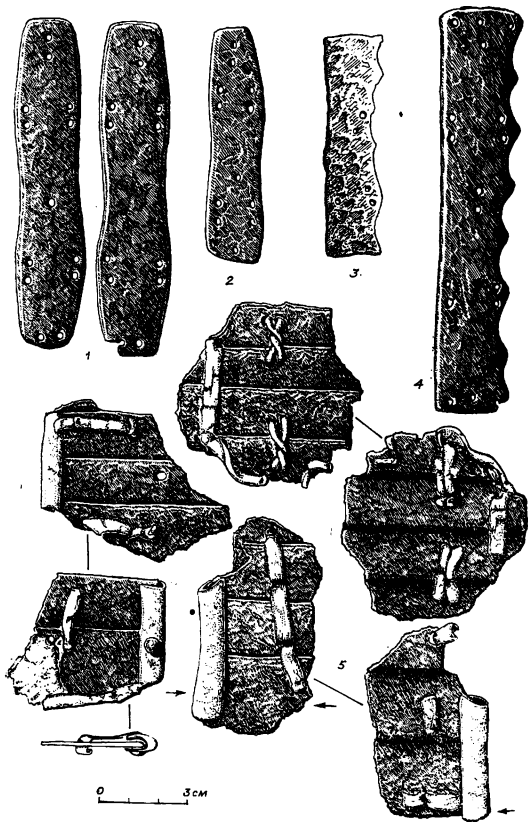

Табл. XI. Панцирные пластины. Ламелярный доспех.

1 — Релка; 2 — Архиверейская Запмка; 3 — Окунево; 4 — Релка; 5 — Усть-Ишим.

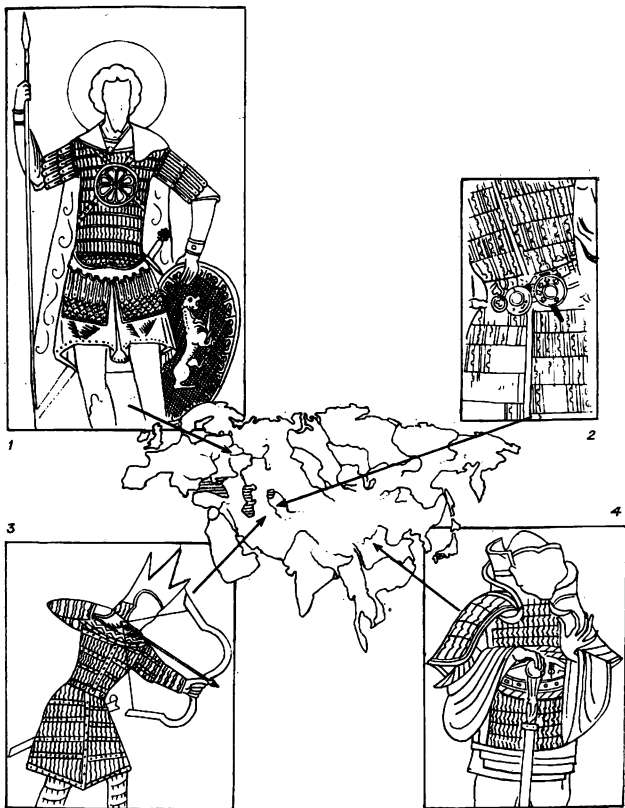

Табл. XII. Зона распространения ламельного доспеха с зубчатыми пластинами.
 1 — с миниатюры Феодоровского евангелия (по А. Н. Кирпичникову); 2 — с согдийских фресок (по В. И. Распоповой); 3 — с чаши из Кулыгаша; 4 — со стелы наставника Даоина (по Ян Хуну).

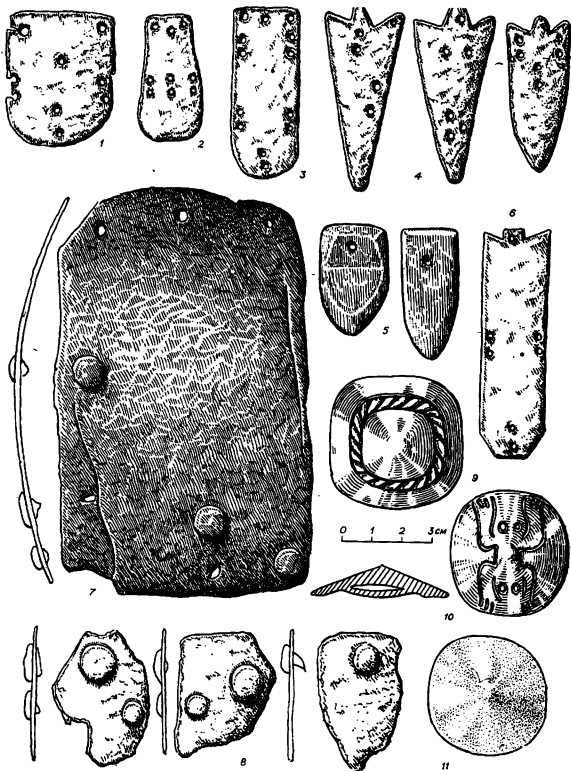

Табл. XIII. Панцирные пластины. Чешуйчатый доспех.

1 — Кишо-Кулары; 2, 3 — Мурлинское городище; 4 — Архиерейская Займика; 5 — Обь-Енисейский канал; 6 — Кустанайская обл.; 7, 8 — Парабельская коллекция; 9—11 — Варсов Городок.

Табл. XIV. Шлемы.

1 — Старинная находка; 2 — Редна.

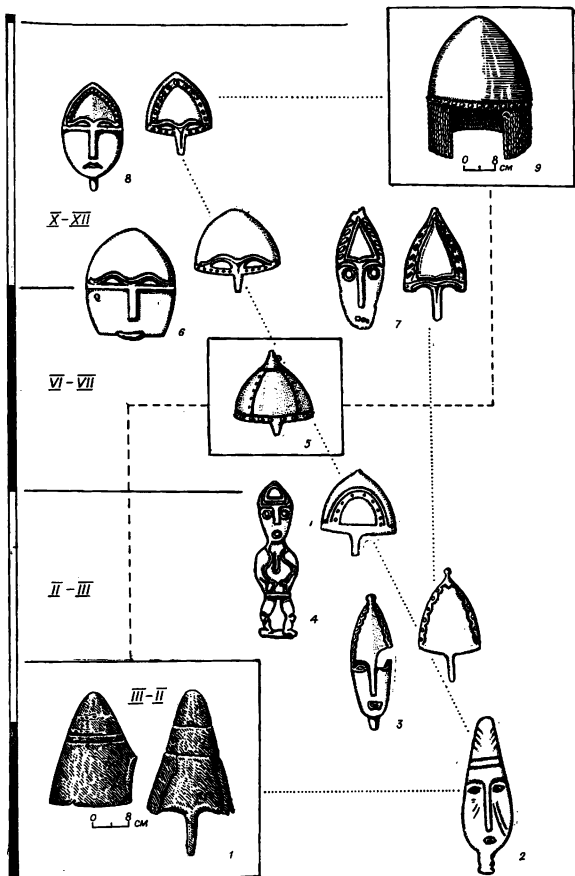

Табл. XV. Схема развития боевого наголовья.

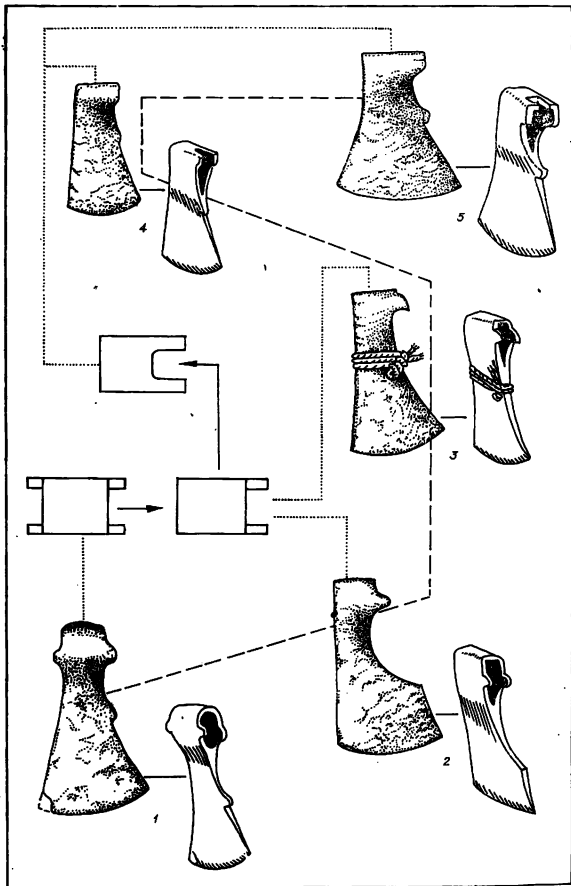

Табл. XVI. Проушные топоры. Эволюция обушной части с вырезом.
 1 — Тац-Ворул-Эква; 2 — Ликинский могильник; 3 — культовое место Ворсиа-Ойна;
 4 — Кыштовка-2; 5 — Тургайский могильник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>В. П. Молодин</i>)	3
Введение	6
Глава I. История исследования военного дела населения лесной полосы	12
Глава II. Оружие дальнего боя	19
Глава III. Защитное вооружение	49
Глава IV. Оружие ближнего боя	65
Клинковое оружие ближнего боя	—
Древковое оружие ближнего боя	90
Глава V. Некоторые вопросы военного дела лесного населения Западной Сибири	101
Заключение	144
Примечания	146
Список сокращений	175
Таблицы	177

Александр Иванович Соловьев

ВОЕННОЕ ДЕЛО КОРЕННОВО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Эпоха средневековья

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства *Н. М. Аржаневская*

Художник *В. И. Шумаков*

Технический редактор *И. М. Бурлаченко*

Корректоры *С. А. Хабте, М. И. Фомина*

ИБ № 30407

Сдано в набор 28.10.86. Подписано в печать 17.03.87. МП-00723. Формат 70×90 1/16. Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14. Усл. кр.-отт. 14,1. Уч.-изд. л. 16. Тираж 1850 экз. Заказ № 419. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.